

МИХЕЙ БЕЛЫЙ

ЗЕМЛЯКИ.КОП

КНИГА 1

Роман, повествующий о группе «серых копателей», обнаруживших в интернете архив с информацией о немецкой колонне, разбитой во времена Великой Отечественной Войны. Поначалу все было как всегда — шутки юмора, море бухла, хабар... Но в какой то момент что-то пошло не так... Читателю предстоит отправиться в увлекательное путешествие с героями, познакомиться с каждым из них, выслушать множество отборных жизненных анекдотов и прочувствовать на себе атмосферу копа.

Михей Белый

Земляки. коп

Отстройку от грунта произвел? Жми «Ок». Хорошо. Батарейки то хоть новые стоят? Иначе все настройки коту под хвост! Дальше что? Ага. Баланс грунта. Жми сюда и вот так над землей катушкой поводи. Да не так! Че ты машешь, как будто спиннинг закидываешь? Параллельно земле катушкой води, пока курсор бегает! Как закончит — прибор пискнуть должен, типа отстроился от помех и грунта! И запомни: эти жирные цифры на дисплее, те что с минусом и до плюс примерно десяти — это все чернина, черный металл, там еще звук глухой такой будет, ни с чем не перепутаешь, от четырнадцати и выше, где то до тридцати двух — тридцати шести — цветнина, ну там медяшки, пуговики, гильзач разный... Если вдруг дико заверещит на высоком тоне и цифры типа тридцать шесть — сорок; — значит это большая сгнившая хрень из чермета, близко к поверхности! Да! И не забудь Деду Земляному проставиться, а то удачи не будет!

Глава 1

Михаил сбросил газ, плавно выжал сцепление, перевел рычаг КПП в нейтральное положение и чуть придавил педаль тормоза.»Заряженный» внедорожник, доверху забитый всяким шмурдяком, притормозил перед небольшим болотцем, в которое переходила лесовозная колея. Бросив короткий взгляд по зеркалам заднего вида, водитель сдвинул рычаг раздатки в крайнее положение, включая пониженную передачу, и тут же нажал кнопку блокировки заднего моста на панели приборов. Взревев дизелем, автомобиль нырнул в болотце, распугивая лягушек и плюясь комьями грязи из под колесных арок.» Блин, надо было давление в колесах сбросить, чтоб не засесть в неподходящий момент» — мелькнула было в голове мысль и тут же исчезла.

— Лех, что это вообще за фигня происходит? Едем, едем, и все никак не приедем. Заблудиться мы не могли? — обратился водитель к своему пассажиру, сидящему на переднем пассажирском кресле и с напряженным лицом изучающего экран GPS-навигатора. Тот нехотя оторвался от дисплея и с хмурым видом недовольно произнес.

— Хрен его знает, товарищ майор, собака след не берет.

— В смысле?

— В прямом. Прибор спутники не видит.

— И что это значит? Сломался или батарейки сдохли?

— Батарейки я вчера новые поставил, а сдохнуть ему еще время, я думаю, не пришло — я его купил три месяца назад всего, отвалил за него тридцатку.

— Мэйд ин чайна?

— Да вот и нихрена — чистокровный америкос.

Водитель еще раз мазнул взглядом по зеркалам, и не обнаружив сзади ничего заслуживающего внимания, вновь сосредоточился на управлении автомобилем.

— Куда ехать то, Сусанин? На память не вспомнишь, куда этот хайвэй ведет?

— Ну, если не ошибаюсь, как мы тот хуторок проехали, где завтракали — дорога по полям виляла, потом дуб огромный в поле стоял, на форуме где местные пишут, что в него постоянно в грозу молнии бьют, от него к северу километрах в трех урочище должно быть, раньше там деревенька была, дворов двадцать — да только ее гансы сожгли, когда их отсюда в сорок втором пинками погнали, потом поле, по центру поля могила находится капитана нашего — танкиста, он погиб здесь, когда немцев атаквали, как поле под уклон пойдет, речка-переплюйка будет, с метр глубиной, но Женек говорил, что когда они тут покатушки на джипах устраивали, они брод наши, с полметра всего глубиной, и дно твердое. Так что если выберемся из леса и до урочища дотянем, держись левее, брод там. После речки дорога посуше будет, в горку пойдет. Дальше ельник сухой, потом поле, за ним рощица должна быть березовая, где с остальными встречаемся, потом, помню, по карте болота должны начаться, а дальше разберемся. Колея то, видишь, свежая, вон, если приглядеться, следы какие то, вроде тракторные, и кусты по бокам поломанные.

— Ну да, если засядем здесь, этот трактор нам ой как пригодится.

— Не каркай, а то сам пойдешь искать его, если что.

— Тьфу-тьфу-тьфу три раза.

— Опа! Ты слышал?

— Чего?

— Стрелял вроде кто то.

— Да браконьеры сто пудово. Тут места глухие, а кабанов развелось полным-полно. Ты ствол брал с собой?

— Ну да. Травмат с парой обойм и помпу. В рюкзаке лежит, разобранный, в чехле. А ты?

— Тоже травму и сайгу.

— Слушай анекдот про Саида из «Белого солнца пустыни». Такой короче диалог: «— Саид, почему седло в говне? — Стреляли...»

— Ха-ха-ха!

— Во, опять шмаляют. Не нравится мне это.

— Что именно?

— Да выстрелы эти. Вроде очередями палят или из полуавтомата очень быстро на курок нажимают. Или я что-то пропустил, и у нас браконьеры с калашами на зверя ходят?

— А кто его знает, с чем они ходят. Тут такие бои были, может у местных ППШ или МП-хи заныканы. Не удивлюсь, что если покопаться по чердакам да по подвалам, Тигра или Катюшу в масле нароешь.

— Ну да, все может быть.

— Наши то дорогу найдут? И кто поехал? А то доберемся до места, и одни там будем куковать.

— Андрюха — Усатый на Паджерике должен быть, я вчера с ним созванивался, вроде собирался в дорогу, а с нашей стороны географии Вадим Николаич едет, он Уазку свою наконец то дособирил, с ним Пашка и Серега.

— Серега на Вадиме? У него же своя машина есть?

— А он как всегда-«я, говорит, отдыхать еду, бухать буду».

— Задолбал этот алкаш. Когда он пить перестанет? Опять упьется и будет до вечера в кустах валяться.

— Все как всегда.

— А что там за место, куда мы едем?

— Когда то была дорога через болота, ее только местные знали. Когда немцев зажали почти в котел, им свои хотели помощь прислать. Нашли какого то местного проводника, ну он и подписался провезти их тайными тропами.

— Местного не Иван Сусанин звали?

— Не в курсе, история умалчивает. Сусанин же поляков водил, а не немцев, и в болоте утопил вроде, а этот потихоньку как то дал знать нашим, чтоб встречу организовали. Костян по архивам порылся, говорит там в марте 42-го года гансам дали жару, колонну ту ихнюю размолотили, наши подбили первый и последний танк, чтоб не разбежались, и давай поливать их из всех калибров. Кто то пытался объехать под огнем, в болоте увяз, кого то подстрелили.

— Так там наверно еще в те годы все растащили?

— Да нет, все не так просто. Колонна везла немцам оружие, боеприпасы и продукты, а поскольку такие ценные трофеи в болоте завязли, наши пытались их выдернуть. Сразу не получилось, встали лагерем недалеко, а утром немцы авианалет устроили, и отбомбились прицельно. Все в кашу- и колонна, и наши. Кто-то из гансов смылся в горячке боя, и маякнул своим, что типа никого не осталось в живых из них, а немцы решили ни себе, ни людям. Короче, март месяц был, снегу полно, что то в снегом замело, что то болото засосало. Поэтому я думаю нехилый хабар можно там накопать.

— Да сказки. Если Костян это на форумах вычитал, то сто- пудово мы не первые такие красавцы там будем.

— В том то и дело, что Костян списался с немцем, внуком того фрица, что Люфтваффе вызвал, не знаю, как развел его на откровенность, но тот все это ему рассказал.

— Может —»сказки Бабушки Арины»?

— Сомневаюсь. Немец настоящий, мне Костян его профиль в ихней соцсети показывал, номера немецких частей назвал, Костян по архивам проверил- да, были такие, в этих краях полегли. Короче, решили собраться всей командой и проверить, че да как. А то скоро мухи белые полетят, а мы за сезон только один раз все и собрались.

— С чего это немец так разоткровенничался? Какой-то свой интерес имеет?

— Ну вроде как у деда его, что тут воевал, брат родной тоже в той колонне шел, ну и после авианалёта без вести пропал. Там же наши вскоре в наступление пошли, и немцев отсюда выгнали. Тут же болота, весна была, наши здесь хоть и наступали, но они же не цепью шли. Вон Женек наш в этих краях со своими джип спринты устраивает, да и то не знал, что под носом такой хабар может быть. Вот внучок и думает, может повезет кому двоюродного деда жетон найти или вещички какие. Даже бабла обещал.

— Бабла? Интересно. И почему сейчас дохлые фрицы?

— А хрен его знает, че то там до конца не договорились, толи немчонок перестал на связь выходить, то ли одно из двух. Короче решили сгонять на разведку. Вадим даже в Узке мотопомпу тащит, если вдруг блиндаж какой или воронку откачивать.

— А как фрица того звать то?

— Внука?

— Нет, деда, чей жетон найти надо.

— Не в курсах. Поднимай все жетоны, если конечно найдем их, авось нужный и попадется.

— А чего Костян сам не поехал?

— Да он дачу свою продает, все с риэлторами встречается. Ну ладно, если найдем чего путное, помимо жетонов, его естественно не обделим.

— Давай сначала найдем хоть что-нибудь, а то может там и нет ничего, или вообще — не было.

— Вот за этим и едем.

— Ну что, Паш, еще по одной выпьем?

— Давай! А за что? За коп мы пили, за «кладуху-под-катуху» тоже, Деду Земляному ты наливал в лунку, когда последний раз останавливались отлить.

— Давай за пулемет выпьем, за Максим!

— Какой еще Максим?

— Который я сегодня до вечера найду!

— Парни, хорош нажираться! — вмешался в разговор водитель Уаза-Буханки, высокий свеловолосый мужчина в потертом камуфляже. — Мы пока едем — вы уже второй пузырь допиваете, на место приедем, из машины сил не будет выпасть. И вообще, пить надо на троих, а не в два горла, а третий завидует!

— Так ты же за рулем, Вадим Николаевич! Тебе нельзя, вдруг гаишник какой в лесу притаился, прав лишит! — засмеялся Пашка, невысокий жилистый парень в камуфлированной «горке» и с банданой на голове. — Хотя в лесу тут только кабаны могут засаду нам устроить, но мы против них наше секретное оружие выставим — Серегу, он

дыхнет, и кабаны сразу разбегутся! Да, Серый? — толкнул он локтем в бок третьего пассажира, который в данный момент пытался налить водку в два пластиковых стаканчика, держа их одновременно в левой руке.

— Паш, ты чего, охренел? Чуть ценный продукт из-за тебя не разлил! — Возмутился Серега, пытаясь сконцентрироваться на розливе, что было весьма проблематично, учитывая езду в данный момент по пересеченной местности.

— Серег, а ты трусы счастливые одел свои? — продолжал подначивать его Пашка.

— Что за прикол про трусы? — покосился на выпивох водитель.

— Да у Сереги примета такая- чтоб домой возвращаться с находками, он всегда на коп одевает одни и те же труселя. Ни разу еще говорит примета не подводила. Да, Серый? — снова толкнул его Пашка.

— А ты их стираешь хоть иногда? — сквозь общий хохот спросил водитель.

— Тс-с! Тихо! Слышали? — вдруг внезапно посерьезнев, спросил Пашка.

— Что такое? Кабана увидел? — Серега, намучившись, разлил наконец водку по стаканам и протягивал один из них Пашке. — Что ты услышал, Пахан?

— Стрелял кто то в лесу. Не охотничье ружье, точно. Звук резкий, хотя и далеко.

— Ну и пусть стреляют, хрен с ними. Тебе не по барабану, Пахан?

— Да мне в принципе пофиг, главное если шмаляют такие же синяки как ты, чтоб нас со зверем не перепутали.

— Это кто еще из нас синяк? — возмутился Серега. — Себя то в зеркале видел? Ты ж не меньше моего выпил, а еще и обзывается!

— А прикол новый- слышали?

— Это который?

— Да про Серегу.

— Рассказывай, поугараем!

— Берет значит наш Серый зеркало, тащит его в ремонт, где мобильники и всякую хрень чинят, и говорит: — Парни, а как его вернуть к заводским настройкам? Раньше все нормально показывало, а сейчас какой-то алкаш только отражается!

— Ха-Ха-Ха!

— Сам ты алкаш!

— Не бздите, парни! — вернулся к разговору о Пашкиных страхах Вадим. — Я с собой карабин взял, на место приедем, с вами выпью, и хрен кто к нам подойдет!

— Ага, без пол-литра. — буркнул Серега, разобидевшись на приятеля.

— Вадим Николаевич, какой карабин у тебя? — заинтересовался Пашка. — Нарезной?

— СКС-самозарядный карабин Симонова, 7.62x39, калибр как у первых калашей, только пули без стальных сердечников. Зато дульная энергия 2100 джоулей, это тебе не хухры-мухры! Кабана насквозь пробивает и дальше летит.

— А двух кабанов? — попытался вникнуть в смысл разговора уже изрядно окосевший Серега.

— Что, двух кабанов? — не понял водитель.

— Ну если два кабана рядом гуляют, а тут ты-бах! В одного попал и в другого-пуля дальше полетит? — попытался сформулировать его собеседник, с трудом фокусируя взгляд на приборной панели в поисках какой либо закуски.

— А это, Серега, зависит от того, чем они ко мне в этот момент повернутся-мордой или задницей.

— Как это? — не понял тот. — А в чем разница?

— Не заморачивайся, Серега, Вадим наш свет Николаевич шутит так. Ты все равно не поймешь. Лучше Лехе с Мишаней набери, где они едут.

— Во, точно! И чего мы сразу не поехали вместе колонной? Ищи сейчас друг друга по лесу.

— Серег, я задолбался повторять! Это ты в отпуске и Вадим на пенсии, а я все таки работаю. Еле шефа уломал, чтоб отпустил на три дня за свой счет. Он хоть и сам копает иногда, все равно долго бухтел. Все таки лето, кто в отпуске, кто болеет. Я и так последние две недели почти без выходных пахал, как Папа Карло.

— Учи историю, салага! — Влез в разговор Вадим. — Папа Карло в жизни своей ничего тяжелей стакана не поднимал, он шарманщиком был, пропустит стаканище с корешем своим, Джузеппе Сизым носом, и бродит по улицам, диджеем на шарманке подрабатывает. И скоро у нас свой Сизый нос в команде будет-да, Серега?

— Тихо вы, я парням звоню. Блин, сети нет. Вот заехали в жопу мира.

— Да не переживай ты так. Скоро чую приедем. Лагерь разобьем, костерок запалим. Время скоро к обеду, это вы все водку жрете, а я кроме кофе и пары бутербродов еще сегодня ничего не видел.

— Будешь так медленно ехать, и совсем ничего не увидишь, все с Серым съедим.

— Ага, и будете с ним на пару по лесу бегать, кабанов загонять.

— Да не вопрос! Побегает, пробздимся, старая водка из организма выветрится, новой больше влезет!

— Я ж и говорю, собралась команда алкашей!

— А сам то что-нет?

— Нет, я за рулем.

— Ну так выйди из-за него.

— Ох, ё-моё....

Андрей Георгиевич потянулся на водительском кресле немолодого, но еще бодрого и крепкого внедорожника, зевнул и заглушил двигатель. В наступившей тишине сразу проявились все звуки леса, неизбалованного частыми визитами человека-прошелестел легкий ветерок по кронам молодых березок, где то на пределе слышимости куковала кукушка, звонкой пулеметной очередью ей аккомпанировал дятел. Андрей, разменявший уже шестой десяток лет, всегда с каким то благоговейным чувством восторга внимал эту нехитрую лесную мелодию. Еще бы-шум столицы, где он жил, не утихал ни днем ни ночью, вбивался в подкорку мозга, каким то назойливым комаром фонил в голове даже сквозь разрекламированные двухкамерные стеклопакеты. — «как же хорошо, что я согласился на эту поездку»-подумал он-«а то ковырялся бы сейчас на даче, полон бы грядки, ну или на худой конец сидел бы с удочкой на пруду вместе с соседом Иванычем. Нет, ну понятно, дача это хорошо в моем возрасте, дети выросли, никто не отвлекает, сиди хоть все лето с удочкой, или ягоды собирай и закрутки на зиму готовь. Хотя у многих и дач то нету, сидят по квартирам да в телевизор пялятся или в монитор весь день»-начал он опять многолетнюю дискуссию с самим собой на тему полезного времяпровождения. — «а здесь природа, етить её экология, может и грибы пошли, август месяц как никак. Нет, конечно металлодетектор расчехлю, похожу с ребятами, но без фанатизма. А может вообще встану завтра с утра, пока все спят, часика в четыре утра, и глухаря какогонибудь или тетерева добуду. Зря что ли двустволку с собой привез?» Он вылез из автомобиля, зевнул и с удовольствием потянулся.

Несмотря на удобные кресла автомобиля, пол-тысячи километров за один присест все таки давали о себе знать.»-Надо бы парням позвонить, узнать, как они там, где едут»-мелькнула мысль. Андрей достал смартфон из внутреннего кармана куртки, посмотрел на экран, чертыхнулся:-«блин, а сеть то не ловит на этом краю географии. Ладно, хрен с этой сетью, подожду часок на природе, воздухом подышу». Он подошел к автомобилю, открыл багажник и достал из лежащего поверх кучи всякого необходимого в походе скарба рюкзака литровый металлический термос, открутил крышку, плеснул в нее и с удовольствием пригубил.

— Красота то какая, лепота! — подражая Ивану Васильевичу из одноименной кинокомедии, вслух произнес он. Допив ароматный чай, накрутил крышку на место, и обойдя автомобиль, положил термос на переднее пассажирское сидение. — Чтоб далеко не лазить, если снова захочется. — оправдал он свое нежелание снова возиться с клапаном рюкзака. Андрей снова обошел автомобиль, открыл водительскую дверь, сел за руль. Потянулся было к ключу зажигания, намереваясь запустить мотор, но передумал. — «чего зря топливо жечь? Посижу в тишине, птичек послушаю. Опять же, если ребята будут подъезжать, я их издали услышу. А, кстати»-он потянулся к встроенной Си-Би рации, включил ее, и сняв тангенту с потолочной консоли, проговорил в динамик:

— Леха, Вадим, Мишаня, это Андрей, слышит меня кто-нибудь? Прием.

Еле слышный треск помех был ответом, когда он отпустил кнопку передачи.

— Ау, парни, это Андрей, как слышно? Прием.

Ответом снова было потрескивание атмосферного электричества. — «Ну да ладно. Видно еще не в зоне действия»-подумал Андрей. — «насколько я помню, моя рация бьет километров на десять, но это на открытой местности, на шоссе например, а здесь, в лесу-наморщил он лоб, задумавшись-от силы километра на два-три бить будет, а то и меньше. Короче, еще часок подожду, а там видно будет»-окончательно решил он, выключая рацию.

Глава 2

— Вадим! Вадим Николаевич!

— Че, Лех, разорался?

— Ты бензин для бензопилы брал?

— Да, канистру десятилитровую взял, уже с маслом двухтактным разбодяжил. В салоне должна лежать.

— А зачем так много? Мы что собрались сруб для бани строить?

— Так я еще мотопомпу прихватил со всеми шлангами, а то вдруг какой блинчик затопленный попадетса? Она же тоже чистый бензин не употребляет. Как раз, и в помпу пойдет, и в пилу.

— Запасливый ты мужик, как я погляжу, Вадим Николаевич. Что еще захватил этакого?

— Ну топор, карабин, само-собой. ИРП-шек десяток пацаны подогнали, правда у них срок через три месяца кончается.

— Фигня. Вон, Мишаня рассказывал в прошлом году на копе — у них как-то сухпаек был, который аж на двенадцать лет был просрочен, и ничего, все живые остались!

— Да ладно!! Мишаня!

— Я за него.

— Леха говорит, ты сухпаек просроченный ел и все нормально было?

— Ну да. Срок годности закончился в 2006-м, а вскрыли мы его в 2018-м.

— Ну и как?

— Да, все нормально было. С голодухи после марш-броска под дождем по пашне с десяток километров еще не то сожрешь. Там, правда, консервированный рис с мясом, после того как мы его разогрели, скрипел на зубах, как песок, да и на вкус песок напоминал, выкинуть пришлось, ну и галеты от старости в порошок рассыпались, а так ничего. Сухпай был походу старого образца, не как сейчас, темно-зеленая упаковка, а светлая такая, типа салатная. Но никто не траванулся.

— И даже никто не продриснулся?

— Не-а. Мы коньячком после продезинфицировались.

— Ха-ха-ха! Молодцы! А кстати, о коньячке: раз уж все доехали и не потерялись, может по пятьдесят грамулек? Лех, ты как?

— По стопочке не откажусь, но не более. Нам еще лагерь разбить надо, дров напилить на ночь. Зря я что-ли бензопилу с собой притаранил?

— Андрей?

— Нет, я чайку из термоса.

— Мишаня?

— Я как пионер-всегда готов.

— «всегда готов»-это Серега.

— А где он, кстати?

— Вон, в Узке дрыхнет. Всю дорогу с Пашкой керогазили, меня с пути истинного сбить пытались.

— Ну а ты что, не поддался?

— Нет, конечно. Спьяну засели бы где нибудь в канаве, и хрен помощи дождешься. Сеть не ловит, рация не добивает. Сейчас я конечно исправлю эту оплошность, накачу штрафную.

— А Пашка где?

— В лес пошел, осмотреться.

— У кого рация под рукой, скажите ему, чтоб пару поленьев приволок из леса, хоть костерок небольшой запалим.

— Ты, прежде чем костры разводить, прибор достань и прозвони место. Помнишь поговорку-«Комрад и турист! Прежде чем гонять чайще, проверь металлдетектором кострище!»

— Да, что то такое несколько лет по ящику показывали-вроде в Калининградской области, туристы на берегу встали с палатками, костер зажгли, и ближе к вечеру бабахнуло в нем нехило. Пятеро наглушняк, одна баба вроде живая осталась. Стали разбираться потом, менты, то да се, оказалось в том месте, где они костер запалили, снаряд лежал неглубоко. Грелся, грелся, и короче, согрелся.

— Да уж, не дай Бог. У меня похожий случай был, под Можайском. Приехали, машины в поселке бросили, нагрузились рюкзаками и пешком в лес ломанулись. Километра полтора прошли, смотрим-полянка симпатичная, метров может десять на десять, примерно. Ну и тоже стали планировать-здесь палатка, здесь костер будет. Решили уж костер запалить, а пацанчик с нами один был, не копарь, а так с нами на природу выехал, вдали от жены попьанствовать, ну он и говорит- «Мишань, ты прежде чем костер жечь, достань хрень свою поисковую, и проверь в земле. Мало ли чего?»

— Ну и было чего?

— Ага. ЭрГэДэха лежала, тридцать третья, прям на пол- штыка в глубину. С запалом, и ведь, зараза какая, именно в том месте, где костер планировали. Причем я потом всю поляну прошерстил — вообще ничего больше не было, ни гильз, ни осколков даже.

— Да уж, и такое бывает.

Ну да. Что там, всем налили? Ну, за коп!

— За коп!

— За находки!

— Вздогнули!

Мишаня, Леха и Вадим чокнулись маленькими металлическими стопочками, которые за разговором наполнил коньяком из своей знаменитой литровой фляги Вадим Николаевич, выпили и потянулись за закуской, которую уже успел разложить на раскладном походном столике Андрей. Сам он не пил, лишь жевал ломоть хлеба с толстыми ломтями краковской колбасы и потягивал свой чай из крышки термоса, который на удивление так и не остыл, лишь сменил статус с «огненно-горячий» на «просто-горячий».

— А что далеко ходить то? — вспомнил Миха. — Помнишь, Лех, в том году на майские гоняли, у нас к костре тоже сюрприз был. Андрюх, помнишь? Ты тоже был тогда с нами. И Серега был.

— Серега, наверное, не помнит. Он такой же синий тогда валялся. — ответил Андрей. — А сюрприз-да, был, мимо меня просвистел, и Женьку чуть-чуть задело.

— А что за сюрприз? — Заинтересовался Вадим.

— Так тебе надо с нами почаще на природу выезжать, столько историй всяких и случаев бывало. Мишань, расскажи.

— А что рассказывать-то? На прошлые майские поехали мы впятером-я, Леха, Георгич, Серега и Женек.

— Какой Женек? Джипер?

— Ну да. Приехали значит по Лехиным картам...

— Не моим, а Костяновским. Он у нас постоянно в архивах сидит.

— Блин, не перебивай, а то сам будешь рассказывать.

— Не, ты рассказывай, раз уж начал.

— А ты первый попросил!

— Отставить ругаться! — Вадим открыл фляжку и снова разлил по стаканчикам.

— Давай, Мишань, за интересные истории!

— Будем!

— Будем! Андрюх, а ты чего?

— Чаем не чокаются, но мысленно я с вами.

— Окей. Приехали мы значит, а по архивам там бои страшные были, и народ на форумах хвастался постоянно находками. Приезжаем, короче, на намеченную точку, да не учли, олухи, что праздники то майские.

— И чего?

— И ничего. На полянке нашей какой то поисковый отряд, с шатрами, палатками, МЧС-ой машиной, скорой помощью и экскаватором встали. Даже полевую кухню пригнали. Ну мы что бы не светиться, быстрее развернулись и назад. А там место такое, на высоте все это происходило, а дорога основная понизу идет. Наверх, короче, ведут три дороги, ну как дороги-направления, Андрюха и Леха на джипах проползли, а Серый на пузотерке не смог, на тросу его затаскивали. Вторая дорога метрах в двухста от первой, послали один джип на разведку. Там, короче наверху тоже копари сидят, с палаткой, костром, синие в какашку, и бабы с ними, орут чего то, музыка орет у них.

— Может просто туристы на пикнике какиенибудь были?

— Да нет. Мы в бинокль у них разглядели два прибора стояли, к палатке прислоненные, и лопаты, и у одного хрена пин-морковка на поясе висел. Он оранжевый, его за километр видать. Снова развернулись, поехали по третьей дороге. Поднялись, а там поляна большая, похоже лагерь официалов прошлогодний был-навесы из слег сколочены, стол человек на двадцать, лавки, умывальники из бутылей пластиковых висят, кострище старое, гора дров, не лесных бревен и палок, а доски натуральные — видно отходы лесопилки какой то им что-ли привезли. Ну решили там остановиться, с дороги нас не видно, официалы тоже не видны, они за холмом, только пьяных копарей видно издалека, метров за пятьсот. В общем, костер первым делом прозвонили, гильзы какие то обгорелые выкинули оттуда. Потому что хрен его знает, что эти умники там заложили? Мож лимонку прикопали в потухший костер. Там вокруг стола столько шмурдяка гнилого валялось-сгнившие магазины от МП-40 были, штуки три, помню РГД-33 со сгнившими ручками в рубашках валялись, патриков гнилых от МГ и от Мосинки полно. Видать ценный хабар на сувениры утащили, а гнилье побросали. Ну ладно, что то я отвлекся. Давай, Вадим Николаевич, по третьей, и в школу не пойдем.

— Давай, Мишань, все уже налито.

— Ну, быть добру!

— С Богом!

— За коп!

— Все пьете и пьете, алкаши проклятые?

— О, Пашка вернулся!

— Без меня пьете, ироды?

— Вадим, налей ему!

— Уже!

— Ну, здравы будьте, бояре!

— Пацаны, там это...

— Пац, не перебивай. Мишань, рассказывай дальше!

— Ну, короче, вечер, второй день, темно уже, сидим у костра, в угли пялимся. Вдруг как шарахнет в костре что то! Искры, угли в разные стороны. Все залегли по инерции. Лежим, ждем, мож еще чего рванет. Повалялись минут десять, встали, фонари из машин достали-яркие, светодиодные, давай осматриваться. Выяснилось, что патрон от ТТ-хи рванул, остатки гильзы в кострище нашли, и Женьку по щеке царапнуло, толи пулей, то ли осколком гильзы. Не очень сильно, но аптечку все равно пришлось доставать.

— Да откуда то там патрон этот взялся?

— Я думаю, — потянулся за бутербродом Андрей, — в дровах он был. Дрова то мы не прозванивали. Либо зацепился как то, либо спецом в какую нибуть трещину запихали.

— Да как он сам то зацепится?

— Вот и я говорю, дело ясное, что дело темное.

— Да, дела...

— Это че ты, Мишань за сказки рассказываешь? Сон свой?

— Угу, блин. Главное чтоб не вещей.

— Короче, парни, смотрите что нашел.

— Что это? Гильзы? ПМ, что ли?

— Какой, нахрен, ПМ? Ты, походу, в своей ментовке кроме ПМ-а, ничего больше и не видел. Прикол в том, что гильзы эти от Парабеллума, и свежие, пороховой гарью еще тянет от них.

— И что с того? Патроны эти до сих пор выпускаются, НАТОвский калибр, я их даже в оружейном магазине видел, две с полтиной за полсотни штук.

— Парни, вы лохи-год на донце какой выбит?

— Какой?

— 1938!

— Ну все, приплыли.» Мы из будущего» насмотрелся?

— «Ты где, скотина, водку брал? В ларьке. Я же сказал, в ларьке не брать, мы из за тебя метанола нажрались теперь»-с выражением процитировал Леха.

— Дай-ка взгляну. — протянул руку Андрей. — Ну да, 9x19, Парабеллум, 38 год. Ничего странного. Может кто то привыкал еще с тех времен, а сейчас постреливает.

— Ну и пусть постреливают. Главное что бы не в нашу сторону. А то ответка прилетит быстро. Верно, парни? — ухмыльнулся Вадим, разливая коньяк по стопкам.

— А то! За нами не заржавеет! — потянулся к выпивке Пашка. — Ну что, вздрогнем?

— Давай!

— За коп!

— Быть добру!

— А вот, помню, поехали мы как то с Серым, году кажется в 2015-м, — накладывая кусок колбасы на кусок черного хлеба, — потянуло на воспоминания Миху, — копать под Гагарин. С нами еще проводник был- Дендяй, Царствие ему Небесное. Приехали, встали лагерем...

— А что с ним случилось?

— С кем?

— С Дендям этим?

— Водка погубила. Это мой старый кореш был, знал я его больше 25-ти лет. Он родился под Гагариным, все детство там провел, все овраги и блиндажи знал наизусть, вот я к нему ездил и с ним по лесам лазил, хабар добывал. Ладно, не суть. Короче, в тот раз поехали мы толпой в его края, приехали, отметили, копанули. А я тогда прикупил в Военторге страйкбольных лимонок, пластиковых, мелом набитых. Почти точная копия, разжимаешь усики, кольцо выдергиваешь, скобу держишь-все как в настоящей Эфке, даже задержка 3–4 секунды. Когда бросаешь ее, щелкает, шипит, дымит, а потом бабах-грохот и облако меловой пыли.

— И почему такое чудо природы?

— Да что-то около трехсот рублей с копейками за штуку. В свободной продаже в любой оружейке. Но не суть. В общем, пока Серого ждали, он должен был попозже приехать, костер запалили, шашлык — машлык, раз стопка, два стопка. Я прибор расчехлил и решил по лагерю погулять, между машинами. Нашел кучу гильзача, бронебойный снаряд отказник от сорокапятки, ну тот, знаете, с донным взрывком который, и пару летучек немецких восьмидесяток. И прибило меня лагерь растяжками вокруг обнести, чтоб типо ночью никто не приперся. Там поляна большая была, и две дороги на нее выходило. Я, дебила кусок, на этих дорогах натянул леску (удочки в машине валялись, вдруг рыбалка случится!), лимонки эти пластиковые примотал в кустах на изоленту, усики разогнул и успокоился, типа враг не пройдет. Потом еще по рюмашке бахнули, и я, дурья башка, на той дороге, откуда Серого ждали, к лимонке еще и тот снаряд примотал, так сказать, для усиления эффекта.

— Ну ты зверь, Мишаня! — укоризненно проговорил Андрей.

— Я думал ты дебил, а ты ДЕБИЛ!!! — сказал Вадим.

— Да ладно, не ругайтесь, что по синьке не сделаешь. Когда Серый отзвонился, мол подъезжаю, поперся встречать его, я, такой весь из себя нарядный, кривой, как сабля, с фонариком на лобном, и ведь встретил его, отцепил леску, пропустил его, назад натянул. Утром, правда, чуть кирпичей не навалил, когда эту пиротехнику трезвым взглядом оценил. Трясущимися руками аккуратно снаряд срезал ножиком, и на полусогнутых еле-еле, душа в теле до болота донес и бултых его в тину, чтоб никто, значит, подвиг мой глупый не повторил.

— Да мне кажется, силы этой пластиковой хиромантии не хватило бы, чтоб снаряд сдетонировал. — засомневался Леха.

— Ну как знать! — задумчиво проговорил Андрей. — Снаряд то какой был, от сорокапятки, отказник? Значит уже на боевом взводе, как минимум. Вы кстати, в курсе, что, насколько мне память не изменяет, бронебойно-зажигательно-трассирующий снаряд калибра 45 мм комплектовался донным взрывателем МД-5, с замедлением, предохранительного типа. В смысле в заднице у него был неподвижный боек-иголка, и подвижный капсуль воспламенитель, который держался крепко только до выстрела, а после от инерции выстрела предохранитель отключался, и капсуль свободно болтался. Эта хрень могла взорваться даже от шевеления. И до кучи проинформирую вас, дорогие comrades, если кто не знал-ввиду, цитирую,»опасности обращения, этот взрыватель сняли с производства, но не сняли с вооружения». Так что ты, Мишаня, в рубашке родился, получается.

— Да, блин, дела! — воскликнул Пашка. — Мишань, надо отметить это. А ты, Георгиш, прям энциклопедия, блин, ходячая, все знаешь!

— Поживи с мое, может и поумнеешь. — усмехнулся в усы Андрей.

— Парни, так я не договорил. — вклинился в разговор Михаил. — я с собой снова пяток этих гранат взял!

— Что, опять минировать будешь периметр? — спросил Леха.

— Ну да. Естественно, без всякого усиления. Сами посудите — место глухое, стреляет хрен пойми кто хрен пойми из чего, а мы тут пьяные, с костром, как на ладони. А так хоть шарахнет, если что, сразу подскочим — Алярма, алярма!! Как гансы говорили. Если кабан, так сразу свалит, если человек, тоже обсерится. В любом случае мы будем заранее предупреждены. Зря я что ли эти игрушки который год на коп таскаю?

— А что то мы о них раньше от тебя не слышали?

— Так до этого раза поездки в основном были одним днем, или по старине. А по войне, как в этот раз, да еще в этих кабаньих местах — сам Бог велел.

— Ну все, уболтал, речистый!

— Не вижу повода не выпить?

— А то!

Сергея проснулся от ощущения дикой жажды. От лежания в неудобной позе затекло все тело, какая то железяка упиралась в ребра и сковывала дыхание. Пару минут он соображал, где он оказался, и почему в его кровати так тесно и почему он спит в одежде, и мало того, в сапогах.»-Блин, я же с парнями на коп выехал, точно, в дороге с Пашкой водки перепил, и похоже в машине отрубился. Точняк, в машине — в Узике. А что это за хрень мне ребра отдала? а, домкрат, мать его за ногу. Темно то как, прям как у негра в доме. Сколько времени интересно?»-он нажал кнопку подсветки на своих часах, и сфокусировав зрение определил-«ага, 3:18. До рассвета еще часа полтора. Надо на воздух выползти, может водичку найду. Врядли парни все убрали, наверняка канистра на улице стоит.»Чиркнув зажигалкой, он осмотрелся.» Пашка и Вадим, похоже на улице спят, или в палатке, или, скорее всего, как в прошлый раз, Пахан шалаш себе соорудил. Ну и хорошо, что я здесь один, вдвоем точно бы от перегара задохнулись.» Серега нащупал ручку двери, и стараясь не шуметь, выбрался на свежий воздух. Рядом на туристической пенке похрапывал Вадим, с головой закутавшись в камуфляжный бушлат. Источником света на улице был догорающий костер, из светящихся углей которого изредка показывались редкие ленивые язычки пламени, в момент появления отражающиеся на хромированных деталях автомобилей да небо без единого облачка, усыпанное миллиардами звезд. Пару мгновений Серега вглядывался в небо, поражаясь количеству и яркости звезд, попытался найти знакомые созвездия, но забросил это дело, переключив внимание на поиск воды. Неподалеку от костра под деревом выделялась правильностью форм какая то масса, заметно темней чем окружающие поляну тени, и раздавались какие то звуки, толи сопение, толи храп. Серега с опаской приблизился, за четыре шага умудрившись дважды задеть пустые бутылки, валяющиеся в траве. При ближайшем рассмотрении темная масса оказалась грубо собранным из веток мини шалашом, покрытым маскировочной сеткой.»-ну, точно Пашка себе ночлег соорудил, как всегда. Не спится ему принципиально в палатках. А если дождь вдруг?»-подумал Серега. Лезть в шалаш в поисках воды Серега поостерегся, зная Пашкин крутой нрав спросонья да еще и с бодуна. Такой и шарахнет чемнибудь по голове, а потом еще и прикалываться будет-«а я думал медведь это». Взвесив все шансы, мучимый жаждой Серега решил посмотреть вокруг костра. Вскоре удача ему улыбнулась — от вспыхнувшего язычка пламени Серега разглядел отблеск на чем то блестящем, что лежало под днищем внедорожника Андрея.

— Так, что у нас тут? — вполголоса пробормотал искатель воды. — О, пивасика

упаковочка, холодненькая. А это что? Минералка, ага, с газом. — подсветив зажигалкой, прочел он. — Но если есть холодный пивасик, зачем мне холодная минералка, да еще и с газом? Минералка — на утро, тогда от нее больше пользы будет, а сейчас будем клин клином вышибать!»—решил он, вытаскивая из упаковки сразу две банки.»-и где бы мне пригнестись?»—окинув взглядом полянку, подумал Серега. — «а, вот бревнышко у костра, видать парни тут сидели. Гады, могли бы и разбудить.»Он подошел к бревну, присел на него и открыл пиво. Первая банка про валилась в один глоток, как ковш воды на раскаленные камни в бане — Серега даже прислушался к своим ощущениям — не шипит ли? Зато у второй и вкус почувствовался, и жизнь стала налаживаться. Он похлопал по карманам в поисках сигарет, достал одну, чиркнул зажигалкой и с наслаждением затянулся горьким дымом. Говорят, самая вкусная сигарета-это первая утренняя, после душа и чашечки кофе. Неправда это! Самая вкусная — ночью в лесу у костра после второй банки пива. Серега готов был поспорить на что угодно.

Где то далеко в лесу раздался выстрел. Потом еще один. И еще.

— Кому там, мать вашу, не спится? — раздался сонный злой голос неподалеку. Шалаш закачался, заскрипел, и оттуда выполз недовольный Пашка.

— О, здорово, алкаш, чего не спишь? Бухаешь в одну харю и не делишься? Дай пивка, что ли, компанию составлю!

— Вон, под Андюхиным джипом, под задним бампером упаковка пивасика лежит открытая. Я из нее только две банки выдернул. — показал Серега. — Долго сидели вчера?

— Да где-то до часа ночи протусили. Пока приехали, лагерь разбили, картофан с тушенкой захомячили, коньячком шифанули. Мишаня рассказывал, как ты с ним гонял на коп, когда он весь лагерь растяжками сигнальными обставил. А тебя чего так раскумарило? Даже ни разу не выполз. Вадюхе случаем Уазик не обоссал? Или ты в памперсе? — гоготнул Пашка. — В лес если пойдешь вдруг отлить, поаккуратнее- Мишка снова в лесу лимонок наставил, зацепишь одну, все пьяные рожи проснутся, люлей тебе навешают.

— А где он их наставил?

— А вон там, та м и там. — показал Пашка. — Если что, вон в ту сторону иди, там метрах в десяти толи воронка большая, толи блинчик.

— Так воронка или блиндаж?

— А кто его знает? Мы еще не изучали. Завтра, или верней будет уже сегодня отоспимся, и разведем. Но все таки, интересно, какая сволочь стреляла? — процитировал он бессмертную фразу голосом Генерала Иволгина из Особенности Национальной Охоты. — Время часа три наверное, какая нахрен охота? Вчера, кстати, пока ты на массу давил, тоже кто то весь вечер пулял, а я, пока за дровами ходил, аккурат возле этой ямы гильз горсть свежих нашел пистолетных, от парабеллума.

— Сохран хороший?

— Да я тебе говорю, свежие совсем, даже еще порохом воняют. Максимум сутки провалялись.

— Прикольно. Завтра при свете дня пособираю. Мне гильзач свежий нужен.

— И на кой ляд они тебе сдались? Детишкам в школьный музей отнесешь?

— Не, детишкам каски всякие я отношу, а гильзы- это латунь, в цветмет сдам, по паре сотен за кило.

— А разве гильзы принимают?

— У нас в городе принимают. Я этой весной двадцать кило сдал, правда дешево взяли,

потому что гнилье, но все равно, деньги не пахнут.

— Ишь ты, бизнесмен какой выискался.

— А ты думал. Не пропадать же добру? Где, говоришь, воронка эта? Пойду отолюю.

— Вон туда иди. И смотри не провались. А если вдругчупакабра нападет — кричи громче.

— Договорились.

Сереге поднялся с бревна, одним глотком допил пиво, смял жестянку в кулаке и бросил ее под ноги.

— Э, не свинячь. Кидай банку в костер, она там сгорит, а тут нефиг мусорить!

— Да понял- понял, чего орать. Тоже мне, гринпис нашелся. — он ногой подтолкнул жестянку ближе к костру. — Лучше дров подкинь в костер, пока я хожу.

— А ты первый закон туристов и копарей знаешь, Серый?

— Какой еще закон?

— Пошел в лес, вернулся с поленом.

— А, в курсе. Сейчас найду какуюнибудь ветку.

— Окей.

Серый, следуя направлению, указанному Пашкой, отошел от лагеря на десяток метров. На поляне еще, благодаря костру, было хоть что то видно, здесь же было темно, хоть глаз выколи. Парень достал телефон и включил встроенный фонарик. — «и где эта гребаная яма?» подумалось ему. В этот момент где то неподалеку, как показалось ему, снова прозвучала серия выстрелов, эхом разнесясь по лесу, и такое ощущение, что и над лесом. Сереге поднял голову вверх и с удивлением увидел несколько трассеров, перечеркнувших ночное небо.

— Че за херня тут происходит? Пашка! Ты это видел? — В голос, не опасаясь разбудить остальных, заорал он. — Пашка, блин, ты где?? — В голосе уже звучала явная тревога, и было от чего-обернувшись, он уже не увидел поляну и догорающий костер.

— Пахан, мать твою, ты где? — ужас, который не спишешь на похмельный синдром, окутал Серегу, и не разбирая дороги, он как лось ломанулся назад.

— Блин блинский, мать вашу, где вы все? — не разбирая дороги, несясь назад он, по направлению, как ему думалось, откуда он пришел. — Ау, парни, вы где? — продолжал метаться он среди деревьев. Бег по лесу всегда занятием особо приятным не назовешь, а в темноте да еще с глубочайшего похмелья тем более. В итоге и произошло то, о чем гласит закон Мерфи: — если неприятность может произойти, то она обязательно произойдет. Сереге в темноте на бегу запнулся о какой то выступающий корень, и с разгона полетел носом в яму, которой, он мог поклясться, мгновение назад не было. Несколько раз перевернувшись и пытаясь уцепиться руками за все подряд, но сгребая только перепревшие листья и прочий лесной мусор, он с размаху ударился головой о какой то пенек, и яркая вспышка в голове, на мгновение ослепив своей яркостью тысячи солнц, погасла, уступив место первородной тьме. Мобильник, вылетев из руки, ударился о ствол дерева, и мигнув включенным фонариком напоследок, развалился на части.

Рядовому Дмитрию Коновалову с голодухи зверски хотелось курить, но заступая в секрет вместе с приятелем-земляком Юркой Бондарем, у которого сержант Величко тоже отобрал кисет с махоркой, но пообещав вернуть после, он прекрасно понимал, что аромат табачного дыма в холодном мартовском лесу можно было почувствовать на большом расстоянии. А если фашист еще, не дай Бог, некурящий окажется? Так он еще с большего расстояния сможет обнаружить затаившихся с противотанковым ружьем бойцов. Вдвоем они залегли в какой то яме, то ли воронке от крупной авиабомбы, то ли в какой то причуде местного ландшафта. Сверху поперек неопознанной ямы лежал ствол рухнувшей березы, остатками присыпанных снегом веток прекрасно маскируя бойцов от чужого недоброго взгляда. Пейзаж вокруг тоже не поражал взгляд красотой — всюду упавшие деревья, густые кусты да невысокие деревца, пытающиеся пробиться к солнцу из под тени больших павших в некогда случившийся ураган лесных собратьев. Между ними петляла неширокая стежка дорожка, за которой и был дан приказ бойцам приглядывать. Дорога была не такая уж что бы очень, но лошадь с санями спокойно пройдет- упавших деревьев поперек дороги в пределах видимости не наблюдалось. Еще раз внимательно оглядевшись вокруг, Дмитрий горестно вздохнул про себя из-за отсутствия табака и отбросил все мысли о кисете. Вспомнилось, сколько знакомых парней погибло по глупости — закурит, бывает, кто-то, да прячет чинарик в кулаке — мол, не видно, а немецкий снайпер, сволочь, видит. И прилетало из-за нейтральной полосы, да так, бывало, что у курильщика эта самокрутка становилась последней в жизни... А не дай Бог, в дозоре враг тебя заметит из за привычки пагубной? Раз — и нет бойца, поминай как звали. И сам пропал, и товарищей боевых подставил. А подставить однополчан парни не могут никаким макаром — не так воспитаны. Как там: сам погибай, но товарища выручай, гласит солдатская присказка. Тем более что то стопроцентно намечалось — поучаствовав в боевых действиях почти с первых дней войны, он научился правильно разбираться в подсказках своего внутреннего голоса, который по научному называли интуицией. Вздохнув, рядовой Коновалов оторвал веточку от куста и сунул в рот. Горечь заставила скривиться, но желание курить немного уменьшилось. Что бы совсем не околеть от холода, он еще вчера по темноте притащил с Юркой охапку еловых веток, нарубленных подальше от дороги трофейным штык-ножом, и сейчас, лежа на них, они вели наблюдение с относительным комфортом. Сержант Величко, когда ставил им боевую задачу, особенно подчеркивал-«для непонятливых»- по его выражению:

— Лежите тихо, не курите, не высовывайтесь! К фрицам очень может статья, по этой дорожке помощь может направиться. Поэтому наблюдать за обстановкой в четыре глаза, не маячить. Одиночки если будут пробираться, что от немцев, что к ним- надо обойтись без выстрелов, что бы внимания не привлекать-работайте ножами. Если техника какая пойдет — постарайтесь остановить, стреляйте в двигатель.

— А откуда информация, что к врагу подмога с этой стороны прийти может, товарищ сержант?

— Сорока на хвосте принесла. И откуда ты такой любопытный выискался на мою голову, рядовой Бондарь?

— Да нет, просто спросил. Нас же тут в лесу всего отделение с ПТР, а если немцев рот будет или с танками?

— Отставить панику и разглагольствованиа! Как ПТР расшифровывается?

— Противотанковое ружье, товарищ сержант.

— Вот ты сам и ответил на свой вопрос — если будут вдруг танки — остановишь их из ружья, раз оно противотанковое. Открою тебе страшную военную тайну, рядовой Бондарь, и тебе, рядовой Коновалов. Как считают наши отцы командиры — немцы могут здесь и не появиться, этот заслон на всякий случай, плюс таких умников как мы тут не одно отделение. Еще вопросы есть?

— Никак нет!

— Тогда марш на позицию! Выполнять!

Вспомнив этот диалог, рядовой Коновалов мысленно усмехнулся- сержант Величко он, да, такой — за словом в карман не полезет. И обматерить может, если замешкаешься, но не со зла же, не в обидку. Случай был пару месяцев назад, когда пополнение пришло — попала их рота в лесу под минометный обстрел. Ну как обстрел — прилетело в блиндажный городок пяток минометных мин. Немцы видать не знали толком, где наши стояли, и причесывали лес методично по квадратам. Но запомнилось тогда Дмитрию, как один необстрелянный солдатик из пополнения, при первом же разрыве мины замер как вкопанный, остекленел взглядом, выронил винтовку и застыл, как пугало, такое что у Дмитрия в родной деревне на огородах ставят, что бы отогнать гостей летающих незваных. Так и убило бы новобранца, если б не сержант Величко — выскочил из-за дерева, как кот Васька на зазевавшуюся мышь, ловко сбил с ног и обматерил, да так умело и витиевато, что солдатик разом в себя пришел, и остальные заслушались, позабыв даже про минометный обстрел и визжащие во всех направлениях осколки.

Вдруг, резко обрубив воспоминания, что то легонько звякнуло о ствол березы, под которой укрылись бойцы, и в яму к ним прямо под нос упал какой то небольшой блестящий предмет.

— Граната! — вскрикнул Юрка и машинально отпрянул, приготовившись дать стрелка прочь из схрона.

— Стой! Тихо ты! Не граната это!

— А что это?

— Жестянка какая то, легкая и похоже пустая.

— Откуда она взялась? Кто то кинул ее в нас? — Юрка судорожно передернул затвор Мосинки, а так как она уже была заряжена, он, матерясь под нос, стал на ощупь искать вылетевший из патронника патрон, при этом умудряясь глядеть на прилетевший к ним предмет и по сторонам, в поисках того, кто мог это сделать.

— Что за хрень, Димон? — напряженно прошептал он.

— Постой, не паникуй, сейчас разберусь. Поглядывай по сторонам внимательно, вдруг этот кто то, кто эту жестянку кинул, гранату нам захочет кинуть или на мушку нас берет.

— Ясненько. Щас я его быстро отучу шутки шутить! Ну что там? Рассмотрел?

— Да вообще ничего не понимаю. Жестянка, пустая, похоже из под пива.

— Из под пива? А как ты определил?

— Да пахнет она пивом. Я до войны в город ездил, там пиво пробовал. Запах ни с чем не перепутаю.

— А откуда она тут взялась? У нас точно пива нет. Может немцы?

— Вообще не понятно. Буквы русские.

— И что написано?

— Пиво «Жигули барное Моспивком».

— Барное? Это как понять?

— В америке пивнушки барами называются, там люди приходят в выходные и пиво пьют, с в компании с закусками разными. Я в книжке читал, давно еще. Просто запомнил слово странное.

— А откуда тут американцы? Или они с немцами заодно?

— Да нет. Буквы то русские. Моспивком... хм. Московский пивной ком... Ком... Комсомол? Да не. Бред. Коммунизм? Коммунар?

— Может компания?

— Да какая компания? Это у буржуев компании, а у нас заводы и фабрики.

— А откуда в итоге то жестянка упала? Может в ветках висела, зацепившись, а сейчас ветерок дунул, она и свалилась?

— А ты ветер чувствовал? Я- нет. И почему мы ее раньше не видели, когда секрет обустроивали?

— Так мы же ночью пришли. в темноте. Могли и проглядеть.

— Может и могли. Все равно, не нравится мне все это. Ты давай-ка, гранаты мне оставь, а сам жестянку хватай и быстренько к сержанту, доложишь.

— Хорошо, на- держи. Я мигом!

— Аккуратней там!

Проводив взглядом уползающего с докладом рядового Юрку Бондаря, Дмитрий повернулся лицом к контролируемой дороге и задумался.

«— что за херня происходит? — вертелась мысль. — Дед рассказывал, когда в гражданскую беляков били, то же не пойми что творилось в лесах. И люди пропадали, и вопли из чащи раздавались, не приведи Господь.» Он обернулся вслед уползшему Юрке, увидел, что тот уже скрылся из виду, обернулся назад на дорогу и обомлел- прямо перед ним, метрах в пяти на чистом девственном снегу лежали две знакомых пивных жестянки, и дымясь, воткнувшись торцом в снег, торчал окурочек, насколько понял Дмитрий, сигареты, а не самокрутки — уж больно ровно и аккуратно он выглядел.

— Да что ж за еб твою мать происходит! — в сердцах выругался он, схватил винтовку, приоткрыл затвор, мельком глянул — ага, патрон в патроннике- закрыл затвор, уже не обращая внимания на громкий звук, и упершись прикладом в плечо, замер, направив ствол в сторону непонятно как появившихся предметов. Странно, но прикосновение к винтовке как будто успокоило Дмитрия, вселило некую силу и уверенность в себе.

— Эй! — негромко позвал он. — Кто тут есть? Выходи по хорошему, а то стрельну!

В ответ нечего не произошло. Ни звука, ни движения, только где то на грани слышимости работала артиллерия, да с ветки на дальней березе упала горсть снега. Просидев в полной неподвижности минут пять, солдат собрался с духом и решил подобраться поближе к таинственным жестянкам, что бы изучить их получше, да и запах табачного дыма от почти догоревшего окурочка сводил с ума. Осторожно приподняв голову и прислушавшись — вокруг по прежнему тишина- Дмитрий аккуратно, стараясь не слишком шуметь, пополз по снегу в сторону таинственных жестянок. Прополз пару метров. затаился, поднял голову, прислушался. Вокруг по прежнему тихо. Еще раз огляделся по сторонам, стараясь зацепить взглядом хоть малейшую неправильность в окружающей обстановке, пополз дальше, как вдруг буквально перед ним, в районе жестянок на высоте примерно человеческого роста что то совершенно бесшумно сверкнуло (как будто фотографическая

магниева вспышка-Дмитрий мальцом наблюдал такое зрелище, когда к ним в клуб городской фотограф приезжал), и прямо на жестянки из воздуха в снег свалилась человеческая фигура в какого то странного цвета одежде- вся как будто раскрашена пятнами всеми оттенками зеленого. Дмитрий замер. Человек упал в снег, наполовину зарывшись в него, и не шевелился. «Да что же это за хуйня такая то!»-про себя выругался Дмитрий, замерев и в упор прицелившись из винтовки в непонятого человека. Тот, как и упал из воздуха в снег ничком, не шевелился, но с первого взгляда было понятно, что это живой человек, не труп. Живость в нем выдавал розовый цвет ушей, сопение и тяжелый запах перегара, как круги на воде от брошенного камня расходящийся от упавшего в снег тела.

— Эй! Хенде хох! — громким шепотом произнес малость пришедший в себя рядовой Дмитрий Коновалов. — Вер бист ду? — вспомнил он еще одну фразу из брошюры «Как допрашивать пленных немецких солдат и офицеров». В ответ не раздалось ни одного внятного человеческого слова, ни по-русски, ни по-немецки, только непонятое сопение. Прислушавшись и почуяв жестокий перегар, исходящий от неизвестного, Дмитрий с удивлением понял — «да он же пьян в стельку! Ай да Ганс! Надо его связать да в расположение оттащить- язык неплохой будет! Да и форма у него какая то странная — может чин какой высокий!». Еще раз на всякий случай оглядевшись по сторонам, боец отстегнул ремень от своей винтовки, подполз к человеку и упершись коленом ему в поясницу, ловко заломил руки назад и связал их в районе запястий. Что то мешало ремню. Приподняв рукав неизвестному на левой руке, боец увидел то, что мешало. Часы. «тебе они уже не понадобятся, а мне трофей будет»- подумал красноармеец, недолго помучавшись с ремешком и подивившись (странный какой то, не кожа и не металл! И на резину не шибко похож) и обмотав на пару оборотов, завязал узел. Осталось придумать, как дотащить пленного к своим — он до сих пор не приходил в себя, а тащить его на себе, и впридачу винтовку без ремня не очень то удобно.

— Рядовой Коновалов! Что происходит? — негромко раздалось от покинутого бойцом схрона — Это как понимать?

— Товарищ сержант, языка словил! В стельку пьяного! Помогите дотащить!

— Языка говоришь? Бондарь, Винокуров — бегом помогите товарищу, Горелов, Попков — наблюдайте за обстановкой вокруг!

— Есть!

— Есть!

— Тяжелый, зараза...

— Одет легко, не по зимнему. Оружия вроде нет...

— Фу, ну и перегарище! Сразу видно — Фриц — перегар не нашенский!

— Разговорчики! Бегом тащите его в нашу землянку! Там посмотрим, что за птица! Если что, не церемоньтесь!

— Есть, товарищ сержант!

— Коновалов!

— Я!

— Приберись тут, чтоб следов не было, ветками замети следы. Веток же нарубили поди под задницу себе?

— Так точно!

— Приберись тут и назад на пост! Бондарь попозже к тебе вернется. Все понятно? Вопросы есть?

— Никак нет!

— Выполнять!

— Есть, товарищ сержант!

Дмитрий еще раз настороженно огляделся вокруг- вроде обстановка не изменилась — бегом метнулся в обсиженную яму, насколько позволял снег чуть выше колена, взял несколько пушистых еловых елок, слегка разорив уютное лежбище, и принялся выполнять приказ командира.

— А кстати, — вполголоса произнес он. — а фриц то откуда выпал? Я же своими глазами видел, что он из воздуха вывалился, из пустоты! Надо бы проверить это место, вдруг он там не один, и пока я тут мету снег как дворник, еще оттуда рота повывлезает, да не пьяных и с оружием?

Боец спешно отложил свежее испеченный еловый веник, взял в руки винтовку — «а ремень то на немце остался»-мелькнула мысль, примкнул штык и с опаской, ежесекундно оглядываясь, подошел к тому месту, где появился неизвестный. Потрогал осторожно штыком место в снегу, где до сих пор оставалась вмятина по форме упавшего тела. Ничего не произошло. Воровато оглянувшись, боец посмотрел вверх. Только низкие тучи, равнодушные, пузатые как дирижабли, готовые, несмотря на календарную весну, засыпать все и вся в этом лесу кубометрами холодного снега, висели над головой.

— Бог не выдаст, свинья не съест! — задорно прошептал красноармеец и ткнул штыком в небо над головой. Сверкнула яркая магниевая вспышка, с ближайшей березы с испуганным карканьем сорвалась тощая ворона, и на совершенно пустой поляне воцарилась тишина.

— Димон! Ты где? Рядовой Коновалов! — громким шепотом заистерил подошедший буквально спустя пять минут Юрка Бондарь. — Ты где спрятался? Вылезай давай, не смешно! Бля! — Громко воскликнул он и уже не таясь молодым кабанчиком метнулся к землянке, в которую утащили давешнего пленного и которая находилась в пределах пары сотен метров в наиболее глухой части леса.

— Товарищ Сержант! — испуганным голосом запричитал он, едва попав в землянку. — Там это! Как его! НУ это!

— Отставить панику, рядовой! Докладывай по уставу, что случилось!

— Там это... — ХРЯСЬ! — звонкий подзатыльник сбил с головы бойца шапку-ушанку, и едва не вывернул голову с плеч.

— Докладывай по уставу, боец, блядь! — грозно рыкнул на дрожащего красноармейца сержант Величко. — Рассказывай, что случилось! — сбавил тон он.

— Там это... Димона, виноват! Рядового Коновалова нет!

— И?

— Я пришел на пост, вернее приполз, а его нет! Винтовки, штыка- тоже нет! Только две гранаты, что я ему оставил, на лежке нашей лежат! Запалы вкручены, а его нет!

— Ты его звал? Может отошел по надобности?

— Конечно звал! И это..

— Что?

— Там следы его, я успел рассмотреть...

— Что следы?

— Он дошел до места, где пленного взяли, и там пропал!

— В смысле пропал?

— Следы кончаются там! Других следов нету! Я в тайге вырос, следы читать умею!

— Хм, следопыт, бля... Попков, Горелов! Бегом проверить, что там наш Чингачгук на снегу прочитал! Доложить без промедления!

— Есть!

— А ты успокойся, трясешься весь, как заяц под осиновым кустом. Накось фляжку, хлебни!

— Что это, товарищ сержант?

— Лекарство от страха! Не ссы, пей!

— Спасибо, товарищ сержант... Уфф! Что это???

— Спирт. Не переживай, сейчас полегчает! Успокойся! Накось табачку, скрути сигарку! Да и мне тоже! Спокойней! Спокойней! Скажи-ка мне, рядовой Бондарь, что за языка вы поймали?

— Так это не я поймал, а Димон. Виноват, не Димон, а рядовой Коновалов!

— Да плевать. Посмотри на это, что думаешь?

— А что это?

— Ну как я понимаю, это документы пленного нашего. Паспорт, похоже. Открой, карточку евойную посмотри. Похож?

— Похож вроде. А что не так?

— Э, братец, да ты гляжу с глотка из фляжки моей совсем сомлел! На документ погляди внимательней!

— А, ну да... А куда смотреть то?

— Ты совсем умом тронулся, рядовой Бондарь? Как паспорт советского человека ты хоть помнишь?

— Ну-у..

— Баранки гну. Видишь, что написано? Паспорт Российской Федерации! Что это за федерация такая? Смотри — фотокарточка цветная! Видишь?

— Да. Да, вижу... И что?

— Имя его прочти.

— Федоров Сергей Владимирович, город Красноармейск Московской области... Так это ж наш человек, советский! Не фриц!

— Дурак! И уши у тебя холодные! Дату рождения смотри!

— Ну восьмое июля одна тысяча девятьсот, э-э-э...

— Чего примерз? Дальше читай!

— Одна тысяча девятьсот восьмидесятого года? Это как это, товарищ сержант?

— Это как это..- передразнил рядового Величко, — а вот так это. Сам не пойму. Есть мысли какие? А впрочем, эк тебя со спирта нахлобучило... Какие у тебя мысли! — махнул рукой сержант.

— Разрешите обратиться, товарищ сержант?

— Да, рядовой Горелов! Что у вас? Разведали?

— Разведали.

— Докладывайте!

— Прошлись от места, где они, — Кивнул рядовой Горелов на Бондаря, — в засаде сидели, далее проследовали до места, где фрица в плен взяли — там не далече, пяток шагов всего, ну и все.

— Что все?

— Нет там никого.

— Это я и так понял. А следы куда ведут?

— Так аккуратно от засады и ведут к тому месту, где фрица поймали.

— Рядовой Горелов!

— Я!

— Головка от ...патефона! Что ты телишься, как корова? Давай по существу — что обнаружили? Где рядовой Коновалов?

— Ничего не обнаружили, ни следов, ни бойца Коновалова, ни винтовки его.

— Что думаешь?

— Думаю что... Смеяться не будете?

— Что то смешное нашли? Клоуна? Шарики воздушные? Я до войны в цирк заходил, 90 копеек потратил на билет, в середине зала. А, впрочем — отставить воспоминания! Ближе к делу, Игорь, не тяни кота за детей куриных!

— Чего?

— Пулемет Дегтярева, тебе, блядь, через плечо! Не разводи турусы на колесах, говорю! Докладывай, пока я не взорвался как сто тонн тротила!

— Да особо нечего докладывать, товарищ сержант. Вознесся он.

— Кто??

— Рядовой Коновалов, кто ж еще? Не Иисус Христос же? Христоса в нашем отделении вроде как нет.

— Ну-ка дыхни, рядовой! Фу... Странно, не пахнет. Что ты за ахинею сейчас тут мне на уши намотал? Мухоморов мерзлых объелся? Какой нахрен Христос? Кто вознесся? Доложить по уставу, как полагается!

— Так я и докладываю..

— Короче, не беси меня!

— Короче. Следов и бойца не обнаружено, личного оружия тоже. Следы заканчиваются в одном месте.

Глава 4

— Народ, подъем!!! — метался по поляне Пашка, стуча рукояткой ножа по вчерашнему котелку с присохшими к стенкам макаронинами. Он подбежал к внедорожнику Михаила, несколько раз пнул по покрытому глиной колесу, развернулся и с криками: — Да хорош уж дрыхнуть, черти лупатые! — побежал к машине Георгиевича. Не добежав, он запнулся о незамеченный в темноте шнур растяжки палатки, в которой спал Леха, потерял равновесие и растянулся носом в сильно примятую от вчерашнего ужина траву. Котелок вылетел из его руки, описал в воздухе петлю и громко звякнул о железный бампер Вадимовой «буханки».

Минуту назад спящий лагерь стремительно просыпался. Кто-то просонья не разобравшись передернул затвор травмата, готовый сжечь всю обойму в белый свет как в копеечку, кто-то громко обматерил в сердцах человека-будильника, кто-то (голосом Вадима) громко рывкнул, подскакивая с земли и откидывая в сторону бушлат:

— Убью, сука! Ты чего творишь? Люди спят, а ты мне тачку уродуешь!

— Народ, спокуха! — встав с земли, отряхиваясь от налипших листьев и малость успокаиваясь, на пол-тона ниже сказал Пашка. — Серега походу на какой-то херне подорвался!

— Как подорвался?

— Где? Почему мы ничего не слышали?

— Он же в говно пьяный был, обычно дрыхнет в таких случаях до обеда! Рассказывай давай, а то самого сейчас подорвем, за то что спать нам не дал!

— Короче, парни... Все проснулись? А где Георгиевич? Будите его, тема серьезная!

— Нечего меня снова будить, ты меня уже разбудил. — в Паджерике опустилось боковое стекло и показалось сонное лицо. — Ты давай говори по делу, а я отсюда послушаю. И если опять бред какой пьяный нести будешь, вылезу полностью, что бы Вадику помочь убить тебя!

— В общем, просыпаюсь я — шароебится кто-то в лагере. Думал-чужие, а это Серый пивас хлещет. Ну я к нему подсел, по баночке на старые дрожжи накинули... Хорошо сидим, звезды..

— Короче, склифосовский! — недовольно прервал его Миха, — давай по делу, а то сейчас уснут все!

— Ну дальше он поссать решил, отошел вон туда, где блиндаж большой и гильзы свежие валяются, ну отошел и отошел, нет и нет. Думаю, может поссать приспичило человеку, как вдруг захрустело что то сильно, вопль какой-то, может и Серегин, вспышка яркая, как от фотика, и тишина!

— Угу, и мертвые вдоль дорог стоят! — мрачно процедил Леха. — Ты хоть ходил туда, проверял?

— Ага-щаз! А вдруг там медведь? Серегу схарчил, стоит себе такой довольный, облизывается- а тут я такой красивый нарисовываюсь — «здравствуй, дядя Миша, второе заказывал?»

— Вот так мы друзей и теряем. — мрачно резюмировал из глубины внедорожника Георгиевич. В отличие от остальных разбуженных, сонных и одетых как попало, он успел натянуть комбез и в данный момент уже зашнуровывал берцы.

— Слава Богу, мы не один человек и не как Пашка, который каждого куста боится..

— Кто боится то? Я ж говорю-вдруг там медведь...

— Цыц, и не перебивай старших.

— Для начала. Быстро все одевайтесь — все таки в лесу-зараза какаянибудь укусит или клещ цапнет, — второе: обувьку натягивайте. Не шлепки, как у Лехи, и не босиком, как Мишаня с Вадиком- указал он глазами. — Третье: десять минут на все-провсе: собраться, похмелиться, кому совсем уж не хорошо. Не надо целок строить! — пресек на корню шепотки и ухмылки Георгиц, воинственно шевеля усами. — Видел я вчера, как вы накидывались-как в последний раз...

— Да сколько там было-то? — пожал плечами Вадим.

— Пузыри пустые пересчитай, что под Уазиком валяются, вот и узнаешь. Вся тара там лежит, чтоб никто не навернулся на нее и не порезался. И в костер вам я вчера запретил бутылки кидать-чай не свиньи, — в мешок и по дороге домой выкинем! В общем все ясно? Готовность десять минут, сбор тут у костра.

— А ты чего?

— А я прогуляюсь потихоньку, гляну кто там Серегу нашего обидел. — С этими словами он открыл заднюю дверь машины, взял с сиденья двустволку, разломил ее, удостоверился в наличии патронов, защелкнул ружье и тихо скрылся в кустах.

— Десять минут! — раздался из темноты его голос.

— Ну что, народ, какие наши дальнейшие действия? — выдохнув облако жуткого перегара, от которого перекосило всех рядом стоявших, спросил Пашка.

— Какие-какие. Собирайся давай, как Георгиц велел.

— А че он раскомандовался? Командир что ли?

— Что ли. Он вчера не пил с нами, поэтому у него мозги варят не так как у нас. Ты раз собрался, замути по быстрому чайник на плитке, хоть кофейку хлебнем по быстрому.

— А ты че, Лех, раскомандовался? Зам Георгица что ли?

— Пахан, а ну быстро заткнулся! Задолбал уже всех! — дал легкого леща Пашке Вадик. — Никто тобой не командует, просто ты собран, а мы еще нет. Вот и поставь чайник. А то прибью, нахер! — начал свирепеть он.

— Да понял, чего разорался то? Чуть что, сразу Пахан..

— Мишань, — раздавались голоса по всей поляне, — фонарик мой налобный не видел?

— На торпедке, к пауэрбанку подключен.

— Вадюх, пушку свою возьми, вдруг зверь какой!

— И патроны не забудь, как в тот раз!

— Ха-ха-ха!

— Вы свои жвачкометы тоже прихватите!

— Конечно! И не только!

— А что еще взяли?

— Мишаня помпу свою, а я сайгу.

— Патроны киньте в карман пулевые, в таких зарослях дробь недалеко летит!

— Так мы на твой карабин надеемся! Будешь главным калибром!

— Пацаны, мне какойнибудь ствол захватите!

— Топор возьми, за пояс заткнешь, если что- яйца не отстрелишь!

— Ха-ха-ха.

— Ах-ха-хах!

— Дебилы!

— Сам такой!

Спустя минут восемь....

— Пахан, чайник закипел?

— Какой чайник?

— Электрический, бля!

— Нет!

— Почему?

— Так провод не дотягивается!

— До куда?

— До розетки! Хули вы угораете? Давно кофе забодяжил, вас ждет!

— А Пахан у нас молодец, исправляться начал!

— «и не говори, кума, у самой муж пьяница».

— Ха- хаха!

Народ, веселясь и подшучивая друг над другом,(а больше всего почему то доставалось Пашке), стал подтягиваться к раскладному столику, на котором уже призывно дымились, испуская, как в древней рекламе-«Чарующий аромат свэжэсварэнного кофэ» металлические походные кружки, а на куске фанерки, заменяющем разделочную доску, лежали сварганенные на скорую руку бутерброды с толсто покромсанной колбасой и паштетом. Вадим, глянув на это великолепии, довольно крякнул и долил кружки с кофе доверху коньяком из своей знаменитой фляжки, которая стояла тут же под столом.

— Георгичу не доливай, он чистый кофе пьет.

— Окей!

— Че то кстати долго он гуляет, уже пятнадцать минут прошло!

— Ау, Георгич, ты там не потеряйся, как Серега!

— Георгич, кофе стынет!

За шутками и прибаутками никто не заметил, как к столу из зарослей вышел необычно посерьезневший Георгич. Все обернулись, упершись в него вопросительными взглядами.

— Чего? Нет там Сереги. Ни живого ни мертвого. И медведя никакого нет! — прислоняя ружье к дереву стволами вверх, предвосхитил он читающийся в глазах парней не заданный вопрос. — Чего вы тут пьете? Кофе? С коньяком? — потянул он носом. — Ну-ка, Вадюх, плесни-ка мне чистоганчиком!

Изумленный Вадим молча взял нетронутую кружку, не глядя выплеснул кофе в сторону и нацедил из фляжки грамм сто ароматного напитка. Георгич принял из рук Вадима кружку, медленно выпил ее как воду, ни разу не поморщившись, взял со стола бутерброд, откусил его и стал мрачно жевать, смотря куда то в сторону и хмурясь.

— Ох и нихрена ж себе...Даже не поморщился...А говорили-не пьет..-раздались возбужденные шепотки со всех сторон.

— Андрюх! — вышел из оцепенения Вадим.

— Аиньки?

— Ты чего?

— В смысле?

— Ты ж не пьешь! Что там? Нашел Серого? Парни готовы, вооружились, только твоей отмашки ждем!

— Чего?

— Йух через плечо! — стал выходить из себя Вадик. — Что ты там нашел? Где Серега?

У тебя вид такой....

— Какой такой?

— Ну хрен знает какой! Ты ж не пьешь лет пятнадцать уже, насколько я знаю!

— Восемнадцать, если совсем быть точным. — ответил Георгич.

— А чего развязал? — влез в разговор Пашка, все еще охреневая от непонимания происходящего.

— Да я и не развязывал. Просто мозги охладил, чтоб не выкипели от перегруза.

— Да что такое ты там увидел то, не тяникота за детей куриных! — взорвался Леха.

— А вот сейчас доедим, допьем, и сами сходите посмотрите. Спешить некуда, заодно рассветет получше. Можете еще бухнуть, что бы мозги не травмировать.

— Георгич, ты одно скажи- Серега живой? — серьезным тоном, заставившим всех поежиться, спросил Миха.

— Честно? Не знаю. Скоро сами все увидите!

Утренняя трапеза прошла скомкано, все давились бутербродами, молча переглядываясь и исподволь косясь на Андрея Георгиевича, надевшему маску деланного спокойствия и абстрогированности от всего окружающего. Сей маске люто бы позавидовал бы даже египетский сфинкс, который являлся в глазах окружающих-той части коллектива, что добросовестно отсидела от звонка до звонка уроки истории древнего мира в средней советской школе, а не скурила, как говорится, букварь за углом сего почтенного учебного заведения, символом величайшего пофигизма всех времен и народов. Веселое настроение как то само собой рассосалось, парни будто бы ненароком постоянно доставали свое оружие, кто как бы между делом вытащит обойму из травмата и сквозь боковую прорезь сосредоточенно пересчитывает патроны, кто чистой тряпочкой бездумно натирает и без того чистый ствол своего официально зарегистрированного гладкоствола. Даже балагур Пашка, прошедший сквозь огонь и медные трубы на службе в еще Советской милиции, поутих голосом и сосредоточенно точит друг об друга два охотничьих ножа, свой и Вадима, которые на копе вот уж сколько лет разделявали не тушки добытых охотничьих трофеев, а колбасу и хлеб.

— Все готовы? — вернул всех к реальности голос Георгича. — Тогда еще бечевки с собой моток возьмите и «кошку».

— А «кошку» то нахрена? — первым не вынес пытку неизвестностью Пашка. — Мины там что ли?

— Не задавай лишних вопросов, бери что сказано и вперед. Тут не далеко. — ответил его собеседник, подхватил ружье и двинулся в сторону темных кустов. — Фонари зажгите, стволы приготовьте и много не болтайте. Лес, он шума не любит. Особенно такой.

— Какой такой?

— Долго объяснять.

Дорога до места, так изменившего Георгича в глазах всей команды, заняла по темному времени суток минут двенадцать-пятнадцать; понятное дело, никто не додумался засекаать время, а засветло скорее всего управились бы и за пять. Но, тот кто когда либо ходил по ночному лесу, представляет себе, каково это. Ты видишь окружающее тебя пространство только в узком туннеле света своего налобного фонаря, правда, существенную помощь оказывают световые туннели идущих с тобой друзей, идущих с тобой в одном направлении, отчего сила освещенности неким образом возрастает. Но все равно, мельтешение света и теней, особенно если шагаешь в неизвестность, спотыкаясь на каждом шагу о корни

деревьев, перешагивая через упавшие, покрытые мхом и оттого скользкие стволы давно упавших деревьев, держа руку на спусковом крючке, пусть даже и травматического пистолета, в народе презрительно называемого «резиноплюйка» и «жвачкострел», да еще и в состоянии сильного похмелья, спокойствия не выпавшемуся организму особо не прибавляет. Напрягает все- и второпях не подтянутый по фигуре разгрузочный жилет со множеством карманов, в которых каждый уважающий себя копатель несет максимум полезного барахла, от коробочек-монетниц, до запасных батареек для металлодетектора и раций, напрягает стук перекатывающихся в полупустом рюкзаке пивных банок, шуршание упаковок друг об друга пары упаковок говяжьего «дошика», тренчик пинпоинтера, находящегося в специальном гнезде в кобуре на правом бедре так и старается зацепиться за какую-нибудь ветку, словно он живой и объявил молчаливый протест хозяину за какую-нибудь одну ему понятную и обидевшую его мелочь, например вовремя незамененную «крону».

— Стоять! — внезапный приказ Георгия заставил всех вздрогнуть и остановиться. — Пришли.

Они остановились перед большим провалом в земле, напоминающем воронку от чего то большого и сильновзрывчатого, прилетевшего сюда давным-давно, но при этом, если пристально вглядываться, возникала видимость следов рукотворной деятельности, как то более-менее параллельные линии противоположных склонов, за давностью лет осыпавшихся. На дне ямы глубиной около полутора метров за множество лет скопилось достаточно большое количество лесного мусора, в основном веток, этакий мини-шалаш, верхняя часть которого была вдавлена внутрь каким то внешним воздействием, обломав гнилые ветки и сучья, и направив сломанные концы внутрь этой нерукотворной кучи.

— Блинчик, — уверенно заявил Леха, — не вскрытый.

— Или большая землянка, — блеснул эрудицией Миха.

— Почему это?

— Если он не вскрытый, бревна верхнего перекрытия вон те позеленевшие гнилушки-так?

— Ну и?

— Их мало. Блины в основном делали с крышей в два-три наката, чтоб и теплей было, и чтоб защита побольше, мне дед рассказывал, а тут явно дров не хватает.

— Ну в принципе да. Георгич, а куда ты нас привел? Где Серый?

— Мишань, — не стал отвечать на поставленный вопрос усатый копатель, — у тебя в рюкзаке пиво есть?

— Ну да, пару банок захватил из лагеря. А какое отношение..

— Дай-ка одну. — протянул руку Георгич.

Взяв протянутую Михой банку «Жигулей», он сказал;

— Смотрите! — и кинул, не распечатывая, банку в центр кучи мусора на дне землянки. Сверкнула яркая беззвучная вспышка, похожая на ту, с которой взрывается аномалия «электра» в приснопамятном Сталкере, языки разрядов на сотую долю секунды вонзились во все выступающие из ямы детали ландшафта, как то корни и ветки, и на мгновение всем без исключения показалось, что эта яма- как бы пруд, заполненный до краев, и вспышка неизвестной природы высветила на мгновения изнутри идеально ровную поверхность стоячего зеркала чистой воды, которая отразила молнии вовнутрь и не дала им выбраться наружу.

— В рот мне кило тротила! Это че за хуйня такая??? Георгиц, а че за фокусы? — первым вышел из стопора Пашка. — Че это за эхо войны такое?

— Погоди, Паша, это еще не все фокусы. Вот эти две сосны, что на краю ямы растут на другой стороне-видишь?

— Ну?

— Баранки гну. Иди глянь, что там лежит за ними. Да не напрямик, баран, шлепай! Обойди вокруг!

— Ох, в рот-компот! — раздался с другой стороны Пашкин голос. — А это что еще за хуй с горы тут нарисовался? Он что ли Серого уволок или вальнул?

Все, не сговариваясь, стадом молодых кабанчиков метнулись на голос, обходя по дуге странную землянку. Увиденное на той стороне, возле стволов двух огромных елок, заставило всех маленько усомниться в реальности происходящего. Пашка, матерясь, пытался прикурить дрожащими с похмелья руками сигарету, а у его ног сидел, привалившись спиной к одной из елок, держа почему то руки за спиной и с ужасом наблюдая за происходящим- небритый тощий человек, одетый в форму красноармейца! Рядом валялась винтовка-трехлинейка, с примкнутым штыком, но без затвора. Миха подошел, приподнял винтовку и заглянул в магазин. Не поверил глазам, сфокусировал луч налобника- так и есть! Боевые патроны! Вышелкнул один, сощурившись, взгляделся в надписи на донце гильзы-сорок один!

— Георгиц, че за... Это что за реконструктор тут сидит? Откуда ты знал, что он тут? У него Моська с боевыми патронами, сорок первого года, а с виду как из магазина! Только затвора нет!

— Затвор у меня. — порылся в карманах Горки Георгиц. — И сдается мне, что это не реконструктор, а самый настоящий боец РККА. Я его тут спеленал, когда он из этой землянки вылетел со спецэффектами, руки ему связал сзади да успел пообщаться малость. Мне кажется, он знает, где наш пропавший коллега.

— Эй, дружочек-пирожочек! — Вадим подошел к непонятному человеку и схватив его за грудки, рывком поднял его на ноги и припечатал спиной к стволу дерева. — Говорить будешь? Где наш товарищ, куда ты его дел??

— Постой, Николаич! — сбоку вынырнул Леха, доставая из под куртки травмат и демонстративно передергивая затвор. — Дай я ему лучше коленку прострелю — сразу все расскажет!

— Парни, постойте, не стреляйте! — подал голос пленный, с ужасом косясь на Леху. — Я все расскажу! Вы кто, наши, советские?

— Лех, походу пациент борзееет и сам вопросы задавать пытается, вместо того что бы на них отвечать. — мрачно пробормотал Миха, с недобрый блеском в глазах поигрываясь извлеченным охотничьим ножом. — Наверно идея с коленкой все таки не лишена некоего здравого смысла.

— Парни, не убивайте! — взвыл пленный. — Все скажу!

— Кто такой, откуда здесь взялся? — не убирая нож и держа его в зоне прямой видимости, спросил Миха. — Где наш приятель? Примерно в таком же прикиде, как у меня, волосы темные, сильно пьяный был?

— В таком же чем? — не понял пленный. — Ребят, вы кто? Немцы? Диверсанты??

— Пациент на диалог идти отказался, за что получил двойную дозу ударных медикаментов. — грустно констатировал Леха, нацеливая пистолет в колено пленнику. — Мишань, Вадюх — посторонитесь.

— Ребят, как на духу! — взмолился пленный. — Я в секрете сидел, с бойцом нашим, Юркой, земляки мы! Потом баклажка эта откуда то упала, прям перед нашим носом! Блестящая, и надпись на ней, эта, как его — а! Моспивком! Потом бац — человек этот, не знаю, ваш, не ваш, упал откуда то! Прямо в сугроб! Мы его к сержанту оттащили, он нам с Юркой приказал на пост вернуться, ну мы и того...

— Ну! — грозный рык Вадима. — чего завис? Продолжай давай!

— Ну я решил глянуть, откуда этот...ваш... вывалился... Подполз, огляделся, немцев вроде нет. Ну я штыком пошурудил там, откуда этот вывалился, потом бац, сверкнуло что то, как это, знаете у фотографов шгука такая есть, когда они фотокарточки делают...

— Не отвлекайся! — поторопил бедолагу Миха. — Дальше что было?

— Так я и говорю! Сверкнуло значит ярко, аж в глазах звездочки забегали, а потом-раз! И я тут лежу! А тут и ваш, — покосился он на Георгича, — выскочил из кустов и навалился. Дальше уж и вы подошли...

— Постой-постой! — задумчиво сказал Миха. — Ты сказал, приятель наш в сугроб упал? Какой такой сугроб? Сейчас сентябрь месяц, ягоды-грибы там всякие. Что ты нам пургу несешь?

— Ей-богу! Чем хотите поклянусь!

— Парни, дайте я ему в бубен заряду от души! Мне думается, пиздит он и не краснеет! — влез в разговор Пашка, до сего момента не подающий ни звука ввиду полного непонимания окружающей действительности.

— Постой, Павлик! — остановил его Георгич. — Успеешь еще! Год, месяц, число сегодня какое? Быстро отвечать! — Резко повернулся он к пленнику.

— Десятое марта. Одна тысяча девятьсот сорок второго года!

— Бля, пиздец полный! — выругался Вадим.

— Документы есть какие? Быстро! — продолжал наседать Георгич.

— Да... Красноармейская книжка. Руки развяжите!

— Обойдешься, не заслужил еще! Пахан! Выйди из ступора! Глянь у него за пазухой!

— Ща посмотрю! Только дернись, гнида! — Пашка по быстрому обхлопал пленника, сунул руку ему под ватник и вытащил какой то сверток. — Что то есть! Надеюсь не наркота. Ты случаем ничего не употребляешь? А то сам знаешь-«особо крупный размер», чем грозит тебе! Ща в багажник закинем, отвезем и сдам тебя корешам старым, с кем в отделении служил! Это я к тому, что бы мозги нам не ебал особо!

Пленник с полным непониманием уставился на него.

— Паша! Остынь! Дай сюда!

— Так, парни. — Георгич принял сверток из рук Пашки и развернул его, вытащив потрепанный документ. — Не побоюсь сказать это вслух, но похоже мы залезли в глубокую жопу. Ну пока не конкретно мы, но наш Серега похоже точно!

— Ну это если этот баклан не пиздит! — влез в разговор Пашка.

— Боюсь что не пиздит. — кинул мрачный взгляд на него Георгич. — Слишком все заморочено сильно! Никто не знал, что мы сюда приедем, я имею ввиду из здешних аборигенов, а мутки мутить с наших мест, откуда мы приехали-я имею ввиду Подмосковье- смысла нет. Сами представьте- рассчитать день и час, когда мы здесь появимся, ряженого подослать, экипировать его вещами тех лет в соответствующем сохране, книжку эту отпечатать, винтовку найти, с годом выпуска патронов заморочиться...

— А что кстати в книжке то то? Дай глянуть! — протянул руку Леха.

— На, читай вслух, что бы все слышали!

— Коновалов Дмитрий Иванович, одна тысяча девятьсот двадцатого года рождения, призыва август тысяча девятьсот сорок первого, красноармеец, призван Вологодским ГВК г. Вологда.

— Вологде, Вологде, Вологде- где! — дурачась, прокривлялся Пашка.

— Эй! Дмитрий Иванович! Не врешь нам? — нацелил ствол в голову пленника Леха. — А то смотри, бахну тебе сейчас в бубен, и поминай, как звали! В воронку кинем, ветками присыплем- археологи через тысячу лет найдут только!

— Ребята, да вот вам крест!

— Ладно, сиди пока, не рыпайся! Никто тебя убивать не собирается! Пока! — строго взглянул в глаза красноармейцу Георгич. — Пахан! Далеко от него не отходи, потусуйся рядышком, мы с парнями отойдем-пошушукаемся! — А че сразу без меня то?

— Бля, Паша, заебал уже! Покарауль пленника, мы без тебя никуда не убежим! И даже бухать без тебя не станем!

— А, ну тогда добро!

— Вот и ладненько! Покарауль пока!

Отойдя в сторонку и оглянувшись на Пашку и оставленного пленника, которых почти не было видно в предрассветной тьме и сочтя расстояние приемлемым для конфиденциального раговора, Георгич жестом приказал всем приблизиться. И когда все подчинились, он, снова оглянувшись по сторонам, приблизил лицо и громким шепотом прошептал:

— Сдается мне, комрады, что это, как ни глупо и смешно звучит, это чел из прошлого.

— Чего?

— Хрень какая то произошла, и бойца из прошлого, с Великой Отечественной, к нам закинуло.

— А Серегу?

— А Серегу, боюсь, туда засосало.

— Да ну нах! И чего делать теперь будем?

— Пока не знаю. Надо как то понять, что за портал такой временной, как он работает, и в какую сторону!

— В смысле?

— Парни, не тупите! Представьте, что это настоящий боец с Великой Отечественной, с сорок второго года, судя по документам и оружию, каким то хреном попал в наше время, живой и невредимый, и к тому же говорит, что к нему туда провалились наши пивные банки-сто процентов не сомневаюсь, что это Серегина работа... Хотя, ща, постойте! Пахан!

— Чего? — донеслось издалека.

— Проверка связи! Ты когда с Серым сидел, вспомни, он пиво пил?

— Да!

— С собой он пиво брал, когда поссать пошел и пропал?

— Да!

— Все, спасибо, отбой!

— Ну все поняли?

— Не особо. Что именно?

— Объясняю для тех, кто в танке! — воздел очи к небу Георгич. — Здесь, походу, имеет место некая пространственно-временная аномалия, как ни странно это звучит, и судя по всему, наш дружок-алкоголик провалился в нее. Если наш новый приятель не врет- а мне

почему то кажется, что он не врет, он видел момент перехода Сереги в прошлое- помните ту вспышку? И он сам полез проверить, и попал к нам. Вопросов много, главное понять, что мы можем сделать с этим явлением, как вернуть Серого к нам и этого рядового, как его там?

— Дмитрия Коновалова.

— Да. Дмитрия Коновалова вернуть назад в сорок второй год.

— А нахрена нам это нужно?

— Что именно?

— Его возвращать в прошлое?

— Ну во первых- как то не по человечески, во-вторых, кто знает, чем нам это аукнется?

Слыхали про «эффект бабочки».

— Смутно. А что это?

— Типа, в каком то фантастическом рассказе человек улетел в прошлое, в эпоху динозавров, и случайно там наступил на бабочку, а когда вернулся, увидел что весь мир вокруг изменился.

— А, слышал что то подобное! — блеснул эрудицией Миха. — Есть анекдот такой. Хрен какой то возвращается из прошлого и кричит: ура! Я убил Гитлера! Кого-кого? А кто это? — спрашивают его.

— Ну да, типа того. Короче- это все тема темная и неизведанная, поэтому надо быть максимально осторожными во всем- хрен его знает, как будущее может обернуться, если этот Димон вдруг здесь застрянет, или Серега там останется и в чемнибудь накосячит.

— Этот да, может и в прошлом так нахуевертить, что здесь не отмоется.

— А как нам Димона назад вернуть и Серегу оттуда выдернуть? — подал голос молчавший доселе Вадим.

— Как я предполагаю, — ответил, подумав Георгич. — Дмитрия вернуть особого труда не составит-яма, она же воронка или блиндаж- похоже и есть этот самый портал. Правда, непонятно, как и когда он работает и как давно появился, но не суть. Главное, думается мне-если пленника нашего туда столкнуть- он точно домой вернется, но как Серегу нашего оттуда выдернуть- идей пока нет. Верней есть одна, но она совсем в порядке бреда.

— Излагай.

— Надо кому то в портал залезть, и друга нашего там поискать.

— В натуре бред полный. — сплюнул Вадим. — Как ты думаешь, какая вероятность через портал живым пролезть?

— Ну, я думаю, вероятность весьма высока. Красноармеец прошел через него, и жив-здоров остался. Я увидел вспышку, когда он к нам переместился, и буквально через мину-две его. Он не выглядел оглушенным или контуженным, только слегка пришибленным. А кто бы выглядел по иному, переместившись почти на восемьдесят лет вперед?

— Это да..

— Есть вопрос, вернее непонятка. — Миха достал сигарету из пачки, чиркнул колесиком зажигалки и смачно затянулся. — У нас сентябрь, а у них март, плюс чел выпал из портала в валенках. Как это вписывается в нашу стройную теорию перемещения во времени? — выдохнув дым, закончил он.

Парни переглянулись и синхронно полезли за сигаретами. Закурив, молча пускали дым в небо, пытаясь разобраться в столь удивительной и нестандартной ситуации. Наконец, выкинув окурочек в кусты и нисколько не заморачиваясь пожарной безопасностью, голос подал Вадим.

— Хрен его знает, что это вообще такое с нами происходит, надеюсь это не глюки и не интоксикация от паленого алкоголя...

— Глюки коллективными не бывают! — перебил его Леха.

— А хрен тебя знает, — не остался в долгу Вадим. — Может ты тоже глюк, в моем глюке!

— Очень смешно, но бестолково! — сказал Георгич. — Я с вами влез в это дерьмо по уши, хотя я и не пил.

— И не поспоришь. — улыбнулся Миха.

— Короче, что я надумал. — докурив и аккуратно затоптав окурочек, начал Георгич. — Серега пропал- раз. Непонятный боец, полностью соответствующий эпохе Второй Мировой, с аутентичной винтовкой, патронами и документами, появился из ниоткуда- это два. Странная воронка со световыми спецэффектами и канувшая в никуда банка пива- это три.

— Ты еще забыл свежие гильзы, которым судя по дате почти восемьдесят лет!

— Да. И это четыре. Хотя с гильзами совсем непонятно, из этой ямы они точно не могли по всему лесу разлететься. Ладно, пока вопрос с гильзами оставим без внимания. Есть идея, в порядке бреда. Чья это фраза, не помню, да не в этом суть. Для начала предлагаю что-нибудь зашвырнуть в портал, привязанное к веревке, и попытаться вернуть назад. Если получится- провернуть то же самое с бойцом Коноваловым- закинуть его в прошлое, и выдернуть назад на веревке.

— И входит, и выходит! — скаламбурил Миха.

— Да! Замечательно выходит! — поддержал его Леха.

— Веревка у нас есть. Что кидать будем? Кошку? — спросил Вадим.

— А толку с нее? Еще зацепится за что-нибудь, как назад тащить будем? Предлагаю привязать вторую Мишанину банку пива, для надежности усилить петлю изолентой, кстати, есть у кого с собой?

— Да, есть, — полез в карман Леха. — Таскаю с собой с прошлого раза, когда уши у катухи об корягу обломал.

— Отлично, супер! Значит, привязываем банку, кидаем в яму, ждем пару минут и вытаскиваем.

— А почему именно пиво? — поинтересовался Вадим. — Может корягу какую-нибудь примотать? Ее если что — не жалко.

— Нет, только пиво. Этим я хочу проверить еще кое-какие факторы. — Терпеливо, как неразумному ребенку стал объяснять Георгич. — Пиво-это продукт, хочу посмотреть, как на его свойства повлияет другое время. У пива же нет срока годности в восемьдесят лет?

— Да хрен его знает. — Усомнился Миха. — Сейчас такую химозу в жрачку добавляют, что и тысячу лет пролежит, не испортится. Помню, лет десять назад читал, где то в Германии река кладбище подмыла, так там жмурики все как один свежо выглядели, хотя им на момент захоронения не по одному году было.

— Как это?

— Ну типа при жизни столько жрачки с консервантами сожрали, что сами законсервировались, и их даже черви грызть не стали.

— Фу, какую гадость ты вечно читаешь! — скривился Вадим. — Нет бы что-нибудь приятное рассказал!

— Думаю, это не наш случай. По-любому, если банка вернется в наше время и мы ее откроем, мы сразу пойдем — свежее пиво или протухшее. — продолжил Георгич. — К тому

же если боец нас не обманывает и там действительно март и лежит снег, по температуре банки мы это сразу поймем.

— Голова! — уважительно посмотрел на него Леха.

— Пойдемте к Пашке. Он уже наверное нервничает.

— Хорошо.

— Пахан, мы идем! — Крикнул Миха. — Ты там как, не соскучился?

— Куда вы там ушли, придурки? Долго мне еще одному тут тусить?

— Почему одному? Мы тебя оставили в хорошей компании! Кстати, как там наш дружок? Говорил чего?

— Да бред какой то несет. То немцем меня обозвал, то пургу понес, что учение Компартии отрицает Бога и чертей. Георгич, как ты такого придурка в лесу нашел? Откуда он вылез?

— Паша, ты не поверишь! Этот ряженный похоже действительно из прошлого. — глядя на немного прифигевшего Пашку, сказал Георгич.

— Как это? Типа как в той киношке, где скинхед татуху камнем сдирает?

— Тьфу блин, еще один поклонник отечественного синематографа. — сплюнул в сторону Вадим.

— А что, классный фильмец! — встрял в разговор Миха. — Я его в кинотеатре смотрел, долби сурраунд-все дела, вообще зачет! Медсеструха там классная!

— Ладно, отставить лирику! Эй, ты, боец! — прервал воспоминания парней Георгич. — Имя, звание, год рождения — быстро!

— Ээ. Дмитрий Коновалов, рядовой, двадцатого года... Парни, а вы кто будете?

— Какого-какого года? Хрена себе персонаж! Надо же. Как в роль вжился! Сто лет ему, а выглядит на все двадцать! Пиздит и не краснеет! Дайте я ему разок втащу в печень, что бы не расслаблялся!

— Паш, остынь. Боюсь он правду говорит. — сказал Георгич.

— Да? А куда он Серого дел? Даже если он из прошлого к нам вылез, Серега то где? Признавайся, сучара! — полез с кулаками к пленнику Пашка.

— Паша, тебе сказано — остынь! — выдвинулся вперед Вадим. — а то я тебе сейчас сам втащу- больно будет! Ты меня знаешь!

— Все, вник. — Пашка бочком отошел в сторонку. — Но все равно, узнайте у него, гуманные вы мои, куда он Серого дел!

— Узнаем, не переживай! Не лезь только!

— Итак, Дима, слушай сюда! — невозмутимо продолжил допрос Георгич. — Главный вопрос, который нас всех интересует — как ты сюда попал?

— Куда, сюда? — не понял пленник.

— Сюда, к нам. Ты же сказал, что сейчас март месяц, ты в теплой одежде и валенках, а тут что? Посмотри вокруг, ничего не смущает?

— Ой, бля... — затравленно огляделся пленник. — И правда... Куда я попал? Кто вы такие?

— Ты, друг наш ситный, находишься в сентябре месяце две тысячи двадцатого года. И повторяю вопрос. Как ты переместился через портал?

— Да говорю же! — взвыл пленник. — Жестянка сначала выпала, потом человек какой то! Я подошел посмотреть вблизи — ничего необычного! Штыком над собой потыкал, сверкнуло что то, ослепило! Как зрение вернулось — я уже тут был!

— А человек выпавший где?

— В землянку оттащили, к сержанту нашему.

— Что за сержант?

— Командир наш, сержант Величко.

— Ваш? И много вас там?

— С командиром семеро.

— Задача какая вам поставлена?

— А вы правда не немцы? Это же будущее? Война когда закончилась? Кто победил?

— Мы победили. Советский народ. Не отвлекайся. Так какая задача у вас в мартовском лесу?

— Наблюдение за дорогой. — вздохнул боец.

— И много наблюли?

— Чего?

— Я говорю, давно там сидите? Чтонибудь произошло за время несения службы?

— Неделю сидим, по очереди меняемся в секрете. Немца одного подстрелили дня три назад — пытался похоже разведать пути отступления.

— Отступления?

— Ну да. Мы их в котел взяли, они выйти не могут из окружения- кругом болота, вот и шляются иногда, выход ищут.

— Дело ясное, что дело темное. — пробормотал Георгич. — Ладно. Пашка!

— Чего?

— Тащи его в лагерь наш, руки ему не развязывай, и привяжи его к чемунибудь, чтоб не убежал. Да хоть к бамперу. У меня в бардачке посмотри, там стяжки пластиковые лежать должны — используй их, так надежней будет. Винтовку здесь оставь. Все понял?

— Да. А вы чего?

— А мы пока тут останемся, кое-чего проверить надо. Попозже подойдем. И не бей нашего нового знакомого, усек?

— Принял. Давай, вставай, бедолага. Прогуляемся. Тут недалеко.

Проводив взглядом Пашку и ссутулившегося понурого пленника, Георгич повернулся к остальным.

— Ну что, давайте банку пивную покидаем, как решили?

— Давай.

Миха осмотрел сооруженную им приبلуду, которая представляла из себя целую пивную банку, сквозь кольцо которой, развернутое на сто восемьдесят градусов для защиты от несанкционированного вскрытия в момент броска, был протянут пластиковый хомут-стяжка, который сцеплял одновременно и металлическое кольцо и петлю на конце веревки. Конструкция эта для надежности была обмотана несколькими слоями знаменитой синей изоленты, без которой знающие и понимающие в механике люди и в туалет не ходят. Все это было позаимствовано у Георгича из машины, ради чего Лехе пришлось прогуляться до лагеря, что бы заодно проинспектировать, как там поживает Пашка и новоприобретенный член коллектива. Создавалось впечатление, что в стареньком Паджерике можно было найти все что душе угодно и даже после этого еще попросить добавки. Вся машина представляла собой огромный склад — органайзер на колесах, везде были кармашки с мелочевкой, ниши с инструментом, и даже в багажном отделении под самодельным фанерным полом, обшитым тканью и утеплителем заботливыми руками хозяина машины были устроены выдвижные ящики на кухонных направляющих, хранящих в своих недрах уму непостижимую кучу всяких полезных вещичек, начиная от поплавков и бензопилы с запасом заранее разведенного в нужной пропорции с маслом бензина, и заканчивая газовым примусом и ржавым тормозным диском, который выполнял роль якоря для лодки на рыбалке, большим поклонником которой был Георгич.

— Все по дендрофекальному методу. — подергав для проверки узел и убедившись, что сам по себе он не развяжется, удовлетворенно пробурчал себе под нос Миха.

— Чего говоришь? — не расслышал Вадим.

— Я говорю, что супер-пупер зонд для исследования межвременного портала изготовлен согласно ГОСТа из говна и палок.

— А, ну это так всегда и бывает. — Улыбнулся Георгич. — Не оторвется, крепко привязал?

— Не должно. Синяя изолента — сила!

— Есть анекдот такой. — влез в разговор Леха. — Приходит мужик в магазин Автозапчастей и говорит: — Дайте мне пожалуйста запчасти на Ниву! — Какие вас интересуют? — Проволоку и синюю изоленту! — Странные вы какие то запчасти на Ниву берете, они же от Уаза!

— Но-но-но! Ты на мой Уазик не гони! — улыбнулся Вадим. — Он еще ваши японские ведра переживет!

— Ага, если не сгниет раньше! — парировал Миха.

— Это бесспорно. Идея хорошая, а исполнение — говно. Не умеют наши машины делать, хоть ты тресни. Вот танки и автоматы — могут, а ширпотреб — хренушки, у китайцев покупаем. При Сталине все могли делать, не дай Бог брак или накосячишь — сразу без разговоров могли вклеить десять лет расстрела без права переписки.

— Вот погоди, сейчас если залезем в прошлое, у тебя будет неиллюзорный шанс самому Сталину это все вживую рассказать.

— А мы полезем? — спросил Леха.

— А зачем же мы эту хрень изготавливали и кто по твоему Серегу спасет? Я что то сомневаюсь, что он сам дорогу назад найдет.

— Это ты верно заметил. — помрачнел Леха. — Ладно, давай, закидывай свою удочку!

— Постой! — вмешался Георгич. — Отойдите все подальше на всякий случай! Мишань, привяжи конец веревки к какомунибудь дереву, что бы когда бросать ее будешь, руками ее не держать.

— А, ясненько! Ты думаешь, что может затянуть в портал вместе с зондом и того, кто его в руках держит?

— Не исключено. Лучше перебздеть, чем потом иметь бледный вид и глупо улыбаться!

— Хорошо. — Миха огляделся вокруг в поисках подходящего дерева. — Ага, вот эта березка подойдет. И не слишком толстая, и близко в воронке растет.

Подойдя к деревцу, он привязал второй конец веревки к стволу примерно на высоте пояса взрослого человека, подергал узел, оглянулся на парней и спросил:

— Ну что, все готовы? Лех, достань мобилу, сними видос. Надо для потомков память оставить. И вдруг что-нибудь при пересмотре интересное увидим, что сейчас не заметим.

— Добро! — Леха достал смартфон, активировал камеру и встал наготове в сторонке. — Я готов.

— На счет три бросай.

— Хорошо.

— Раз, два, три!! Бросай!!!

Миха что есть силы размахнулся и кинул пивную банку точно в центр воронки. Сверкнула вспышка, раздался негромкий треск электрического разряда и банка исчезла. Со стороны было забавно наблюдать, как натянутая веревка словно обрезанная по некоей границе, вопреки силе притяжения висела в воздухе и не собиралась падать. Вокруг среза в воздухе примерно в радиусе полуметра расходилась в стороны еле видимая кольцевая рябь, очень сильно напоминая круги вокруг поплавок на рыбалке, когда рыба уже во всю пробует на вкус наживку, но еще не торопится заглотить ее и увести поплавок под воду. Леха в полголоса выругался и стал потихоньку обходить воронку сбоку в поисках лучшего ракурса. Пройдя несколько шагов, он остановился недалеко от края таинственной ямы и с помощью зума камеры попытался увеличить место разрыва двух реальностей. Веревка, подсвеченная налобными фонариками, была отчетливо видна на экране, вплоть до мельчайших волокон, но само место разрыва, или обреза, как кому понятнее, пряталось за некоей размытостью, дымкой, напоминающей ту, которой особо ретивые цензоры на телевидении замыливают сигареты на экранах в рамках борьбы с курением.

Все молча ждали продолжения событий. Наконец через пару минут, показавшихся всем присутствующим вечностью, голос подал Георгич.

— Лех, сколько времени ведется съемка?

— Две минуты четырнадцать, ну уже пятнадцать секунд.

— Не выключай телефон. Думаю хватит для первого раза. Пора выдергивать назад. Мишань, я сам.

Он осторожно подошел к натянутой веревке и с опаской ткнул ее поднятой рядом с земли какой-то палкой. Ничего не произошло, только вибрация, волной прошедшая по веревке и дошедшая до места разрыва, на какое-то время усилила интенсивность и яркость «кругов на воде». По мере затихания амплитуды раскачивания веревки затихала и активность непонятного физического явления.

— Лех, снимаешь?

— Ага!

— Отлично. — Мысленно перекрестившись, Георгиц схватился обеими руками за веревку и резко дернул. Сверкнула знакомая вспышка, на миг выхватив из полумрака сосредоточенные лица парней, и целая и невредимая на вид пивная банка вынырнула из ниоткуда.

— Лех, все снял? — внезапно охрипшим голосом спросил Георгиц.

— Да, все отлично. Доказательства зафиксированы!

— Хорошо. — вытерев пот со лба, Георгиц склонился над пивной банкой и осторожно коснулся ее тыльной стороной ладони. — По-моему, она намного холодней, чем была. Хотя-могу ошибаться! Ребят, потрогайте сами.

Все, подсвечивая фонариками, подошли и стали внимательно изучать банку-путешественницу. Мнения разделились. Кто стал уверенно подтверждать изменение температуры объекта изучения, кто-то наоборот не чувствовал разницы. Точку в разгорающемся споре поставил Вадим.

— Короче! — сказал он. — Так мы консенсуса, как любил трюндеть Меченый, точно не достигнем. Контроль — наш Бог, а перепроверка — пророк его!

С этими словами он взял банку из рук изучающего ее Михи и недолго думая закинул жестянку обратно в портал.

— Время засекайте, у кого часы поблизости. Мои в машине остались. Снял, чтоб ночью не разбить случайно.

— Засекли.

— Пусть десять минут пройдет, для чистоты эксперимента.

— А где ты такую умную фразу вычитал? Про перепроверку? — спросил Вадима Леха..

— Не помню уже, где вычитал, но фраза эта по слухам принадлежит самому Сталину.

— Прикольно, надо запомнить. — сказал Миха. — Запоминай, а хочешь — запиши. Парни, ни у кого бухашки с собой больше нет? А то столько информации на похмельную голову до добра не доведет. Того и гляди — треснет головушка! — обвел всех страдальческим взглядом Вадим.

Миха отрицательно покачал головой, Георгиц ничего не ответил, а Леха проворно поднялся и сказал.

— В лагере есть. Пойду прогуляюсь, заодно и себе захвачу. Вадюх, тебе пивка зацепить или чего покрепче?

— В багажнике у меня рюкзак лежит, зеленый такой, в нем фляжка моя. Если принесешь сюда — большое тебе человеческое спасибо скажу!

— Окей. Мишань, Георгиц, вам принести чего?

— Мне пивка банку, и чипсы если вдруг найдешь.

— А мне прихвати термосок мой, на переднем сиденье лежит. Хлебну чайку горячего, а то что то зябко.

— Это у тебя отходняк адреналиновый отходит, после всего увиденного. — рассмеялся Вадим.

— Может и он. — не стал спорить Георгиц. — Я чего думаю то. Сейчас когда Леха вернется, завершим наконец наш эксперимент, вернемся в лагерь, позавтракаем плотно. А потом, я думаю, надо собрать все самое необходимое, оружие там, патроны, аптечки обязательно, запас еды и махнуть туда. — Кивнул он в сторону портала.

— Ты хочешь переместиться в прошлое? — удивился Вадим.

— А ты Серегу спасти не планируешь?

— Планирую. Только вот как то так резко сквозануть в прошлое?

— А чего тянуть то? Какой у нас план? — деловито спросил Миха.

— Пока курим и ждем. Потом вернется Леха, подлечимся, вытащим банку, проверим ее состояние, естественно снимем все это на видео. Потом предлагаю вернуться в лагерь, позавтракать, собраться полностью. Можно еще с бойцом пообщаться, вдруг еще чего интересное расскажет. А когда рассветет полностью — вернуться сюда. Предлагаю Пашку оставить в лагере за старшего, а то он шепутной — еще натворит делов в прошлом, вовек не расхлебаем!

— Годный план. Я думаю еще как то это место пометить, чтоб не заблудиться, либо лагерь поближе переместить. Для начала наверное можно просто вокруг воронки сигнальную ленту натянуть. У меня в кунге моток валяется хрен знает сколько лет.

— Да, наверное так и поступим. О, а вот и Леха идет! Эй, Лех! Как там, в Багдаде все спокойно?

— А хули ему будет? Фляжку с термосом принес, тебе и мне, Мишань, пивка зацепил. Чипсы не нашел, сухарики надыбал только. Там в кузове все вверх ногами, вчера походу кто то искал что то, пока мы приезд отмечали. Переживешь без чипсов то?

— Куда же я денусь с подводной лодки? Пиво давай!

— Держи!

Все проворно разобрали принесенные Лехой припасы. Вадим порылся в карманах и выудил на свет маленький кожаный чехольчик. Открыв его, сноровисто достал маленькую металлическую стопку и наполнил ее коньяком из своей знаменитой фляжки. В противовес ему, Георгич спокойно открутил широкую крышку термоса и налил в нее еще не совсем остывший чай. Леха и Миха синхронно щелкнув кольцами пивных банок, открыли их и выжидательно посмотрели на Вадима.

— Вадим! — сказал Миха. — Ты помнишь, за что Пушкина на дуэли застрелили?

— Помню, конечно! Тару задерживал! Ну давайте за неизведанное, и чтоб все это безобразие благополучно завершилось!

В пространстве со стуком сошлись две пивные банки и коньячная стопка. Вадим с невысказанным вопросом во взгляде посмотрел на Георгича. Тот невозмутимо отхлебнул глоток чаю и сказал:

— Чаем не чокаются, говорил же не раз, но тост поддерживаю на все сто и присоединяюсь. Пейте уже!

Вадим залпом опрокинул в себя благородный напиток, зацепил щепоть сухариков из распечатанной упаковки, закинул в рот и удовлетворенно захрустел ими. Остальные последовали его примеру, кроме Георгича, который мелкими глотками прихлебывал чай и задумчиво смотрел в сторону портала.

— Что у нас со временем? — подал голос Миха. — Десять минут прошло уже? Кто засекал?

— Я засекал. — Георгич отдернул рукав куртки и посмотрел на светящийся циферблат своих «Командирских». — Покурите пока, еще пара минут в запасе есть.

— «Парни, вы слишком много курите! С такой одышкой вам не пробежать и ста ярдов!»- процитировал Вадим.

— Я образно. — парировал Георгич. — Пустые банки только в лесу не бросайте, уберите в рюкзак. Потом по дороге в контейнер выбросим. А то гость наш из прошлого охренеет, какие потомки у него свиньи!

— Да он сейчас с Пашкой пообщается, еще больше охренеет. Пахан уже пузырь где-то раздобыл, и гостю наливает. — Сказал Леха. — Я когда за пивом ходил, они уже по одной стопке выпили.

— Блин, так он же связанный был?

— Пашка ему левую руку стяжкой к бамперу пристегнул, а вторую свободной оставил.

— Ну блин Пахан, ну алкаш! Тут если даже из портала черт вылезет или фашист настоящий, он наверно и с ними нажрется!

— Отставить лирику! — Георгич еще раз посмотрел на часы и решительно направился к привязанной к березе веревке.

— Лех, снимай видос еще раз. Пусть будет.

— Хорошо.

Георгич уже с меньшим мандражем взялся за конец веревки и дернул. Снова сверкнула вспышка, звук разряда и вот уже все столпились возле материализовавшейся банки.

— Холодная!

— В натуре холодная!

— Не наврал боец!

— А что там с содержимым? Мих, открывай давай скорее!

— Сейчас! — шелчок, шипение и из под кольца выступила пивная пена.

— По запаху вроде обычное пиво. — Взял банку из рук Михи Леха и осторожно принюхался. — Посветите-ка!

Он аккуратно вылил на ладонь немного пива и еще раз понюхал. — Да, никакой разницы!

— А на вкус?

— Что-то стремно пробовать!

— Ну-ка, дайте сюда! — Вадим решительно отобрал пивную банку и смачно приложился к ней. — Чего вы сыте? Пиво как пиво! Георгич, эксперимент удался?

— Думаю- вполне.

— И что мы выяснили?

— В двух словах то, что при перемещении через портал с предметом ничего не происходит. Люди проходят живыми и здоровыми, пиво не теряет свежесть, и что на той стороне действительно намного холодней, чем у нас.

— Ну вот и прекрасно! — Вадим решительно допил пиво, оторвал от банки остатки изоляты и смял жестянку в кулаке. — Пойдемте уж позавтракаем наконец, и будем собираться в путь-дорогу!

Выйдя из кустов на поляну, где располагался лагерь копателей, парни увидели идиллическую картину. Пьяный и довольный Пашка что то велело рассказывал красноармейцу, который с глупой пьяной улыбкой невпопад кивал собеседнику в ответ.

— Во блин, Пахан! — Изумился Вадим. — И когда только нажраться успел? Нас же не было минут пятнадцать всего, а он уже в говно, и гостя нашего спойл!

— Да ладно тебе, чего ты мне — отец родной? Пока вы там по лесу шляетесь, я уже успел кипяток поставить, а с Димоном вообще только успели по капельке лизнуть!

— Ага, вижу я твою капельку. — Вадим наклонился и вытащил из-под днища машины пустую водочную бутылку. — А это что такое? Так нам никаких запасов не хватит!

— Ой, да ладно тебе! Ты что водяру зажал, что ли?

— Нет, не зажал. Но ты нам будешь нужен в адекватном состоянии, а не как овощ,

который весь поход проваляется в своем шалаше!

— А чего ты к моему шалашу докопался? Завидуешь, что-ли? Сколько захочу, столько и бухать буду! Я сюда отдыхать приехал! Тем более вот с каким корешем познакомился! Да, Димон? — ткнул его в бок кулаком Пашка и пьяно рассмеялся.

Кореш постарался прикинуться ветошью и особо не отсвечивать. Он до сих пор смутно представлял, куда его занесло и что это за окружающие его люди. В голове до сих пор вместо мыслей была полная каша, да два стакана водки, попавшие в голодный желудок, с непривычки только усилили разрыв с окружающей реальностью. Пытаясь сфокусировать взгляд на том или ином предмете, мозг непроизвольно отмечал некую странность — и непонятная одежда окружающих, вроде как и военного образца, а вроде как и нет, и странные никогда раньше не виданные автомобили, вроде бы с шинами высокой проходимости, но в то же время сияющие хромом деталей, как наавто больших партийных начальников. А этот странный примус, на котором закипал небольшой чайник! Дмитрий успел заметить, что его собутыльник не подкачивал топливо и даже не чиркал спичками — просто нажал что-то, и на маленькой комфорке неожиданно загорелось бесшумное голубое пламя!

Слишком много вокруг было непонятного, поэтому боец решил поменьше говорить и побольше наблюдать и слушать. Между тем у костра происходило что-то непонятное. Один из парней подошел к автомобилю, стоявшему поодаль, направил в его сторону руку с зажатым в кулаке каким-то маленьким предметом, и машина вдруг коротко мигнула дважды фарами и в унисон крякнула гудком! Парень подошел, открыл дверь и в автомобиле как по волшебству зажегся неяркий свет, который лился, как успел разглядеть Дмитрий, из двух маленьких потолочных светильников. После этого парень достал из нутра машины странный вещмешок белого цвета с надписями, среди которых Дмитрий успел разглядеть белую цифру «пять» в красном круге.

Подойдя к костру, Миха вывалил все из пакета прямо на утопанную землю и принялся перебирать содержимое.

— Ага, что у нас тут есть? Шесть «Дошиков», четыре говяжьих, два куриных. Две банки тушенки, буханка черного и еще одна «Бородинского». Любезнейшие, а кофе и сахар брал кто?

— Я брал! — откликнулся Вадим. — У меня еще колбаса клевая есть» Краковская», у нас в поселке Белорусский магазин открылся, стараюсь только там закупаться. — Он открыл боковую дверь Уаза и принялся перебирать вещи.

— Еще молоко есть если кто хочет в кофе добавить, и пахнет в тюбике.

— А я в дорогу яиц десяток сварил, надо их тоже есть, пока не испортились. — подошел к столу Георгич.

— А я свежих три десятка привез. — похвастался Леха. — Может яичницу сварганим?

— Свежие побереги пока, с ними ничего не случится, а вот вареные пропасть могут!

— Парни, кто какой «Дошик» будет? Есть красный — злобучий, а есть зеленый — куриный.

— Давай всем красные, они с бодуна хорошо помогают, а гостю нашему зеленый запарь.

— Красных только четыре, кому то не достанется.

— Давай мне куриный! — сказал Георгич. — я острое не люблю и похмельем не маюсь!

— Договорились. Тушняк всем засыпать?

— Да, давай!

— Отлично!

Миха вскрыл обе банки тушенки, ножом пошерудил в них, превращая содержимое в однородную массу. Потом вскрыл все шесть упаковок «Доширака», поломал брикеты со спрессованной лапшой в россыпь, засыпал в контейнеры, добавил специи из пакетиков и щедро навалил сверху свиную тушенку, зорко следя за тем, что бы всем досталось поровну.

— Тащите кипяток, «дошик» запарить! — крикнул он, — и сразу новый чайник кипятите, для кофе!

— На, держи! — протянул ему Леха кипящий чайник. — Смотри только осторожно, не обожгись!

— Ладно. Смотри: эти четыре — красные, острые, а эти два в сторонке — куриные, Георгичу и пленнику.

Миха аккуратно разлил кипяток по пластиковым контейнерам, прикрыл их крышками, а сверху каждой положил для веса по куску черного хлеба.

— Эй, приятель! — обратился он к пленнику. — Ты голоден?

Тот в ответ кивнул, проглотив невольно выделившуюся слюну. Он не понял процесса приготовления и не мог по внешнему виду определить, что это за блюдо, но пахло чертовски вкусно, а желудок, не видевший никакой пищи со вчерашнего вечера, жалобно заурчал.

— Да ты совсем походу оголодал в своем дозоре! — неодобительно покачал головой Вадим.

— Я тебя сейчас развяжу, но смотри, задумаешь дать стрекача, пуля быстрее летает! Да и некуда тебе в принципе бежать! Георгич, пластиковые хомуты еще остались?

— Да есть еще десяток! На вас не напасешься! Чем тебе обычные наручники не устраивают?

— А что, у тебя даже браслеты есть? — чуть не подавился пивом Леха.

— У меня как в Греции — все есть!

— А чего молчал?

— Так вы же не спрашивали!

— Стесняюсь спросить, Георгич, а зачем тебе в машине наручники? Ты что, маньяком заделался на старости лет? — Вкрадчиво спросил Вадим.

— Дурак ты, и уши у тебя холодные! Я ими лодку приковываю, когда на рыбалку в Астрахань ежу. Удобная штука — за любую фигню можно зацепиться, и ключ всегда под рукой — на связке вместе с ключом от зажигания и противоугонки! — продемонстрировал Георгич.

— Да... — протянул Леха. — Век живи, век учись!

— И все равно дураком помрешь! — поддел его Миха.

— Хорош лясы точить! Пахан, расцепи Димона, а то он сейчас уже слюнями подавится! Братва, подходи к костру, «Дошик» уже запарился! Вилки рядом на пакете лежат!

Все неторопливо подошли к костру и разобрали контейнеры с едой — каждый свой. Дмитрий так и сидел на земле, привалившись спиной к колесу, и видимо не понимал, что делать. Увидев его нерешительность, на помощь ему пришел Георгич: он взял оставшийся контейнер, поставил его на землю перед бойцом и сказал:

— Смотри, тут ничего сложного нет. Открываешь крышку — осторожно, не ошпарься! Мишаня у нас всегда доверху кипяток наливает, сколько ему не говори!

— Так если лицом торговать будете — весь кипяток в лапшу впитается, и будет не первое, а второе! — мгновенно отреагировал на шпильку в свой адрес тот. — Ты же в курсе:

раз в сутки — суп должен быть в желудке!

— Ну да. — как ни в чем не бывало продолжил Георгич. — Короче, Дима, аккуратно поднимаешь крышку, достаешь из пакетика ложку, перемешиваешь ей все это варево и спокойно ешь.

— А как это вы первое вилокй едите?

— Да Мишаня правильно сказал- чем дольше ждешь, тем меньше бульона остается. Впитывается он в макароны. Ладно, голод не тетка — сам разберешься! Приятного аппетита всем!

— Спасибо!

— Взаимно!

— И тебе!

— А может — рюмочку, под горячее? — как обычно внес рацпредложение Вадим.

— А давай!

— Можно!

— Под горячее да сам Бог велел! — сразу раздались в ответ повеселевшие голоса.

— И бойцу налейте! — вставил Георгич.

— Естественно!

Глава 6

— Ну что, парни, готовы, ничего не забыли? — наверное уже в сотый раз спросил Георгич.

— Да готовы, готовы. Не мандражируй!

— Значит так, повторю еще раз. Встаем в колонну, прыгаем с интервалом в одну секунду и сразу по приземлении отскакиваем как можно дальше в сторону. Первый и третий — вправо, второй и четвертый — влево! Все понятно?

— Куда уж понятней!

— Как рассказывал наш новый приятель — Серега вывалился у них почти под носом, значит телепортируемся, рассредотачиваемся и пытаемся их по-тихому захватить. Стрелять нельзя, все-таки это наши люди, плюс на шум могут другие сбежаться.

— А если пиздец — в тебя уже с мосинки целиться будут? Они же не знают, кто мы и что на уме у нас? Прикинь, сидишь себе на войне в засаде, немцев караулишь, а тут на тебя толпа с неба сваливается со спецэффектами? Я бы точно пальнул рефлекторно.

— На крайний случай — травмы приготовьте. Резиновой пулей не убьешь, только в лицо постарайтесь не попасть. В случае чего потом все объясним и извинимся!

— Народ, есть идея! — сказал доселе молчавший Миха. — Предлагаю взять буксировочный трос, привязать его к дереву и закинуть в портал. На случай, если придется быстро ноги делать — подбежал, подтянулся и исчез. Никто же не знает, что там. Может снегу по яйца намело — особо в экипировке не попрыгаешь!

— Хорошая идея, я поддерживаю! — одобрил Вадим. — Лех, будь другом, метнись до Уаза, там под водительским сиденьем новый трос лежит — девятитонник. Мне моя ненаглядная на день рождения подарила, еще не разу им не пользовался. Вот как раз и пригодится!

— Хорошо, Вадюх, я мигом! Без меня не уходите!

— Да куда ж мы без тебя то!

— Итак, парни, готовность пять минут. Перекуривайте, вспоминайте, все ли взяли. Завещание пишите. Шутка!

— Шутник, блин!

— Короче, повторяю. Прыгаем, разбегаемся, обезоруживаем бойцов, чтоб в спину не пальнули и по тропинке перемещаемся к землянке, где должен Серега быть. Убеждаемся что он жив и здоров, дальше по обстоятельствам. Если аборигены мирные будут, возможно пойдём на контакт, если злые — хватаем Серого, ноги в руки и в портал.

— А что значит мирные аборигены и контакт?

— Если они с Серегой пообщаться успели, то возможно они уже морально готовы к встрече людей из другой эпохи. Тогда с ними можно диалог завязывать.

— А если нет?

— Тогда переходим к плану «Б».

— Что за план?

— Быстро съебываемся.

— И что, больше не лезем в прошлое?

— Ну может попозже, в следующем году.

— Почему именно в следующем?

— Просто если время тут и там течет с одинаковой скоростью, то через год там линия фронта уйдет далеко на запад, и останется только разбитая колонна немцев, где можно будет спокойно полазить с приборами, не опасаясь местных, и поднять хороший хабар.

— Ну да. Хабар даже заржаветь не успеет! А вот и Леха идет! Давайте вяжите трос, и строимся в колонну! Я первый — прыгаю вправо, Миха за мной — влево, Вадик третий — тоже вправо, Леха замыкающий — соответственно влево! Все запомнили?

— Да.

— Лех, хорошо трос закрепил? Подергай! Не развяжется?

— Не развяжется. Я его через петлю пропустил!

— Отлично! Строимся. Напоминаю, интервал одна секунда, Миха и Леха — травмы на боевой взвод! Вадим, кидай трос! Все, пошли!

Серая ворона плавно спикировала на ветку, сложила крылья и огляделась. Низкие серые тучи, подобно грозным бомбардировщикам готовы были в любой момент обрушиться из своих бомболоков тонны снега на мартовский лес, но видно не найдя внизу подходящей и достойной внимания цели, презрительно уносились дальше на запад, подгоняемые потоками весеннего ветра. Ничем не нарушаемая тишина да благолепие раскинулись по лесу. Стройные зеленые ели своими макушками едва не задевая злые тучи, такими великанами-хранителями лесного порядка гордо возвышались над остальным подлеском, в котором в основном преобладали малина и орешник, с редкими вкраплениями белых березок. Занесенная снегом дорога, давно не видевшая гужевого транспорта и отвыкшая от скрипа тележных колес, плавно виляла между деревьев, по большой дуге огибая заметное болото, о присутствии которого зоркий глаз наблюдателя мог догадаться лишь по более редкой растительности и большему количеству больных и засохших деревьев. Сейчас болото скрывалось под толстыми сугробами, но в силу своей невидимости не становилось менее опасным. Люди старались не соваться в него без особой нужды, лишь крайне редко находились отчаянные головы, которые на свой страх и риск лезли в самое сердце бездонных топей, привлеченные богатыми россыпями черники и клюквы. В мирное время таких бесстрашных были единицы, а с приходом в эти края войны болото обезлюдело окончательно. Ворона огляделась по сторонам и прислушалась. Оглушительная лесная тишина изредка прерывалась звонкой барабанной дробью дятла, который в поисках пропитания перелетал с одного мертвого дерева на другое, кое где пробуя их своим острым клювом, да где то далеко грохотала артиллерия, закидывая по одной ей известным координатам смертоносный металл, равнодушный ко всему живому и имеющий только одну цель — окончить свою жизнь, измеряемую секундами полета, разорвав в клочья, превратив в тлен и пепел все то живое, которому не повезет встретиться с ним в точке рокового randevu.

Ворона, совсем было успокоившись, перелетела на ветку ниже, зацепившись взглядом за что то блестящее в снегу. Покрутив головой и расправив крылья, она сорвалась с ветки и спикировала вниз, к заинтересовавшему ее предмету, как вдруг в последний момент изменила траекторию и, хрипло каркнув, быстро набирая высоту и увеличивая скорость, унеслась в лес, ловко лавируя между деревьями.

То, что внесло корректировку в вороньи планы, являлось двумя людьми в форме Красной Армии, которые затаились под низкими присыпанными снегом еловыми ветками.

Рядовой Бондарь, проводив взглядом вороньи кульбиты, тихо произнес, обращаясь к своему напарнику на данный момент, бойцу Горелову:

— Ну что, Игорьь, как ты думаешь — куда Димка мог деться?

— Ох, Юрок, даже и в голову ничего не приходит. Следов нет, шума потасовки с кем-либо и стрельбы мы тоже не слышали. Как будто и взаправду на небеса вознесся.

— Ты что, серьезно веришь в эту ахинею? А вроде партийный!

— Не вроде, а с сорокового года в партии состою!

— Игорек, если что, меня тоже кандидатом в партию сержант представлял, пару месяцев назад, как отличника строевой подготовки!

— Комсомолец?

— Конечно! В ячейке нашей состоял! Предан делу Марксизма-Ленинизма!

— Хоть ты и кандидат, а все равно дурак-дураком!

— Чегой-то? Че-ты сразу ругаешься-то?

— Тогой-то! — передразнил молодую поросль поживший Горелов. — Ты хоть и кандидат в партию и сам сержант за тебя поручился, а все равно: дурак дураком!

— Товарищ Горелов! Охолони! Не посмотрю, что ты наш-советский! Речи баешь, аки шпион германский!

— Тпру-у! Остынь, отрок!

— Че ты?

— Да нихрена, и лука мешок! — тронул притороченный к солдатскому ремню трофейный клинок боец Горелов.

— Ты ножик то не лапай, дядька Игорь! А то...

— А то что?

— А вот и узнаешь!

— Ах ты ж щенок! — взревел боец Горелов, бросаясь на Юрка. — Да я тебя сейчас!

Юрий, отпрянув назад, вдруг застыл на месте, не обращая внимания на беснующегося Игора, и округлившись от изумления глазами смотрел куда то ему за спину. Тот, стараясь не купиться на древний как мир трюк, сжал кулак и размахнулся, желая проучить по мужски зарвавшегося юнца, при этом неотрывно смотря в глаза последнему. Именно там, в отражении глаз, не успев довести начатое до конца, он и увидел странную, фотографическую вспышку у себя за спиной. Ловким броском в сторону, выхватывая в прыжке нож, Горелов каким-то чудом извернулся, готовый встретить неведомую подкрадывающуюся с тыла опасность, но при всей быстроте и ловкости опоздал самую малость. Прямо перед его лицом, в каком то десятке сантиметров, Игорю в лоб немигающим взглядом опасной ядовитой змеи уставился черный зрачок пистолетного ствола. Картинка запечатлелась в мозгу бойца с неестественной четкостью, краем сознания он даже выделил мельчайшие царапинки и потертости воронения. Судорожно моргнув, он с трудом перевел взгляд с такой близкой и почти физически ощущаемой смерти на того, кто держал ее в руках. Незнакомец тридцати-сорока лет, в странного вида одежде, в расцветке которой преобладали оттенки зеленого, от светлых тонов до почти коричневых. Незнакомого покроя жилет, той же расцветки, со множеством карманов, под сумки на ремне, из одного из них наполовину выглядывала непонятная маленькая палка оранжевого цвета с черными иностранными буквами, с похожим на витой телефонный провод шнурком, один конец которого хитрым карабином крепился к непонятному предмету, а второй, заканчиваясь таким же карабином, цеплялся к поясному ремню. Человек не стрелял, непонятно почему медля. Краем глаза боец заметил второго человека, одетого в похожую одежду. В отличие от первого, второй был намного старше, лет пятидесяти пяти-шестидесяти, щеголял аккуратно подстриженными усами и в руках держал двуствольное ружье, стволы которого переводил с

Игоря на Юрца и обратно, не останавливая амплитуду ни на миг. Сверкнуло еще два раза, с интервалом в пару секунд, и перед ничем не понимающими бойцами Красной армии из ниоткуда появились еще двое. В руках у одного был пистолет неизвестной марки, который он тут же направил на бойцов, второй, повыше ростом и в интеллигентного вида очках, был вооружен карабином, модель которого Горелов опознать тоже не смог.

«— Все, нам крышка. — промелькнула в голове мысль. — Как же глупо так пропасть, ни за понюшку табака...». Вслух же Игорь мрачно произнес:

— Ну что же ты не стреляешь, сволочь фашистская? Наслаждаешься, гнида? Все равно мы победим! Наше дело правое!

— Ш-ш-ш! Тихо! — Усатый человек опустил двустволку. — Мы не немцы, успокойся!

— Убивать вас никто не собирается. — добавил высокий человек с карабином. — Нам нужен наш парень, мы точно знаем, что он здесь. Вы нас сейчас проводите к нему, мы убедимся, что он цел, потом пообщаемся. Поверьте, у нас много есть чего сказать.

— Да кто вы вообще такие? — пришел в себя Юрка. — Откуда на нашу голову свалились?

— Успеешь еще поудивляться. — Раскрыл рот первый парень с пистолетом. — Давай-ка лучше ружбайки свои аккуратно подними, и затворы из них вытащи и мне передай.

— И, парни, давайте без глупостей. Убивать мы вас не планируем, цель вам свою обозначили, но если спровоцируете или в героев захотите поиграть — планы могут резко поменяться, и весьма фатально для вас. — расставил точки над «ё» Георгич.

Глубоко вздохнув и покосившись на Горелова, Юрка ссутулившись стал выполнять приказание. Весь его вид, вся фигура словно кричали — «Я не сдаюсь, меня заставили!», но прикинув расклад, он отказался от мысли погеройствовать. «-Да и что я смогу против четверых с винтовкой, ну пусть даже двумя? — размышлял он. — Мы с Игорем в воронке, они наверху. Расстояние — смех один. Пискнуть даже не успею. Хотя может сержант прибежит на выстрелы, да только мне то уже это будет без разницы!»

С этими мрачными думами он подошел к краю воронки и протянул Михе два винтовочных затвора.

— Кидай по одному!

Вздохнув, под прицелами остальных стволов Юрка исполнил требуемое.

— Ножи, гранаты? Только без резких движений!

Еще раз горестно вздохнув, Юрка, стараясь не нервировать вооруженных людей, медленно отстегнул от пояса ножны, медленно достал из кармана ватника две «лимонки» и аккуратно кинул все это добро Михе под ноги.

— Отлично. Сядь на землю. Теперь ты! — стволы переместились на Игоря.

— И без глупостей!

— Да кто же вы такие, черти? — под ноги парням полетели еще две гранаты и немецкий штык в ножнах.

— Спокойно, не нервничай. Мы свое слово держим. Давай, ведите нас туда, где нашего друга держите!

— Добро. — мрачно выдохнул Игорь.

Сергея огляделся по сторонам. В блиндаже, где он очнулся, было довольно жарко. Тепло давала небольшая раскаленная до красна печка-буржуйка, в которой уютно потрескивали дрова. Печка представляла собой металлический цилиндр, стоящий на нескольких булыжниках, а на верхней самой горячей части стояли пара железных кружек да армейский котелок. Колено трубы выходило из печки сбоку, изгибалось хитрым углом вверх, где и терялось в полумраке и табачном дыму. Небольшая кучка дров, видимо наколотых совсем недавно, сушилась рядом на хорошо утоптанном земляном полу. Стены блиндажа представляли собой горизонтально расположенные еловые сляги, не очищенные от коры и заведенные за вертикально стоящие, вкопанные в утрамбованную вокруг них землю опять же еловые столбы. Обрубленные острым топором сучки выделялись светлыми пятнами, те из них, что находились в непосредственной близости от печки — потели каплями свежей смолы. Дверной проем на дальней стене, грубо сделанный из таких же бревен, в целях сохранения тепла был завешен куском плотного и даже на вид тяжелого брезента. Потолок представлял из себя те же необработанные бревна, толщиной с ногу взрослого человека. Изучив все это, Серега перевел взгляд на середину помещения, где, приспособив два армейских ящика, один — поменьше, под табуретку, второй — побольше, в качестве стола, сидел человек в накинутом на плечи зеленом ватнике, из под которого виднелась гимнастерка с какими то (Сергея не разглядел) знаками различия. На столе перед ним лежал пистолет-пулемет ППШ, несколько патронов и наполовину набитый дисковый магазин, еще парочка автоматов с отомкнутыми дисками и винтовка Мосина лежали на зеленом ящике у дальней стены слева от хозяина блиндажа. Человек крутил в пальцах самокрутку, увидев, что Серега открыл глаза, удовлетворенно кивнул сам себе и прикурил от стоящей тут же на столе чадающей лампы, которая представляла собой гильзу от пушки-сорокопятки, сплюсненную сверху по бокам для удержания куска ткани, выполняющего роль фитиля.

— Ну что, шпион, рассказывай. — бесцветным голосом произнес он. — Откуда ты к нам на голову свалился? С парашютом сиганул?

— Здрассти. Я- Серега. Мы с приятелями в лес в поход приехали, побухать и грибов пособирать. А вы кто? Кино что ли снимаете? Классный автомат! Это ППШ, да? А что он такой новый? Реплика китайская или страйкбольный?

— Заткнись! Вопросы здесь задаю я! И если мне не понравятся твои ответы, я сам! Понял? Самолично пушу тебя в расход из этого нового автомата! Понял?

— Да понял, понял, чего орать то?

— Повторяю вопрос. Кто ты, состав и вооружение группы, какие задачи перед вами поставлены. Отвечать, быстро! — рявкнул хозяин блиндажа, заметив что Серега с интересом осматривается по сторонам.

— Ох, е-мое... И зачем же так орать! Башка и так раскалывается. У вас ничего бухнуть не найдется? Видите ли, мы вчера по приезду так накидались, что котелок совсем не варит. — поспешил оправдаться Серега, увидев как багровеет лицо его собеседника. — Налейте рюмочку, тогда и поговорим внятно.

— Ты что, дурак совсем или притворяешься? — подскочил на месте человек в ватнике, стукнув кулаком по столу. От удара автомат подпрыгнул, патроны раскатились и несколько

шпук упало на пол. Человек рванул клапан висящей на поясе кобуры, выдернул оттуда револьвер Наган и выстрелил в потолок. Грохот выстрела отразился волнами от внутренних стенок многострадальной Серегиной черепашки, от чего он страдальчески поморщился.

— Ну ты дядь и садюга. Так даже фашисты в фильмах не пытали!

— Чего ты сказал, щенок? — бешено вытаращив глаза и брызгая пеной, не унимался хозяин блиндажа. — Да я тебя сейчас..

На улице раздался топот, кусок брезента отдернулся в сторону, и в землянку заскочили два бойца в таких же ватниках, валенках и ушанках. В руках у одного была винтовка, другой держал наизготовку карабин Мосина.

— Товарищ сержант, все нормально? — переводя дух, громко спросил тот, что держал в руках карабин. — Мы слышали выстрел!

— Да нормально все. Ваша помощь не требуется, если понадобится — кликну. Все, свободны! Ну что еще? — спросил сержант, заметив что бойцы не торопятся выполнять приказ.

— Есть! — гаркнули бойцы вразнобой и быстро скрылись за брезентовой завесой.

— Возвращаемся к нашим баранам. — переведя дух, более-менее спокойным голосом произнес сержант Величко. — Я видел твои документы, скажу честно, фрицы так грубо никогда еще не работали. Дата рождения -1980 год? Шнапса там что ли перепили? Обычно на переднем крае к нам попадают «с плена бежавшие», из «окружения вышедшие» и прочие прихвостни. Мы их всех конечно, с объятями принимаем, но передаем куда следует. Но таких хитровыебанных я впервые вижу.

— Мужчина! — поморщился Серега. — Че ты мне тут исполняешь? Какие нахер фашисты? Тебе чего, реконструкция мозг сломала? Давай мозг мне не еби, и из пукалки своей не шмаляй в потолок, и ряженных своих отзови. Не будь мне так херовато с перепоя, я бы с тобой по-существу побеседовал.

— Ах тыж, прихвостень! Сучара нацисткая, побеседует, блядь, он! Горелов!!

— Да, товарищ сержант! — спустя десяток секунд раздался топот за дверью и в помещение вломился названный выше боец.

— Научи-ка нашего гостя незваного правильным манерам, а то его похоже второпях собирали в путь-дорожку, вежливость к хозяевам забыли в котомку положить!

— Это мы сможем, товарищ сержант, это мы запросто! — недобро поглядывая на Серегу, отложил винтовку в сторону и размял кулаки, щелкнув костяшками рядовой Горелов.

— Ну что, ганс, хочешь узнать советское гостеприимство? — скинув ватник и отбросив его в угол к карабину и оставшись в выцветшей гимнастерке, грозно щуря глаза и приближаясь к Сереге, утробным басом спросил он. — Сейчас мы тебе покажем и «яйки, и млеко» и весь суповой набор! Да так покажем, что забудешь, за каким хером тебя к нам занесло!

— Рядовой Горелов!

— Я!

— Шибко не усердствуй, а то я тебя знаю! Гостя нашего еще надо в относительно живом виде как то в штаб предоставить! Жопой чувствую, много интересного он нашим старшим товарищам поведать сможет! Так что смотри у меня! Мне не нужно, как в тот раз-когда немчик тот после твоих бесед кровушкой своей же захлебнулся! — погрозил кулаком сержант.

— Не изволь сомневаться, товарищ сержант! Не первого гада учу правду-матку

расчехлять, и дай Бог, и не последнего!

— Добренько, Горелов! Действуй!

— Эй-э-эй! Стопэ!!! — воскликнул Серега, наблюдая за нездоровой активностью противника. — Вы че, боярышника передознулись? Какие нахер немцы? Ты, который старшой- хорош прикалываться! Вы в самом деле киношку снимаете или пранк какой затеваете? Для даунов повторяю! Мы с парнями в поход выбрались, на коп и побухать заодно! ВОПы находим — не трогаем! Тротил не плавим- стремно! Если находим говно какое взрывоопасное- либо закапываем глубже, либо в болоте топим, чтоб никто не нашел! Стволы не ищем, цветмет только собираем и сдаем — гильзач там всякий, от винтовок и пушек, пояски медные от снарядов! Если кости бойца какого найдем- собираем в пакет и перезахораниваем, крестик ставим, в небо пальнем из травмата типа салюта, стопку выпьем за упокой и адью! Ну на всякий случай точку в память навигатора записываем! Если вдруг кто когда медальон смертный найдет- у нас в команде Дядик-Вадик есть, он майор Росгвардии действующий, мы ему их отдаем, и он через свои лаборатории пытается расшифровать! В том году из пятнадцати медальонов только двоих прочли — остальные незаполненные! Типа у бойцов плохая примета была медальон заполнять- убьют сразу, по поверью!

— Рядовой Горелов! Ты что-нибудь понял из этого словесного поноса?

— Никак нет, товарищ сержант! Разрешите разговорить гансика?

— Постой. Дай-ка подумаю...Отставить! Возвращайтесь с Юркой на пост, понадобится — позову. Выполнять!

— Есть!

— Слышь, ты, как тебя- Сергей? Ну ка поподробней, и с самого начала! Как говорится — родился, учился, женился... И не ври мне, а то Горелова позову. Он мастер языки развязывать, не смотри что с виду тупой- у него немцы всю семью бомбой накрыли, и у него к вам отдельный счет!

— К кому это к вам?

— К вам, тварям западным! Вы чего на нашей земле забыли, суки? — вновь стал распалаться сержант.

— Блядь! — начал злиться Серега. — Для тупеньких русским по белому повторяю! Мы копатели, иногда собираемся, ищем старые карты в Интернете, изучаем их, ищем информацию в архивах, собираемся, едем, бухаем-копаем! Отдых совмещаем с патриотической деятельностью!

— Предположим, я поверил в какую то долю твоих сказок. — закрыл глаза и потер лоб сержант Величко. — в долю, потому что часть твоих слов я просто не понимаю! Интернет, росгвардия...Может, все действительно проще, ты- шпион или перебежчик, рядовой Горелов сейчас сломает тебе челюсть и ребра, ты подпишешь что я напишу и мы со спокойной душой шлепнем тебя за деревом, бросим в канаву и забудем все это как ежедневную обыденность?

— Дядь, я конечно понимаю, что у реконструкторов свои тараканы в голове, но все же — пойми! Мы вчера с парнями ехали пол- дня, потом так нажрались по приезду, что полный пипец, потом я поссать пошел среди ночи и куда-то провалился, башкой ударился, а потом ты тут такой весь из себя красавец в форме и в потолок пуляешь! Давай, мозг мне не еби, а рюмочку налей лучше!

Сержант Величко задумчиво посмотрел на Серегу, что то прикинул в голове, и решился.

— Предположим, я тебе поверил... Это выглядит и звучит, конечно, по меньшей мере глупо... Ну-ка, повернись! — взведя курок Нагана и положив его в непосредственной близости на столе, сказал он. Быстрыми движениями распутал винтовочный ремень, которым до сих пор были связаны Серегины руки за его спиной, и оттолкнул его от себя.

— Вот так бы сразу! — растер занемевшие запястья Серега. — А то стволами грозитя... Мне похуй на твой антиквариат, я девяностые пережил, и жив остался!

— Сядь, и не рыпайся! — подошел к столу сержант, достал фляжку, ловко свинтил крышку и разлил содержимое в две металлические кружки, которые он достал неуловимым движением откуда то снизу.

— Чокаться не будем. — предупредил он. — Ты мне еще в доверие не вошел! Пей давай, лечись. Разговор у нас будет серьезный и долгий. Я спрашиваю — ты отвечаешь. И запомни, если мне что то не понравится или я хоть на секунду заподозрю, что ты мне ваньку валяешь — ты тут же выходишь у меня из доверия и дальше общаешься только с рядовым Гореловым, который по своему складу ума шуток совсем не понимает. Все понял?

— Понял, не дурак. Дурак бы не понял! — скаламбурил Серега.

— Тогда пей!

— Ну, вздрогнем! Ух! Дай запить! Что это за отрава???

— Ну да, хилый фриц нынче пошел... — усмехнулся сержант. — Спирт это! На-кось, зажуй! — протянул он на кончике ножа выковырянный из банки кусок тушенки. — Что, шнапс ваш в подметки не годится нашему спиртику? Все? Выпил? А теперь давай, как на духу- рассказывай!

— Что, дядь, тебя интересует?

— Все, блядь, как на духу! Как родился, учился, женился, в партии какой состоишь!

— В партии?

— Рассказывай!

— Ну, блин... Родился в восьмидесятом году, восьмого июля, в Красноармейске, в Пушкинском районе Подмосковья, школу закончил девять классов, потом в технаре отучился, сейчас его в колледж переименовали, имею диплом аудитора-бухгалтера, жена Юлька на пару лет меня младше, работает в детском садике воспитательницей младшей группы, детей двое. Работаю на оптовом складе, комплектовщиком, с парнягами на коп выезжаю по войне пару раз за сезон, а так по старине копаю по округе по выходным иногда. Ну что еще? — поднял он глаза на ошалевшего сержанта. — Налей лучше еще рюмочку, а то что то маловато!

— Какой сегодня год, месяц, день — быстро! — рявкнул сержант Величко. — Отвечать быстро, не размышлять!

— Ой, опять — двадцать пять! — поморщился Серега. — Просил же не орать! Твое бухло хоть и крепкое, да лечит не сразу! Пятнадцатое сентября две тысячи двадцатого года. Эй, чувак, тебе чего, хреново? Водички ебани и поблюй!

— То есть ты хочешь сказать, что явился из будущего?

— Какого нахер будущего? Мы с пацанами копать приехали. Костян место загуглил, типа здесь в марте сорок второго колонну гансов захреначили, вот мы и приехали посмотреть, может чего из артефактов нароем. Место то глухое!

— Так, давай по порядку. Ты родился в восьмидесятом году — так?

— Да.

— В армии был?

— По чесноку? Нет, откосил. Ну вернее забыли обо мне.

— Как это?

— Ну там тогда вторая Чеченская вроде была, и кто то в городе архив военкомата спалил, типа что бы на войну не идти. Ну и три наших класса- «А, Б, и В» военкомат потерял.

— Вторая Чеченская? Что за бред ты несешь? А первая где?

— Ты что, с луны свалился или угораешь с меня? Ты по возрасту походу такой же как я — ровесник мне! Тебя как звать то вообще? Надо же за знакомство выпить!

— Сержант Величко.

— Величко, это как я понимаю- фамилия. А что за имя такое- Сержант? Тебя что, так мама назвала? Или это погоняло твое?

— Алексей.

— А, ну вот, понятно! Лех, давай еще по пять капель, за знакомство, и в школу не пойдем!

— В школу?

— Да ты че такой темный то вообще, Леха? Вы же реконструкторы, должны типа историю хорошо знать, что бы там всякие баталии поминутно разыгрывать, а ты типа в потолок разок шмальнул и быдланом меня каким то постоянно пугаешь. Бред какой то. Наливай, а то уйду!

Сергеа встал с ящика, и пользуясь замешательством сержанта, сам по хозяйски разлил по кружкам спирт из фляжки.

— Ну че, Лех, вздрогнем? — подмигнул он сержанту. — Ты че то с лица взбледнул. Давай, закусывай, а то парни мои придут, с ними еще бухать придется. А там Пашка-Пахан, так он вообще лютый, если его не перепьешь или свалишься раньше или слабинку покажешь- уважать не будет!

— Пиздец... — Выдохнул, выпив как воду спирт из кружки и не поморщившись, сержант Величко. — я, конечно, должен был тебя отправить в штаб к особистам или на худой конец расстрелять..

— На худой конец? — поднял бровь Сергеа.

— Да, именно так. Но что то меня останавливает. Какой, говоришь, сейчас год?

— Двадцатый.

— Тысяча девятьсот или две тысячи?

— Лех, закусывать надо! Две тысячи двадцатый год, пятнадцатое сентября! У тебя чего, мобила под время сети сама не подстраивается? Так поставь галочку в настройках!

— Встань, подойди к выходу и выгляни наружу. Только без резких движений. — Сержант Величко взял в руки наган и крутанул барабан. — Выглянул? Что видишь?

— Снега полно. Что за дела?

— Похоже на пятнадцатое сентября? Кажется, кто то из нас пиздит. — Со вздохом сержант отложил револьвер в сторону. — Сядь на место. Будем дальше отпираться или я наконец правду услышу?

Погрустневший и притихший Сергеа покорно вернулся к своему месту, похлопал себя по карманам и спросил.

— Дядь, дай сигаретку. Свои походу где то в лесу просрал.

— Держи. — Вытащил сержант откуда то из под стола Серегину пачку Лаки Страйк. — Ого, буржуйские! Ты чей такой будешь? Американский шпион?

— Да какие нахрен буржуйские! Какой шпион! За базаром следи! Ты пачку внимательно изучи! В Питере их делают, по лицензии! Там кстати внизу и год выпуска должен стоять, и цена!

— В каком еще Питере? У нас в СССР нет города с таким названием, есть только славный город Ленинград.

— Стою на асфальте, в лыжи обутой, то ли лыжи не едут, то ли я .....Так Ленинград сто лет в обед как назад в Санкт-Петербург переименовали! Когда Меченый перестройку просрал, так в сентябре девяносто первого и вернули городу его историческое название! В одна тысяча девятьсот девяносто первом году. — добавил Серега ясности, увидев непонимающие глаза собеседника. — Шестого сентября, если уж совсем у тебя с памятью плохо. — добил сержанта он.

Величко посмотрел на Серегу странным взглядом, разлил остатки спирта из фляжки по кружкам, и не чокаясь выпил залпом свою. Взгляд его увлажнился, он быстрым движением колупнул ножом из банки кусочек тушенки и закинул его себе в рот. Прожевав, он медленно и с расстановкой произнес:

— Сегодня с утра было двадцать второе марта, сорок второго года. Одна тысяча девятьсот. — усмехнулся он, наблюдая за реакцией собеседника.

— Ух ты! Это что же получается? Я в прошлое попал? Как в фильмах про попаданцев?

— Не знаю, кто такие «в попу-данцы», но ты похоже в глубокой жопе оказался. Рассказывай давай, может и на что пригодишься со знаниями своими. Ну а если опять сказочки начнешь заливать- не обессуди. — кивнул сержант на Наган.

— Давай, короче внятно рассказывай. Как говорится, с чувством, с толком, с расстановкой. — продолжил он. — То, что ты не казачок засланный или диверсант — я уже почти поверил, хотя червячок сомнения все еще остался. Давай, колись — кто ты, что ты?

— Леха, да ты задолбал уже со своими реконструкторскими шуточками!

— Знаешь, почему я на все сто процентов не могу тебе доверять?

— Ха, удиви!

— Вот именно! Ты не слишком то и удивляешься! Сам говоришь — сентябрь на дворе, я тебе снег показываю, а тебе хоть бы хны! Как объяснишь это?

— Да мне вообще глубоко по барабану, что там на улице творится! Главное здесь-тепло, светло и мухи не кусают! Да плюс хорошая компания! Ты же хорошая компания, Леха? — пьяно икнул Серега.

— Предположим. Хотя это и не ответ. Ты мне тут прекращай Ваньку валять! — грозно прикрикнул сержант.

— Да никого я не валяю... ик... Сейчас сам свалюсь... Есть там чего еще во фляжке?

— Да какой тебе еще во фляжке??? Ты итак уже лыка не вяжешь! Блин, свалился не пойми кто на мою голову!

— А чего мы в тишине сидим? Ик. Может музыку послушаем? Доставай мобилу, ща тебе такое поставлю... ик... че ты на меня так уставился? А, понял... ик... Ты ж реконструктор, как тебя там. Леха. ик... тебе типа не положено...ик...должен соответствовать... Ща, не парься, свою найду... ик... у меня там много музона было закачено... И патриотические всякие...Да где, блин, она?...ик...Просрал где то... Глянь, может валяется где? Самсунг, ик...как его, ёбт. гэлэкси. Поищи, а то мне жена может... ик... позвонить, опиздюлит и с пацанами больше. ик... на коп не отпустит..

Сержант, очумело глядя на Серегу и уже потихоньку начиная сомневаться в его (да и в

своих тоже) умственных способностях, встал из-за импровизированного стола, не забыв прихватить лежащий на нем револьвер, и в два шага преодолел разделяющее его расстояние до брезентовой двери. Отдернул угол и не переставая коситься на потихоньку сползающего по стенке под действием алкогольной гравитации Серегу, негромко крикнул:

— Горелов! Рядовой Горелов, мать твою! — краем глаза он успел заметить, как Серега, окончательно потеряв точку опоры, безвольным кулем растянулся на полу возле ящиков и громко захрапел, пуская нитку слюны по подбородку и отравляя лютым перегаром воздушное пространство блиндажа.

— Да что ж такое! — недовольно сплюнул сержант. — Уже похоже до места дошел с Бондарем! И кричать особо нельзя- немцы недалече, и за ними не пойдешь — не оставлю же я одного гостя непонятного? Рядовой Попков!

— Да, товарищ сержант! — метрах в десяти откинулась брезентовая дверь похожего замаскированного блиндажа.

— Горелов с Бондарем где?

— На пост заступили, согласно вашему приказанию.

— Добро. Как тут, тихо? Не слышно ничего?

— Никак нет!

— Ясно. Ты это, прогуляйся с Винокуровым до секрета, потихоньку, проверь, что там да как. Что то у меня чувство какое то тревожное... А где Романов и Семенов?

— Так в роту ушли, за харчами. Подъели мы уже запасы наши. Да и новости может какие принесут. Мы же тут уже почитай неделю сидим, без этой, как ее... слово такое научное, ротный наш, капитан Смирнов говорил, типа замены..

— Ротации?

— Во-во, ротации!

— Ясно. И вот еще что. — понизив голос и оглянувшись по сторонам, сказал сержант. — Пойдете по тропке, под ноги внимательно поглядывайте.

— А что такое?

— Да гость наш, какую то важную штуку обронил, пока вы его ко мне тащили.

— А что за штука то?

— Какой-то или какая-то самсунг гэлэкси — не знаю что это такое, да и вам вникать не положено!

— Да на что хоть похоже то?

— Не в курсе. Короче, найдете чего непонятное — сразу ко мне тащите. Только осторожно, не сломайте. Вроде очень важная штука, что то на вроде радиостанции.

— А кто он хоть такой, коль радиостанциями разбрасывается? Шпион, поди?

— А этого, рядовой Попков, тебе знать по чину не положено! — строго взглянул на собеседника сержант. — Ноги в руки, и марш приказ выполнять!

— Есть!

Вернувшись в блиндаж со свежего воздуха, сержант покосился на валяющегося на полу и блаженно похрапывающего Серегу, недовольно поморщился ядренному перегару, царившему внутри. «Хоть закусывай» — пронеслась мысль. Подошел к столу, взял паспорт, и приблизившись поближе к горячей коптилке, еще раз вдумчиво пролистал его, внимательно вчитываясь в напечатанные строки. Сличил фотографию с лицом спящего, взгляделся в штампы и печати, сокрушенно покачал головой.

— На трезвую голову точно не разберешься! — пробубнил он себе под нос. Бережно

отложил паспорт и взяв в руки фляжку, аккуратно побултыхал ее возле уха. Движение жидкости внутри сосуда показало, что там есть еще чем поживиться, чем сразу и с воодушевлением воспользовался сержант. Вылив остатки спирта, грамм сто, в железную кружку, залпом выпил и занюхал горбушкой хлеба, лежащей на краю стола. Есть не хотелось совершенно, и он решил последовать великому завету царя Петра первого — закусить дымом. Взял Серегину пачку сигарет, покрутил в руках, с интересом разглядывая устрашающую картинку, аккуратно приоткрыл и с наслаждением понюхал. Вытащил сигарету, подивившись желтому фильтру, сунул в рот и прикурил от горячей лампы. С удовольствием затянулся, затаил дыхание, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, и медленно выдохнул облако дыма в сторону брезентовой двери.

— А слабоват буржуйский табачок против нашей махорки!

Внезапно, какая то суета в виде быстрых шагов и приглушенных голосов за пологом привлекла внимание сержанта. Подумав, что бойцы согласно его приказанию умудрились найти в сугробах неведомую «мобилу» и подивившись скорости исполнения приказа, он не выходя на улицу крикнул:

— Что, нашли? Заносите!

Угол брезента откинулся и в помещение залетел небольшой зеленый яйцеобразный предмет, за которым инверсионным следом летящего в стратосфере самолета тянулся тонкой струйкой сизоватый дымок. «Граната!!» — молнией мелькнула мысль в голове у сержанта, а тренированное тело, на одних только вбитых в подкорку рефлексах уже немислимым пируэтом ловко по-кошачьи извернувшись в воздухе, летело за единственную защиту в этом блиндаже — зеленые армейские ящики. Величко, сгруппировавшись упал за ними, закрыл голову руками и открыл рот, дабы минимизировать последствия баротравмы в замкнутом пространстве. Хлопок разрыва гранаты показался каким то несерьезным, помещение заволкло дымом и почему то белой, похожей на муку взвесью. С потолка из щелей между неплотно пригнанными бревнами тонкими струйками сыпалась земля, щедро разбавленная мелкими камушками и еловыми иголками. Ящики, за которыми он спасался от неминуемых в такой ситуации осколков, почему то остались на месте и даже не выглядели особо потрепанными. Сержант выждал пару секунд, пытаясь сквозь звон в ушах расслышать хоть что-либо происходящее за дверью, будь то лающие звуки немецких команд, или стрекот родных ППШ и хлесткие, как удар кнута, выстрелы «Мосинок». Ничего подобного на улице не происходило. Быстрым перекатом, уходя в сторону, с линии возможной атаки и не дожидаясь в гости еще одного «гостинца», сержант выхватил Наган и метнулся в сторону выхода, как вдруг брезент откинулся в сторону резким рывком и в помещение влетели двое незнакомых парней в странного покроя зеленой одежде и пистолетами в руках, которые они, мгновенно сориентировавшись, направили Величко в лицо.

— Тихо-тихо-тихо, боец! Брось Наган! — сказал один. Второй, не отводя пистолета от сержанта, быстро огляделся и метнулся к Сереге.

— Есть! Живой! — недоуменно принялся и, с непередаваемой интонацией в голосе, в которой чудесным образом сплелись обида, зависть и восхищение, добавил. — Да он в говно! Пьянее спирта! — мазнул взглядом по знакам различия Величко, подошел ближе и спросил, отбирая револьвер:

— Сержант! Он в таком состоянии здесь появился или ты его до кондиции довел?

— И был уже, и я еще... А вы кто такие будете? Диверсанты?

— О, новая формулировка прозвучала! — из-за частично оторванного брезента прозвучал новый голос и в блиндаж ввалился Георгич с двустволкой наперевес. — А то все шпионы-шпионы! Вадик, посторожи пока бойцов снаружи, мы сейчас товарища успокоим, а то он немного нервничает. Попозже позовем!

— Хорошо! — ответил невидимый из блиндажа человек снаружи.

— Ты, мил-человек, сам то еще не догадываешься, кто мы?

— Есть кое-какие догадки, но не хочу пока озвучивать, что бы дураком не выглядеть. — поняв, что в планах незваных гостей пока нет стрельбы на поражение, немного осмелел Величко.

— Опаньки, а вот и Серега здесь! Мужик, колись: не обижал нашего Серегу?

— Такого попробуй обидь! Думаю, он сам кого хочешь обидит!

— Правильно думаешь. О чем хоть вы с ним беседовали? Или просто водку жрали?

— Спирт.

— Что- спирт?

— Нет, говорю водки у меня. Спирт только. Его и потребляли с дружкой вашим. — мрачно поправил собеседника сержант. — Кто вы? Немцы, диверсанты, дезертиры? Что вам надо? Где мои бойцы?

— Какой говорливый дядя! — усмехнулся Миха. — Ты с Серегой о чем разговаривал? Ни в жизнь не поверю, что о бабах! Вон. — Кивнул он на стол, на котором до сих пор лежал Серегин паспорт, слегка припорошенный просыпавшейся с потолка землей. — Ксива Серегина лежит. Стопудово, ты уже нос свой любопытный в нее засунул, и если ты не совсем по пояс деревянный, а на такого ты вроде не смахиваешь, то должен был обратить внимание на даты рождения Серегина, свадьбы его, да даже дату выдачи паспорта. Обратил же внимание? По глазам вижу, обратил.

— Дружище! — вмешался в разговор Леха. Он уже осмотрел Серегу, и поняв, что тому не грозит ничего страшней жесточайшего похмелья, охотно присоединился к разговору. — Насколько мы поняли, на дворе у вас- повторяю: у ВАС — одна тысяча девятьсот сорок второй год, а у нас сегодня две тысячи двадцатый. В какой то мере мы являемся вашими далекими потомками. Вот он. — кивок в сторону блаженно пускающего пьяные сопля Серегу. — каким то образом нашел порталв ваше время. Пока мы его искали и разбирались что почем, из портала вывалился некий Дмитрий Коновалов. Да все с ним в порядке, жив- здоров твой боец! С другой нашим, Пашкой, водку пьянствует в будущем! — упреждая стоящий в глазах сержанта вопрос, поспешно добавил Леха.

— Кстати, остальные тоже в порядке. — сказал Георгиц, закидывая двустволку на плечо. — Как их там зовут, Мишань, напомним-ка?

— Бойцы Горелов, Попков, Бондарь и Винокуров.

— Точно! Ну и память у тебя! — восхитился Георгиц. — Эй, бойцы! — повысил голос он. — Все слышали? Отзовитесь! Боец Горелов!

— Я!

— Попков?

— Здесь!

— Бондарь?

— Живой!

— Винокуров!

— В порядке!

— Ну что, сержант, убедился? Мы мирные люди, шли мимо, зашли в гости!

— Ага, в гости! Гости гранатами в хозяев не бросаются!

— Гранатами? А, ты об этом? Так мы же не знали, что ты нас ждешь, а вдруг за ствол хвататься начал бы, поранил бы кого? Вот и пришлось тебе страйкбольную меловуху закинуть. Мишаня их постоянно на коп таскает, растяжки в ночи ставит, чтоб никто незванный в лагерь не приперся. Ну вот одна и пригодилась в кои-то веки! Да ты сам убедись! — Георгиц нагнулся и поднял с утопанного пола мятый кусочек зеленого пластика, испачканный белым порошком. — Вот что от нее осталось. У нас любят отдохнуть, в страйкбол поиграть. Это, типа Зарницы по вашему, только оружие с виду как настоящее, а стреляет пластиковыми пулями размером с горошину. — увидев непонимание в глазах Величко, вздохнул и пустился в объяснения. — Вот, видишь- зеленое? Это пластик. Плексиглас, оргстекло слышал? Ну вот что то вроде этого. Бьют не больно, но чувствительно. И гранаты делают из него, только с очень тонкими стенками, а для веса забивают толченым мелом. Кольцо рвешь как на настоящей, задержка такая же, а в итоге-

громкий бабах и облако белой пыли. Да чего я объясняю! Ты же на себе ощутил всю эту прелесть. — позволил себе улыбнуться Георгич.

— Шутка юмора? — понимающе ухмыльнулся сержант. — У нас таких шутников, в моей деревне. — подчеркнул он. — На вилы сажали. Без долгого соплежуйства!

— Остынь, деревня! — встрял Миха. — Попытаюсь объяснить без соплей и прочих выделений. Смотри сюда: ты на войне, Родину защищаешь, бойцы под твоим началом — так?

— Допустим.

— Допускаю. Ты за них в ответе, как старшой, перед их мамкой, папкой, ротным и товарищем Сталиным — так?

— Ты тут мне давай только товарища Сталина не тронь!! — взвился сержант.

— Тпру! Остыть, служивый! — положил ему руку на плечо Георгич. — Никто из нас на святое не посягает! Мишаня просто общий пример привел, для понимания! Верно, Мишань?

— Да, Андрей Георгиевич, ты прав, как всегда. И в мыслях не было, кого либо обидеть. Сержант — без обид? Товарища Сталина и у нас ценят, спустя восемьдесят лет отсюда! Я к чему? На войне, на любой- первая цель — уцелеть, не так ли? И насколько я твою психологию понимаю — сидишь ты в лесу дремучем, на краю болота, и тут к тебе в гости заваливается хрен пойми кто. Твои действия? Можешь промолчать, за тебя скажу! Я бы сначала ебанул бы из подручного калибра на поражение, а потом бы фамилию спросил! Сержант, прав я?

— Не поспоришь..

— А и не надо! Поэтому прими как есть- кинули тебе шутиху, чтоб ты шмалять не начал, а как в себя пришел да и как мозги на место встали- мы уже тут, разговоры разговариваем, и без кровопролития! Кстати, служба! С тебя стакан!

— С хуяли? — окрысился Величко.

— А с того, что боевой фрукт тебе под дверь не закатали! — Вытащил из разгрузки и продемонстрировал конфискованную у красноармейцев гранату Миха.

— Да не закатали бы!

— С чего уверенность такая?

— Так дружок ваш в этом блиндаже со мной был! Его бы тоже зацепило бы!

— Не зацепило бы. Мы- фаталисты!

— Фашисты?

— Глухой, что ли? Фаталисты!

— А кто это?

— А это те, кому на все похуй. С тебя стакан, деревня!

— Сержант, поверь нам. Мы не из вашего времени, но очень много знаем о нем! У нас нет цели причинять вам зло — это может аукнуться по нам самим. В будущем.

— Это каким же макарон?

— Бля... Представь себе: я правнук твоего бойца, например этого вашего самого борзого, как его? А — Горелова! Представил?

— Смутно.

— А тебе нахрен не надо подробно. А представь дальше: я сейчас возьму твой наган и ему башку прострелю. Что будет?

— Будет убитый Горелов. А ты каким боком?

— Ты совсем дебил? Если я завалю своего предка за пол-века до собственного

рождения, что со мной будет?

— Хм... Не родишься?

— Уразумел таки, деревня! Именно! Поэтому мы вам гранаты меловые кидаем и на мушку травматов берем!

— На мушку чего?

— Вадим! Сейчас шумно будет — не кипишуй! В стенку из жвачкомета надо бахнуть, для демонстрации! И друзья твои новоявленные пусть не боятся, мы старшего их обижать не собираемся!

— Принял!

— Лех, продемонстрируй пару раз, пожалуйста, в столб и в пол.

— Нахрена такие сложности?

— Пробиваемость пули хочу показать, чтоб глупые вопросы больше ни у кого не возникали!

Бах! Бах!

— Сержант, голос подай, что с тобой все в порядке!

— Да живой я, живой!

— Гляди сюда! Этот пистолет из нашего времени, такое оружие можно свободно гражданским покупать.

— Загнул ты, Георгич! Ха! Свободно!

— Не, ну есть конечно некоторые сложности — справки там от нарколога, от психиатра, медкомиссию пройти необходимо. Смысл в другом. Пистолет этот называется ООП — не конкретно этот, а весь тип этого оружия. Это аббревиатура — расшифровывается как Оружие Огнестрельное Ограниченного Поражения, или по-простому — травмат. Пуля там резиновая, сейчас покажу, как выглядит. — Георгич вытащил из кармана перочинный нож, разложил лезвие и принялся ковыряться в микроскопической воронке, образовавшейся в земляном полу после Лехинового выстрела.

— Где же ты, зараза... А, вот она! — вытащил из земли деформировавшийся от удара черный шарик, обдул его от прилипших комочков земли и положил в протянутую руку сержанта.

— Вот такими пулями этот пистолет и стреляет. Его задача не убить или ранить, а причинить довольно сильную боль. Если конечно в глаз или в висок в упор не стрелять. Таких боеприпасов в вашем времени нет. Вот кстати как гильза выглядит. — поднял он с земли блестящий цилиндр. — Как тебе доказательство, сержант?

— Любопытно. — ответил тот, подбрасывая на ладони резиновый шарик. — А из чего он сделан, легкий такой?

— Литая резина с металлической пылью. — ответил за Георгича молчавший до этого момента Миха.

— Интересно. И зачем вы мне все это показываете? Кто вы и что вам надо? Как сюда попали?

— Показываем, что бы ты понял — мы не враги тебе. Кто мы? В двух словах — обычные люди, семейные, рабочие. Объединяет нас одно — мы туристы, которые иногда собираются вместе и едут компанией в глухие места нашей Родины, по местам боевых действий. Такое у нас общее увлечение — металлокоп называется.

— У вас же миноискатели применяются? — спросил у сержанта Леха.

— У нас, конкретно, нет — мы пехота, а вот у саперов да, что-то я такое слышал. Мины

ищут с его помощью. По-моему, он как то металл видит и передает сигнал в наушники.

— Да, принцип верен. В наше время много контор занимается их производством. В отличии от миноискателя, который, исходя из названия ищет только мины — стальные объекты определенного размера и массы, нынешние еще умеют отличать металлы — черные звучат одним звуком, цветные, как например медь, латунь или бронза — другим. Мы ходим с ними, металл копаем. Иногда находим непогребенных бойцов, пытаемся их опознать, данные передаем в военкомат.

— Как это непогребенных?

— Дружище! Война кончилась порядка восьмидесяти лет назад, но до сих пор постоянно поисковые отряды находят пропавших без вести. Кого в окопе присыпало и для родных он пропал без вести, кто в болоте остался, кого в кюветы разорвало. Наши металлодетекторы иногда помогают их найти. Идешь, например, по лесу, сигнал какой то слабый в наушниках. Начинаешь копать — пуговичка или монетка, возможно звездочка с пилотки. И начинаешь все вокруг перекапывать, грунт просеивать.

— Война, говоришь, закончилась? И кто победил?

— Мы победили. Германия подписала капитуляцию девятого мая сорок пятого года. С тех пор каждый год вся страна с размахом отмечает День Победы.

— Долго же нам до победы еще.

— Долго. Главное не забывать о том, что война идет именно сейчас и немцы недалеко. Поэтому, если мы достигли взаимопонимания, предлагаю пару бойцов вернуть назад на пост, а остальных с нашим другом пригласить сюда, чтоб не мерзли и если какие вопросы — дважды не пересказывать. Ты как? — протянул сержанту руку Георгич.

— Да слишком много вводных для понимания ситуации. — пожал протянутую руку сержант Величко. — Но ты прав. Горелов, Попков!

— Да, товарищ сержант? — послышалось с улицы.

— Возвращайтесь на пост. Бондарь и Винокуров — ко мне.

— Товарищ сержант! — послышался голос Попкова.

— Чего тебе?

— А как же мы на пост без оружия?

— А где оно?

— Так разоружили нас! Винтовке на посту лежат, а затворы от них и гранаты этот длинный отобрал!

— Отдайте моим людям, то что они просят. Мы же доверяем друг другу? — уперся строгим взглядом прямо в глаза Георгичу сержант.

— Вполне, я думаю. Вадим!

— Да?

— Двое сейчас на пост возвращаются, отдай им трофеи, а оставшиеся и ты сам к нам заходите.

— Хорошо. Эй, бойцы, получите и распишитесь!

— А где и чем расписываться надо?

— Нигде не надо. Шутка юмора такая! Кругом шагом марш!

Распахнулся брезент, и в палатку, виновато пряча глаза и стараясь не смотреть на сержанта, друг за другом зашли два бойца, за ними, весело поблескивая очками, протиснулся Вадим. Закинув карабин за спину и оглядевшись по сторонам, он заметил спящего Серегу, которого не разбудили ни взрыв меловой гранаты, ни демонстрация стрельбы из

травматического пистолета, и ничуть не удивившись, сказал:

— Ничего не меняется. Серега если нажрался, то все: тушите свет. Хоть война, хоть потоп, ему пох. Главное что живой.

Увидев сержанта, подошел поближе.

— Ты, что ли командир тутошний? — протянул руку. — Вадим.

— Алексей. — ответил на рукопожатие тот.

— Может, за знакомство? — Вадим покосился на явно неодобряющего частые пьянки на выездах Георгия.

— Да можно, по глотку. Разговор, мне думается, долгим будет!

— Ну уж точно не коротким!

— Парни, доставайте что есть в рюкзаках, угостим гостеприимных хозяев. Вы же на нас зла не держите?

— Да все разрешилось уже. Не убили, и слава Богу! А шишки и ссадины заживут. Опять же — нам урок. Расслабились тут, как на курорте.

Леха и Миха, порывшись в своих рюкзаках, выложили на стол вареные яйца, соль в пластиковом яйце от «Киндер-сюрприза», черный хлеб, пяток свежих огурцов, две колбасных нарезки, паштет, литровую бутылку колы и минералку. Георгий выставил к общему столу свой термос, наполненный по горлышко горячим бульоном. Вадим, оглядев это великолепие, присоединил две бутылки водки, фляжку с коньяком и пяток плавленых сырков.

— О, какой у нас серьезный банкет намечается! Стопки есть?

— Сейчас гляну. — Миха порылся в карманах разгрузки и вытащил кожаный чехольчик со вставленными одна в одну металлическими стаканчиками. — Держи!

— Так, Георгий не пьет, это все знают. Так, Георгий? Или налить?

— Нет, я горячего бульончика попью. Сержант, угостишься горячим? Правда это не домашний, тот мы весь в дороге выхлебали. Этот я из кубика заварил, перед самым выходом.

— Не откажусь!

— Давай кружку свою! Ребят, вы будете бульон? — Обратился Георгий к рядовым, заметив голодный блеск их глаз. — Хотя чего я спрашиваю? Подставляйте кружки!

— Так, хорошо. — продолжил Вадим. — Мишаня водку не пьет — ему коньяк. Бойцы! По водочке? Ага! Значит всего шесть стопок надо, а их как раз шесть, из них пять с водярой.

Вадим расставил на столе в ряд металлические стопки, ловко свернул пробку водочной бутылке и с ловкостью, не пролив мимо ни капли, разлил алкоголь.

— Мишань, сам себе налей из фляжки!

— Добро!

— Ну, за встречу двух эпох и за знакомство! — провозгласил тост Вадим. — Налетай, братва на стол, тут есть много вкусного и жидкого!

Все выпили. Кто то по привычке занюхал кусочком хлеба, кто то протянул дрожащую руку к невиданному доселе гастрономическому чуду- тонко нарезанным кусочкам колбасной нарезки из вакуумной упаковки. Один Георгий, пряча усмешку в усы, поглядывал с хитрым ленинским прищуром на изумленные и начавшие оттаивать от дикого внутреннего напряжения лица бойцов Красной Армии.

— Эх, хорошо пошла на старые дрожжи! — крикнул Вадим и стал повторно наполнять стопки.

— Между первой и второй — промежуток не большой!

— Вадим, не гони лошадей! Полночи бухали, а сейчас, не успели даже познакомиться и освоиться — глаза заливаете? А если немцы на огонек нагрянут? — стал нагонять ужас Георгич.

— Да не ссы! Прорвемся! У парней там секрет выставлен, по-любому маякнут! Вон, у меня СКС под рукой, у тебя гладкоствол твой рядом! Поди, жаканами зарядил? Годится! У гансов точно броников нет!

— А что это за карабин такой чудной у тебя, Вадим? — спросил сержант. — я такого названия никогда не слышал! Что за СКС?

— Самозарядный карабин Симонова, калибр семь шестьдесят две на тридцать девять.

— Симонова? Не Сергея Гавриловича, часом? Что ПТРС изобрел?

— Он самый! — подтвердил начитанный Миха. Только карабин этот пока еще не изобретен. — подмигнул он Вадиму. — Его изобретут только через пару лет, в сорок четвертом, а в серию он пойдет вообще только в сорок девятом!

— А что за калибр такой странный? Можно посмотреть поближе? — продолжал любопытствовать сержант.

— Сейчас, стой! — Вадим сноровисто взял в руки карабин, разрядил его, несколько раз передернув затвор и, напоследок убедившись, что магазин опустел и в стволе пусто, направил ствол в землю и нажал на спуск. Раздавшийся сухой щелчок сработавшего вхолостую механизма, убедил Вадима в полной безопасности неизвестной для окружающих «гром-палки», после чего он со спокойной душой передал оную на всеобщее обозрение, не забыв при это подобрать с пола и сунуть в карман все пять вылетевших при перезарядке патронов.

Оружие пошло по рукам. Бойцы по очереди брали его в руки, восхищенно цокая языком от избытка чувств, щелкали затвором и восторженно прикладывали к плечу, прицеливаясь то в лампу-коптилку, то просто в угол.

— Глянь-ка, не соврал! Год выпуска — пятьдесят третий!

— Точно, год выпуска! У моей винтовки на этом же месте выбит, только тридцать седьмой!

— А калибр! Глянь на дульный срез — аккурат мосинский!

— Парни! — поспешил с объяснениями Вадим. Восторг зрителей от его карабина был ему как елей на душу. — Калибр и правда Мосинский: семь — шестьдесят две, но это только по пуле. Ваш, винтовочный патрон — с закраиной, длиной пятьдесят четыре мм, у этого ствола длина патрона — тридцать девять мм, он рантовый. Пуля такая же, гильза другая.

— Короче, в двух словах! Извини, что перебил! — нашел в своем мобильнике нужную своевременно скачанную статью Миха. — Это называется так- «промежуточный 7.62-мм патрон образца сорок третьего года с невыступающей закраиной конструкции Елизарова и Семина.»

— А что такое — промежуточный?

— Ну как бы военачальники посчитали, что винтовочный патрон излишне мощный и тяжелый, а пистолетный от ППШ — слабоват. И решили придумать золотую середину- под тот же калибр. Так как вся промышленность заточена под него, зачем изобретать что то новое, перестраивать производство? Все наши стволы — Мосинка, Максим, ДП-27, Наган, ТТ, ППШ, ППС, СВТ, Вадиков СКС еще непридуманый — все точатся на одних и тех ж станках. Могу, конечно ошибаться в количестве и направлении нарезов — извиняйте, интернета под рукой нет. Подтвердить или опровергнуть не в моих силах!

— Кстати! — вспомнил Леха. — А АК-47? Первые модификации тоже под этот патрон шли!

— Что такое АК-47? — живо заинтересовался сержант. Своим рабоче-крестьянским нутром он уже давно понял, что эти странные парни не банальные диверсанты или хитромудрые подсадные утки местных особистов, а совсем что то иное, не укладывающееся в привычный кругозор советских людей. Таковую простую эмоцию, как обыденность, при непонятном слове «телевизор» или «мобильник» невозможно так обыграть, даже пускай долгими нудными тренировками. Что бы с таким пренебрежением произносить эти непонятные для сержанта слова, нужно знать эти вещи, жить среди них и использовать их повседневно. Так что вопрос он задал с искренней надеждой действительно узнать что то о неведомом, но похоже реальном будущем, а не в ожидании порции лапши на уши от непонятных сказочников.

— О, парни! АК-47 — это легенда! Автомат Калашникова образца сорок седьмого года, изобрел наш соотечественник, родом с Алтайского края, Михаил Тимофеевич Калашников! Трижды герой- две золотые звезды героя СССР, одна- России! Жалко, помер в тринадцатом году...Автоматов выпущено более ста миллионов экземпляров, участвовали они во всехвооруженных конфликтах, начиная с момента изобретения по наши дни! Машина неубиваемая, проклятые америкосы тесты проводили, и замораживали, и в морскую воду кидали, и песком посыпали! А он все равно работает! В Африке, я читал, у местных браконьеров «калаши» отбирают- без ствольной коробки, рукоять самопальная, весь на проволочках, ржавый насквозь, смазку двести лет не видел — а работает! Давайте по пять капель за Великого Человека с большой буквы и за наше Великое оружие!

— Давай!

— Вздогнем!

— За нашу Победу!

— Парни! — выдохнув после выпитой стопки водки и аккуратно занюхав корочкой хлеба сказал сержант. — Я, хоть и знаю, что чудес не бывает, и наша Коммунистическая партия во главе с товарищем Сталиным чудеса опровергает и считает их поповщиной и опиумом для народа — все равно хочу сказать. — он поглядел на своих бойцов и чуть-чуть повысил голос: — То, что происходит сейчас- иначе как чудом сложно назвать. Самое главное чудо на сегодняшний момент: мы теперь точно знаем, что победа будет за нами! Тяжелой ценой, товарищи, но мы ее добьемся!

— Ребят! — встал с ящика Миха. — Спешу порадовать! Я вспомнил, что у меня с собой в рюкзаке есть очередное доказательство нашего прихода и будущего!

— Удиви!

— Портативная колонка! И полностью заряженная! Всю ночь в прикуривателе торчала!

— Ай да Миха! Ай да молодец!

— Сам тащусь! — галантно расшаркался тот. — У меня около сотни записей в трубке есть, всяких-разных! Специально для копа закачал! Думал, сядем у костерка вечерком после дня тяжелого, да под рюмочку...

— Давай, маэстро, жги! — не выдержал Вадим. — Поставь чтонибудь этакое, что-бы душа сначала развернулась, а потом снова свернулась!

— Ща, пять сек! Алиса,» Небо славян» устроит?

— Вполне!

— Давай, жги!

— Врубаю!

— «Звездопад дорог от зарниц, грозы седлают коней...» — зазвучали аккорды по землянке.

Со стороны было интересно наблюдать за присутствующими, коих по разному брала за душу популярная в двадцать первом веке песня. Кто то внимательно вслушивался в слова, пытаясь отыскать в них потаенный смысл, кто то тихо подпевал в пол голоса, у кого то перед глазами в такт песне проплывал увиденный ранее видеоклип с летающими над землей танками и видами церквей и монастырей с дрона. После окончания песни в землянке воцарилась тишина, нарушаемая старательно скрываемыми вздохами гоняющих каждый свою думку в голове.

— Уважаемые, не переживайте! Кто к нам с мечом придет, тот с ним и уйдет. В заднице! — переиначил известный постулат на современные реалии Вадим, снова взяв на себя почетную обязанность разливающего. — Наше дело правое, враг будет разбит, Победа будет за нами! Так давайте за это выпьем!

— Ура, товарищи!

— Ура!

— Вадим, вопрос можно? — несмело тронул Юрий за рукав захмелевшего Вадима.

— Чего тебе, отрок?

— Песня, которая сейчас была... Я так понимаю. Она же для вас современная?

— Ну да. А что?

— А о каких там иноземцах речь идет, которым кольчугой речь русская звучит? Мы же фашистов победили?

— А, ты об этом? Пиндосы на нас залупаются.

— Это что еще за звери? — поднял голову сержант.

— Американцы. — сплюнув, неохотно пояснил Георгич. — Хуже этих мразей нации нет. Паскуды конченные, хуже фашистов. С ваших времен до наших, сколько бы и где не было войн и заварушек, всегда эти твари исподтишка заводилами выступают.

— У них, блядей, чем людям хуже, тем им лучше. Во всем ублюдки недобитые выгоду свою ищут. А так же эти сучары на нас зуб точат.

— Да вроде нормальная нация... Второй фронт открывать собираются, политрук говорил. В помощь нам..

— Да откуда политруку твоему знать истинное положение дел? У нас, восемьдесят лет спустя, еще не все архивы для доступа полностью открыты, а ты — «политрук»!

— Ладно, я расскажу. Как могу. — решился Георгич. — У нас проблема сАмерикой возникла, уже довольно давно. Они в эту войну не вмешивались, все выжидали, чья сторона возьмет. Однако в конце сорок третьего, начале сорок четвертого годов силы рейха истощились, немцев стали потихоньку гнать назад, на запад. Вот тут америкосы с наглосаксами и переполошились — существовала нешуточная вероятность того, что мы можем захватить пол-Европы, освобождая ее от фашистов. Боялись эти твари нас, ох боялись! — прикурил сигарету Георгич. — Им наш строй социалистический, как серпом по причиндалам. Они давно хотели второй фронт открыть, только все оценивали, на чью сторону встать.

Раньше англичане и америкосы выжидали, когда русские или немцы перебьют друг друга, тогда можно было бы спокойно добить остатки сил победившей стороны, либо фашистов либо нас, и получили бы абсолютную власть на планете. Но коренной перелом в

ходе Великой Отечественной войны, как то Сталинград и Курская битва, доказал, что великая Россия (СССР) способна в одно лицо добить гитлеровскую Германию. То есть на планете у англосаксов по любому сохранялся геополитический противник — мы, русские. Это коренным образом меняло ситуацию. Наши в кавычках «союзники» не могли дальше затягивать с открытием второго фронта, дальнейшее затягивание грозило бы им огромными проблемами в будущем.

— Кстати, если кто не в курсе, двадцать четвертого июня сорок первого года, на третий день войны президент Америки Гарри Трумэн обессмертил себя следующей фразой: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, ПУСТЬ ОНИ УБИВАЮТ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ...»- влез в разговор Вадим.

— Вот пидары! — в сердцах сплюнул Леха.

— Ну они же помогут все таки нам? — спросил сержант.

— Не безвозмездно. — ответил Георгич. — Мишань, помнится в прошлый раз на копейки хвастался, что где то в интернете статью скачал, про Ленд-лиз, и во сколько нам помощь американцев обошлась. Остался файл у тебя, не удалил с телефона?

— Сейчас гляну. — Миха достал мобильник и принялся ковыряться в папках с информацией. — Не то... Не то... А, вот, не удалил. Там текст большой, все не буду озвучивать, только выжимка, квинтэссенция так сказать.

— Ух ты, какие слова ты заумные знаешь! — Восхитился Вадим.

— Ну не все же как ты букварь за углом школы скурили! — Беззлобно парировал Миха. — Вот, короче, слушайте, что написано: «По англо-советскому соглашению от 27 июня 1942 года вся военная помощь, оказанная Великобританией Советскому Союзу в ходе войны, была полностью бесплатной. ПОЛНОСТЬЮ БЕСПЛАТНОЙ, подчеркиваю. Но нужно иметь в виду, что до этой даты, то есть с 22 июня 1941 года по 27 июня 1942 года, то есть фактически ровно год, СССР все поставки из Великобритании оплачивал, расплачиваясь за них как золотом, так и за счет своих валютных резервов. Стоимость всех этих поставок за этот период времени сегодня может быть оценена в 55 тонн золота, которое из СССР транспортировалось в Англию кораблями британских ВМФ. Один из таких «золотых кораблей» — британский крейсер «Эдинбург», на борту которого находилось 5500 кг золота, как раз и был потоплен 2 мая 1942 года во время его перевозки.»

Все притихли. Воспользовавшись паузой, Вадим молча разлил спиртное по стопкам.

— В тот момент альтернатива" свои граждане или кошелек" перед СССР не стояла. Стояла задача: выжить. Всеми средствами, не взирая на кошелек и людские потери. — заполнил возникшую паузу Миха.

— Короче, мутные данные. Все эти интернетные статьи — не истина в последней инстанции. Они все пишутся по принципу ОБС — одна бабка сказала. Кто то говорил, что золотом за вооружение и гумпомощь мы расплачивались, кто то пишет — сырьем: углем, нефтью, зерном... Кто то пишет- расплатились, кто то — еще должны...

— А что такое «интернетные статьи»? — спросил доселе молчавший Юрий. Поток информации, обрушившийся на его бедную голову, был настолько велик, что во время всего разговора он ни разу не открыл рот, а только прислушивался к диалогу сержанта с гостями. Но, услышав незнакомое выражение, которое не вызывало ассоциаций абсолютно ни с чем, он решил выйти из роли пассивного слушателя и уточнить заинтересовавшую его фразу.

— Гм. Как бы тебе растолковать по простому. — задумался Георгич. — Радио знаешь?

— Конечно! У нас в деревне радиоточка была! Речи товарища Сталина слушал, сводки Совинформбюро...

— А телевизор?

— Нет. А что это?

— Фотографии видел?

— Фотокарточки? Конечно!

— Ну вот представь, некая коробка, одна стенка — стеклянная, непрозрачная. Представил?

— Примерно.

— А вот представь дальше, что за этим стеклом фотокарточка стоит, к примеру — паровоз на рельсах.

— Что то, товарищ Георгич, брехню ты какую то нам заливаешь. — влез в разговор Винокуров.

— Это еще почему ты так решил?

— Так ты же сам сказал только что: стекло непрозрачное, а за ним карточка. Ее же будет не видеть!

— Да что ж такое то! — схватился за голову Георгич. — Как же вам объяснить очевидное то?

— Дай ка я попробую! — сказал Миха. — Все гораздо проще! Смотрите! — он нажал кнопку на мобильнике, который все еще держал в руке. — Бойцы, подходим поближе, смотрим внимательно! Вот эта штука у меня в руке — телефон..

— Ха-ха-ха!

— Чего ты ржешь? Чего смешного увидел?

— Да какой же это телефон? Где диск с цифрами, где трубка, куда говорить, провода где?

— Все в нем. Он еще и фотографирует, и кино снимает и показывает, и голос записывает, и дорогу показывает. Хотя нет. Здесь дорогу не покажет — спутников нет.

— Ну ты и сказочник!

— Смотрите на этот черный глазок! — Миха включил запись видео и навел телефон на бойцов. — Говорите что-нибудь!

— А что говорить то?

— Да что хочешь! Например — «Пользуясь случаем, передаю привет!»

— Ну привет...

— А теперь смотрите! — Миха нашел в галерее телефона нужный файл, повернул мобильник экраном к зрителям и нажал воспроизведение.

— «Говорите что-нибудь! А что говорить то? Да что хочешь! Например — «Пользуясь случаем, передаю привет!» Ну привет...»

— Нихрена себе!

— Что это за чудо??

— Обычный мобильный телефон из двадцать первого века среднего ценового диапазона. Такие игрушки есть у всех, от детей до пенсионеров. Он еще СМС-ки может отправлять. — увидев непонимания в глазах окружающих, Миха поспешил объяснить. — Вот смотрите. Нажимаю сюда- появляется клавиатура. Печатаю по одной букве — текст сразу видим на экранчике, можно добавлять, исправлять или удалять ошибки. Потом, когда полностью письмо написано, из записной книжки — она встроена в телефон и хранит в себе

около двух сотен номеров абонентов — выбираю нужного, например Вадима, — кивнул в сторону последнего, — и нажимаю кнопку «отправить» — вот эту, зелененькую. Через пару секунд еготелефон подаст сигнал о поступлении письма, и появится изображение почтового конверта. Вадим нажмет на него пальцем, и все то, что я написал на своем экране, отобразится у него. К сожалению — здесь мы не сможем продемонстрировать ни сообщения, ни звонки с аппарата на аппарат — отсутствует сотовая связь.

— Какая-какая связь? — удивился сержант.

— Сотовая. — стал доступно растолковывать Вадим. — У нас по всей стране понатыкано огромное количество вышек мобильной связи — это такие столбы с прикрепленными к ним ретрансляторами, ну передатчиками, если объяснять доступным языком. Сигнал телефона довольно слабый, достает только до ближайшей вышки. С нее он передается к следующей, а там дальше и дальше. Схематично и очень грубо, если изобразить это на бумаге — это напоминает пчелиные соты. Отсюда и название.

— Товарищ сержант! — дверной брезент откинулся в сторону и в землянку в облаке пара ворвался взмыленный и возбужденный рядовой Попков.

— Чего тебе? Что случилось!

— Звуки моторов! Похоже к немцам подкрепление идет!

— Откуда идет? Доложи по существу!

— К немцам, что в котле, с противоположной стороны идет подкрепление. Судя по звукам, как определил рядовой Горелов — идут средние танки, количество не ясно.

— Как скоро придут к нам?

— Горелов говорит, минут пятнадцать еще.

— Много он знает, Горелов твой!

— Товарищ сержант, он до войны охотником был, по тайге ходил. Волка за сотню шагов слышал. Думаю — стоит ему довериться!

— Никому сейчас доверять нельзя, рядовой Попков! Отделение! Слушай мою команду! В ружье!

— Вы с нами, или как? — с надеждой он повернулся к парням. — Приказывать вам права морального не имею, но все-таки?

— А давай! — легко согласился Георгич, оглядываясь на остальных. — Только с вооружением у нас не очень. Для ближнего боя или там языка взять мы сгодимся, но против танков... Делись, сержант, амуницией, не жадничай!

— Добре! — повеселел сержант. — Попков!

— Я!

— Мухой в землянку и принеси товарищам пять, нет! — покосился он на так и не проснувшегося Серегу. — Четыре ППШ, по паре запасных дисков на брата и запас патронов россыпью, сколько попросят! И на гранаты не поскупись!

— Есть, товарищ сержант!

— Мишань, Лех — сгоняйте с ним, помогите! — попросил парней Георгич.

— Хорошо, подмогнем. Далече? — повернулся к бойцу Леха.

— Да нет, рядышком! Метров пятьдесят всего! Давайте шустрей, немцы близко!

Парни быстро вскочили на ноги и припустили за рядовым Попковым. Проводив их взглядом, Георгич повернулся к Величко.

— Слышь, сержант. Это, как я понимаю, колонна к окруженным немцам пожаловала?

— Похоже на то. Вы что то знаете?

— Да как сказать... По архивным данным, весной сорок второго в этих местах наши остановили немецкое подкрепление. Гансы решились на прорыв, в помощь своим окруженцам. Наши подбили первую и последнюю машины, тем самым не дав возможность врагам отступить, и добились остальных. Только, судя по данным, кто то из немцев выжил и по радиации вызвал авиацию. Те устроили авиаудар по разбитой колонне и не деля на «ваших и наших» перемешали все с землей.

— Выжил кто?

— Не знаю. Данные архивные, много неточностей. Мы то и приехали сюда, разобраться. Возможно кто то и выжил, иначе откуда подробности. Короче- делаем так: тормозим колонну, как и было — первую и последнюю машину, бьем личный состав — судя по всему один раз это уже удалось, контролируем...

— Контролируем? Это как?

Добываем выживших контрольным выстрелом в голову. У нас в России в девяностые годы, когда шел передел власти и собственности — очень много стреляли. Словечки эти жаргонные, типа проконтролировать, завалить, зажмурить — все родом оттуда.

— А..

— Не перебивай старших, потом в спокойной обстановке все расскажу и покажу.

— Покажете? Как?

— Слушай внимательно. Сейчас ввязываемся в бой, быстро добываем уцелевших немцев и спешно отходим.

— Отходим? Куда?

— Да что же ты сержант так много вопросов задаешь? Отходим в безопасное место, где вражеская авиация нас достать не сможет и недобитые фашисты в спину не выстрелят!

— И где же ты тут такое место найдешь? — нервно усмехнулся сержант.

— Тут не найду. Там- в избытке.

— Там, это где?

— Сержант. Не тупи. В нашем времени.

— Ну что там, Горелов? Докладывай!

— Два панцера — двойки, два грузовика тентованных — там похоже солдатня, и Ганомаг с десантом.

— Как ты это все разузнать так оперативно успел?

— Так там подальше дорожка петлю делает, аккуратно что бы болото обойти. Я на дерево вскарабкался, и разведаль по-быстрому.

— Ясно. В каком порядке чешут?

— Панцеры спереди и сзади, вторым ползет Ганомаг, за ним грузовики.

— Ясно. Как не кстати... Бойцы! Ставлю боевую задачу! Бронебойщики! Ваша задача — остановить «Двойки», что бы остальным ходу не было! Первым выстрелом попробуйте либо МТО повредить, либо гусеницу. Вторым стреляйте в щель между корпусом и башней — заклинить надо поворотный механизм, чтоб сволочи башкой не крутили! О Ганомаге не забывайте, там пулемет дюже сердитый установлен! Стреляйте чуть выше второго гусеничного катка — там водитель сидит и командир. Если повезет, обоих зацепите! Попков!

— Я!

— На тебе грузовики! Возьми «Дегтярь» и диски. Как только парни начнут с «двойками» разбираться — стреляй по кабине и по тенту, примерно где борт заканчивается и начинается брезент. Гансы могут на пол повалиться, вот ты им и устройшь баньку с веничками. Патронов не жалея, шей без остановки. Парни. Стреляйте по кабинам грузовиков и по кузовам. Ваша задача не позволить разбежаться врагам. Наше преимущество во внезапности. Никому огонь не открывать, пока я первым не выстрелю, а потом бронебойщики не продолжат! Итак: Горелов и Винокуров — ПТРД, Попков — пулемет, Бондарь тебе в помощь, я и парни — автоматы и гранаты. Главное, под пули не подставляйтесь! Дело сделанное потом проконтролируем! Всем все ясно?

— Ясней некуда.

— Тогда занимайте свои места согласно боевому расписанию!

— Есть!

— Товарищ! — придержал за рукав Георгия сержант. — Я, конечно в вас ничуть не сомневаюсь, но ответь: твои ребята хоть стрелять умеют? Не подведут в критический момент.

— Не изволь сомневаться, сержант! — хлопнул того по плечу Георгий. — Кое что умеют! Я в них как в себе уверен!

— Ну добренько, коли так! Запомните главное — первый выстрел мой! Разбегаемся!

Шум моторов потихоньку нарастал, и вот наконец из-за поворота, который скрывала огромная ель, с придавленными исполинскими сугробами к земле нижними ветками, появилась окрашенная в белую краску тупая морда вражеского легкого танка. Из открытого люка башни, по пояс скрывшись в бронированном нутре металлического монстра, выглядывала фигура командира, сжимающего в руках автомат и настороженно вглядывающегося в окружающие дорогу сугробы. Взгляд его скользил по деталям окружающего ландшафта, ни на секунду не задерживаясь ни на каком-то определенном предмете. Вся его фигура так и излучала настороженность и готовность в любой момент

залить свинцом любую подозрительную и враждебную активность. Танк шел не торопясь, отравляя свежесть утреннего мартовского леса густыми синими клубами бензинового выхлопа, со скоростью примерно соответствующей скорости спешащего быстрым шагом пешехода. Следом, метрах в тридцати позади, повторяя все повороты и зигзаги и стараясь идти точно след в след по гусеничной колее, двигался вражеский полугусеничный транспортер. В открытом, не затянутом сверху брезентом грузопассажирском отсеке виднелись серые каски сидящего там десятка солдат, некоторые из которых, равнодушные к окружающим их красотам русского леса, безучастно курили, добавляя свою порцию сизого дымка к выхлопу впередиидущего танка. Следом из-за поворота показалась неуклюжая квадратная морда полноприводного МАНа ML4500A, трансмиссия которого, работая на пониженной передаче, натужно выла, пробуксовывая в глубоком снегу. Брат близнец его тащился следом, так же завывая коробкой и стремясь не вылезти из проложенной первыми машинами колеи в глубокий снег обочины. Замыкала колонну такая же бронированная «Двойка», легкий танк Вермахта Панцер II, все отличие которого от впередиидущего было то, что он развернул башню, вооруженную автоматической пушкой калибра 20 мм назад, прикрывая тылы.

Внезапно командир первого танка наклонился и что-то крикнул в открытый люк. Танк со скрежетом и лязгом остановился, продолжая работать на холостых оборотах. Немец поднял руку и оглянулся назад, приказывая всей колонне остановиться. Повинуясь жесту командира, вся колонна техники сбросила скорость и остановилась, лишь второй танк, плетущийся в арьергарде, механик-водитель которого зазевался, чуть не въехал в зад впередиидущему грузовику, но в последний момент резко вильнул в сторону и съехал в снежный кювет, тем самым избежав столкновения. В первом грузовике открылась пассажирская дверка, и на подножку, держась за стойку и не спрыгивая в снег, вылез немец в круглых очках-пенсне и фуражке. Он что то недовольно выкрикнул по своему, обращаясь к командиру танка. Тот ответил, показывая стволом автомата куда то в сторону от дороги.

Сержант пригляделся к тому месту, куда указывал немец, и с досадой охнул.

— Твою же мать! Следы наши! — он поспешно вскинул винтовку к плечу, целясь в танкиста, и нажал спуск. Уже передергивая затвор и досылая в ствол винтовки второй патрон, он удовлетворенно заметил, как фашист, выронив из рук автомат, тряпичным кулем свесился из танкового люка. Выстрел Величко явился сигналом, которого с нетерпением ожидали затаившиеся бойцы, с зубовным скрежетом наблюдая перемещения живого врага в такой непосредственной близости, но понимая, что спешить и выдать свое присутствие без команды нельзя. Поэтому знак, поданный сержантом, без промедления получил отклик. Заухали выстрелы противотанковых ружей, звонкими ударами и снопами искр отмечая места попаданий, басовитым кашлем зашелся в длинной очереди ДП-27, и истерично затрещали с разных направлений ППШ, превращая брезент тентованных грузовиков в решето. Звонко разлетелось вдребезги стекло открытой дверцы, из которой несколько мгновений назад вылезал наружу немецкий чин в очках, а сам он, издав пробитым меткой пулей горлом нечленораздельное мычание, пуская кровавые пузыри мешком свалился в придорожный сугроб. Ганомаг, взревев двигателем на высоких оборотах, попытался выбраться из западни, рванув назад, но тут же упершись в бампер МАНа, забуксовал гусеницами по снегу, не в силах отодвинуть с дороги такую тяжесть. В следующее мгновение с разных сторон в его открытый кузов полетели ручные гранаты, одна из них, не долетев и ударившись в бронированный бок полугусеничного монстра, отскочила в сугроб, где и

взорвалась, вхолостую растратив смертоносную силу своих осколков, которые увязли в глубоком снегу, зато вторая попала прямым в кузов, где рванула мгновение спустя, превращая в кровавый фарш немецкий десант. Выйдя из ступора, в ответ заговорила автоматическая пушка второго танка. Бронебойные снаряды с жутким воем понеслись в лес, отрывая щепу с деревьев и мочалы кустарник. Уцелевшие немцы, после неожиданного нападения начавшие приходить в себя, стали выпрыгивать из разбитой техники и занимать места в сугробах. Пара человек, мгновенно сориентировавшихся с направлением, откуда уже короткими очередями бил пулемет, едва приземлившись в сугробы, стали поливать из автоматов опасное направление. Другие, вооруженные карабинами, пытались использовать как укрытие дымящийся неподвижный Ганомаг, укрывшись под его днищем и стреляя оттуда по лесу. Передний танк попытался принять участие в бою, но при первых же попытках тронуться с места левая гусеница, перебитая метким попаданием из ПТРД, соскочила с трака и змеей растянулась на дороге.

— Серега, бей по колесам первого грузовика! Они за ними прячутся!

— Остановите задний танк! Бейте по триплексам! Не дайте ему уйти за подмогой!

— А хули толку! У них радиостанции есть!

— Бейте по антенне!

Задний танк, не рискнув отходить задним ходом, пытался развернуться, но все глубже проваливался в сугроб. Его пушка и курсовой пулемет не смолкали не на секунду, пытаясь достать атаковавших его бойцов.

— Заклиньте кто-нибудь ему башню! Стреляйте под башню!

Эхом откликнулась очередь из ручного пулемета. Множество пуль ударило по башне танка, превратив ее в адскую наковальню, по которой с неистовой злостью долбили полсотни молоточков калибра 7.62 и должно быть оглушив экипаж. Танк, вздрогнув, повернул башню в ту сторону, откуда летели злобные кусочки свинца, и ответил, одновременно из пулемета и пушки. По кустам как будто смерч прошел, щепки и кора разлетались во все стороны, двадцатимиллиметровые снаряды, легко прошивая сугробы, взрывались, пачкая чистый снег ошметками вырванной земли. Внезапно позади танка возник человек в странно-зеленом обмундировании. Он ловко, ухватившись за буксирные крюки, вскочил на броню танка. Пригнувшись за башней, что бы случайно не словить пулю, которые с визгом и воем летали вокруг, человек выхватил из кармана гранату, быстрым движением выдернул кольцо и закинул ее в открытый башенный люк. Не дожидаясь развязки, он рыбкой прыгнул с танка в сугроб, прикрыл голову руками и замер. Взрыв на фоне общих звуков боя вышел каким то не шибко солидным, но это только по эффективным критериям. По эффективным он показал стопроцентный результат: пушка и пулемет мгновенно захлебнулись, двигатель заглох и из люка повалил серый дымок. Танк мгновенно превратился в груды мертвого и безопасного металлолома, волею судьбы закинутого в заснеженный мартовский лес. Чаша весов стала склоняться на сторону атакующих — два грузовика, осев на простреленные шины и окутавшись паром из пробитых радиаторов, уже не представляли из себя значимую мишень, задний танк и Ганомаг потихоньку разгорались, сигнализируя, что в их чревах уже не осталось живых врагов, лишь первый танк, которому так и не заклинили башню, отстреливался во все стороны. Какофония боя постепенно стихала, автоматные очереди стали потихоньку сменяться на одиночные выстрелы, да изредка звучали резкие, давящие на уши разрывы гранат, которыми атакующие, совершенно не экономя боекомплект, выкуривали пока еще оставшихся по недоразумению в живых

гитлеровцев из-под машин. Наконец и у головного танка закончился боекомплект, и он затих, лишь изредка издавая звуки сервомоторов в бессильной злобе вращающейся в разные стороны башни.

Сержант Величко осторожно приподнялся и осмотрелся по сторонам. Не выпуская из рук винтовки, он, пригибаясь бегом направился к первому танку, из благоразумной предосторожности обходя его с тыла и внимательно вглядываясь в тут и там разбросанные в разнообразных позах тела гитлеровцев. Внезапно слева, у самого борта раскорячившегося на дороге Ханомага почудилось движение. Выстрел. Немец, притворявшийся доселе мертвым, роняя карабин, уткнулся простреленной головой в гусеницу транспортера.

— Отделение! Выходим предельно аккуратно!

Держа на прицеле башню вражеского танка и крутя головой во все стороны, сержант осторожно взобрался на броню. Тело вражеского танкиста так и висело, наполовину застряв в люке. Видно поэтому оставшийся экипаж и не смог покинуть свою боевую машину. Недобро ощерившись, сержант вытащил из подсумка последнюю неиспользованную гранату, выдернул кольцо и впихнул боеприпас между телом убитого и краем люка, тут же отпрянув в сторону и пригнувшись. Внутри глухо громыхнуло, тело убитого танкиста взрывной волной, как из катапульты, вышвырнуло из танка в снег, и из горловины повалил едкий дым с запахом горелого мяса.

— А что вы хотели? — под нос себе прошептал сержант. — Вам тут не рады!

Краем глаза заметил движение, пригибаясь за башню, вскинул ствол, но в последний момент успел убрать палец со спуска.

— А, товарищ Георгич! Жив? Как твои, все целы?

— Да вроде как. А лихо мы их покروшили!

— Ну да, ну да.

Горячка боя постепенно отступала, и сержант более внимательно осмотрелся вокруг.

— А где все?

— Не знаю. Мишань, Лех, Вадим — выходите!

Из кустов с треском вышел Леха, прихрамывая на правую ногу, следом Вадим, с почерневшим от копоти лицом. Он утер лоб ладонью и удивленно присвистнул, увидев кровь.

— Ну-ка, Лех, глянь-ка, что это со мной.

— Пустяки, рассечение. Похоже щепкой чиркнуло.

— А ты чего хромаешь?

— Да там когда этот демон стал из пулемета поливать, пришлось срочно позицию менять, и похоже ногу подвернул о корень какой то.

— Ясно. А Мишка где? Мишань, ау!

— Да туту я. Чего разорались? — из-за последнего танка вылез Миха. — Глушануло малость, не орите!

— Парни, не кучкуйтесь! — вернул всех с небес на землю сержант. — Тут еще недобитки могут оставаться, надо бы проверить!

— Ясно. А твои где? Все живы?

— Да вроде. Эй, отделение! Выходи!

Внезапно прозвучавший близкий выстрел заставил всех пригнуться и схватиться за оружие. Обернувшись, они увидели Георгича, который по-ковбойски сдул дымок со ствола карабина.

— Чего глаза таращите? Вот вам и недобиток! — указал он стволом на гитлеровца, валявшегося за колесом грузовика. Возле него на снегу лежала ручная граната- колотуха, с уже отвинченным колпачком.

— Отвинтить то успел, а дернуть я ему не позволил. — объяснил Георгич. — Не расслабляемся! Помните, где мы и какой сейчас год! Прогуляйтесь, но ушки на макушке! Контрольный в голову без сожаления, вспомните историю, что эти мрази творили! И с трофеями не жадничайте!

Потихоньку приходя в себя, парни разбрелись по месту недавнего сражения. Изредка то тут, то там раздавались сухие одиночные выстрелы — парни, вспомнив прочитанные в архивах исторические документы и увиденные в интернете кадры военной хроники- решили не церемониться с врагами.

— Кто к нам со стволом придет — тот свою пулю здесь и найдет! — сказал Вадим, вгоняя пулю под срез каски очередному гитлеровцу, который лежал, притворившись мертвым, но при этом сжимая в руках взведенный автомат. Выдал его пар от дыхания, которое он пытался затаить, да дрогнувшие ресницы.

Навстречу попался рядовой Винокуров, который, придерживая за руку, помогал еле ковыляющему раненому Горелову. Правый рукав у него пропитался кровью, которая стекала по руке крупными каплями и капала в снег. На рукаве телогрейки зияли пара опаленных отверстий.

— Сержант, у нас раненый! — Крикнул Леха. — Постой, сейчас помогу, вместе дотащим! А остальные где?

Юрка Бондарь вон там лежит, без сознания. У него две пули в ноге, я его перевязал, потом вернусь и к нам оттащу, а Серега похоже все. Он когда из пулемета шил, немец в танке его заметил, и из пушки долбанул.

— Может, живой? Ты проверял? — вскинулся Вадим.

Винокуров только сокрушенно махнул головой, пытаясь свободной рукой смахнуть внезапно выступившие на глазах слезы.

— Где? — только и спросил Вадим.

— Там. — кивнул в нужную сторону боец.

Вадим быстрым шагом, насколько позволяли сугробы, двинулся в указанном направлении. Уже за несколько шагов стало понятно, что в этом месте живому человеку выжить было бы архитрудно, если не совсем нереально. Ель толщиной в обхват взрослого человека, за которой была позиция пулеметчика, имела весьма печальный вид. С одной стороны из дерева был выдран огромный кусок, как будто над ним по стахановски потрудились стая голодных сумасшедших бобров, не отвлекаясь от работы на отдых и перекуры. Весь снег был перепахан и перемешан с комьями земли, древесными щепками и стрелянными гильзами. Тут же валялся погнутый пулемет, с почти оторванным, висящем на тонкой полоске металла стволом и одной сошкой, и пробитые крупным калибром патронные диски, сквозь рваные отверстия в которых виделись блестящие изувеченные патроны. Тело пулеметчика лежало тут же, лицом вниз, частично присыпанное мелким древесным мусором. То, что медицинская помощь тут бессильна, можно было понять и абсолютно несведующему во врачебных делах человеку — правая рука валялась отдельно от тела, оторванная почти у ключицы, а ватник на спине представлял из себя огромную залитую кровью дыру, внутри которой белели обломки костей. Подавив рвотный позыв, Вадим снял кепку и перекрестился.

С трудом переставляя ноги от тяжести трофеев, Вадим выбрался на дорогу, где, возле лениво догорающей вражеской техники собрались все члены маленького отряда.

— Ого! Нихрена ты затарился! — кивнул на пяток висевших у Вадима на правом плече немецких автоматов Георги́ч. — Ты что, торговать ими собрался? — но, внимательно взглядевшись в бледное лицо собеседника и стерев улыбку с лица, тихо спросил: — Попков?

— Да. Двухсотый. Ужас.

— Так, ясно. Сержант!

— Что?

— Помнишь, что мы тебе рассказывали?

— Что именно?

— По поводу того, почему мы именно здесь оказались?

— Много чего говорили. А что именно я должен помнить?

— Сержант! Очень скоро будет налет авиации, и все это: — Георги́ч жестом охватил пространство вокруг себя. — Будет перемолото и перемешано с землей. Нужно срочно уходить в безопасное место, и раненых с собой эвакуировать.

— К вам, что ли, в будущее?

— А что, ты знаешь место получше?

— Боюсь, ты прав. Рядового Попкова, что за пулеметом был, не находили?

— Вадим нашел. Ни рядового не осталось, ни пулемета. Очередь из автоматической танковой пушки, почти в упор..

Сержант молча перекрестился.

— Надо бы его похоронить по человечески..

— Потом, после налета. Он может в любой миг произойти! Мы точно знаем, что он был, а когда и во сколько- информации нет! Поэтому надо поторопиться! Сержант!

— Да?

— Беги в блиндаж свой, и раненых, и документы, или что у тебя там еще ценное — эвакуируй! И Серегу нашего не забудь! Здесь тебя ждать будем!

— Далеко до точки эвакуации?

— Нет. Ближе чем до логова твоего!

— Хорошо!

— Вот и отлично! Парни! — обратился Георги́ч к остальным. — Проследите особо, чтоб наших вещей здесь не осталось!

— А банки пивные, сухпайки в блиндаже?

— Блиндаж или засыплет, и никто не найдет, или мы вернемся потом и все подчистим! Кстати, мобильники если не разбили — подробно снимите здесь все, и фото, и видео! Вдруг потом пригодится!

— Точняк! А то потом выяснится, что это все глюки от Серегиного перегара! А тут бац — и доказательства в мобильнике!

— А трофеи заберем?

— А что ты там насоби́рал?

— Ну МП-х три штуки, еще Вадюха пяток приволок. Парабеллум еще я у ганса отжал который на первом танке катался.

— МГ-ха жаль сгорела в броневи́чке.

— Хорош мародерничать! Лех, Мих! Скиньте трофеи тут, а сами сгоняйте до блиндажа! Там двое раненых, один тяжело, сам не дойдет, плюс алкоголик наш — его вообще, как

двухсотого, возможно, тащить придется! Помогите сержанту и заодно поторопите его!

— Да идем мы уже, идем! — с сожалением снимая с плеча немецкие автоматы и аккуратно кладя их на землю, сказал Миха.

— Ну и что ты об этом думаешь? — проводив взглядом уходящих парней, обратился Вадим к Георгичу.

— О чем именно?

— Ну об этом, обо всем. — неопределенно покрутил головой Вадим. — Не глючит же нас, в самом деле?

— Ну сколько живу, о таких глюках даже и не слышал никогда.

— Вот сколько немцев сегодня положили, а у меня даже не екнуло ничего внутри. Даже тот, здоровый, которого я добил — я с ним в последний момент глазами встретился: вообще никаких эмоций. Хотя вроде живые люди..

— Вадюх. Представь, что это компьютерная игра такая, виртуальная реальность, или что то подобное. Немцы эти — типа плохие герои, нарисованные, а у тебя миссия, уничтожить врагов и дальше, на следующий уровень шагать. Сразу легче будешь все это воспринимать!

— Хрена себе, нарисованные герои! Я как пулеметчика того вспомню, до сих пор передергивает и мурашки по коже!

— В лагерь вернемся, накати стакан полный. Отпустит. Мы так в Афгане делали.

— Ты еще и в Афгане был? И ведь не говорил ни разу!

— Я много где был. И чего? Плакат нарисовать и на стену повесить? Типа: «я был там то и там то!»

— Ну все равно...

— От многие знания — многие печали. Так наш ротный говорил, Царствие ему Небесное!

— А Мишаня то наш герой! Видал, как он последний танк спалил?

— Нихрена себе! Так это он был? Где он этому научился?

— Я спросил. Говорит, в фильме каком то про войну видел, название не помнит.

— Да уж, действительно герой! Не каждый так сможет!

— Вот и я о том же. Вроде как давно знакомы, не в первый раз вместе на коп выезжаем, в бане паримся вместе, семьями дружим, а до конца так друг друга и не знаем!

— Да уж!

— Ладно, отставить соплежуйство. Наша задача на данный момент- жопы свои спасти от бомбежки, и постараться бойцов спасти.

— Чего то тебя на чуйства потянуло?

— Да хрен знает, как объяснить? Мы же знаем, сколько примерно народу в Великую отечественную полегло, находим останки бойцов, перезахораниваем, так сказать последние почести отдаем..

— Это ты к чему эту демагогию развел?

— Дурак ты, и уши у тебя холодные! Перед нами те, чьи кости мы постоянно находим! И при этом, заметь- живые!! Это ли уже не чудо? И только мы точно знаем их судьбу и в наших силах им сохранить жизнь!

— Господом себя возомнил? А как же невмешательство в прошлое, о чем во всех книжках фантасты триндят?

— На то они и фантасты, что бы фантазировать!

— То есть ты..

— Да! Нам не поплохее, и на сухпайки не обеднеем, а людей спасем! В крайнем случае, как козлы отбомбятся, отряд назад вернем, что бы гармонию Реки Времени не нарушать.

— И откуда ты таких заумных словес нахватался?

— Всем наилучшим, что есть во мне — я обязан книге! Цитата такая!

— Человечище! Держи мою руку!

— Взаимно! От души!

— Так, уважаемые товарищи бойцы! Идем гуськом, помогаем раненым, ничему не удивляемся! Сержант!

— Да, товарищ Георгич!

— Сейчас увидишь кое-что необычное, сам не удивляйся и бойцам своим не позволяй в панику впадать!

— Что именно?

— Будущее. То место и время, откуда мы к вам явились. Видишь, тропка в сугробах набита а в конце веревка оранжевая свисает.

— Вижу... Бля! А откуда она свисает??

— Из светлого будущего! — усмехнулся в прокуренные усы Георгич. — Это портал. Попростому — дверь между двумя эпох. Занырнем здесь — вынырнем там. Переждем пару дней в тепле, пока фрицы в злобе бессильной тут все авиацией проутюжат, и вернетесь.

— Вернетесь? А вы как же?

— Сержант. Мы из другой эпохи. Менять прошлое по своему желанию права морального не имеем. Вдруг что то потом не так пойдет? Перед потомками потом не отмоемся! Опять же, эффект бабочки никто не отменял!

— Эффект бабочки? Георгич, что за бред ты несешь?

— В нашем времени в тепле у костра времени много свободного будет, вот и расскажем! Ну что, твои все готовы?

— Готовы! Я прикажу, и с именем Сталина хоть в огонь и воду ринутся!

— В огонь и воду не надо — смысла практического не вижу. Короче: подходим к веревке, каждый подтягивается хотя бы на пол-метра над землей — и все, перемещение. Сверкнет ярко, но бесшумно, и вы у нас. В гостях. Вещи просто над головой подбросьте, они сами переместятся.

— А раненые как же? У нас вон есть — с рукой простреленной!

— Не переживай! Здоровой рукой ухватится, мои ему помогут. А там у нас и аптечки есть по-современней, антибиотик вколем, чтоб заражения не было!

— Антибиотик? А что это?

— Слишком много букв вслух выговариваешь, сержант! Все, пришли! Вадим!

— Да?

— Давай первым стартуй. Как переместишься — шмурдяк и оружие тебе закинем. Что вылетет — в сторону оттаскивай. Интервал, чтобы тебе в лоб не прилетело — давай зададим в секунд двадцать.

— Не вопрос. Я прыгаю, жду двадцать секунд, ловлю шмотки, оттаскиваю. Потом парни полезут. Все правильно понял?

— Птица говорун отличается умом и сообразительностью... Все правильно! Первый! Пошел!

Вадим, навьюченный своим вещмешком и трофейными автоматами, вразвалочку, как объевшийся нахалюву свежайшей сметаны откормленный деревенский кот, подошел, проваливаясь по колено в слежавшийся весенний рыхлый снег, к свисавшему из пустоты оранжевому буксировочному тросу. Остановившись перед ним, оглянулся и ободряюще подмигнул замершим в нетерпении бойцам сводного отряда, по датам рождения отличавшихся почти в столетие.

— Давай!

Вадим схватился обоими руками за трос, чуть — чуть подтянулся на нем и исчез. Со стороны это выглядело весьма примечательно: голубой всполох бесшумного электрического разряда, фигура, увешанная оружием... Миг, и только пустой оранжевый трос покачивается по инерции, да бледные лица бойцов Красной Армии, никогда прежде не видевшие такого необъяснимого с точки зрения их эпохи зрелища.

— Пять...Десять... — глядя на наручные часы, невозмутимо вел отсчет Георгич. — Двадцать! Лех, кидай шмурдяк!

Леха подскочил и одну за одной с небольшим интервалом закинул в пустоту три винтовки и автомат.

— Пятнадцать... Двадцать. Пошел!

Леха послушно схватился за трос, подтянулся на нем и исчез.

— Сержант, ты следующий!

— Георгич, хоть убей, не могу!

— Ясно, вычеркиваем! Мишань, помоги раненому!

— Не вопрос! Давай, дружище! Хватайся здоровой рукой за трос, и держись крепко! На счет двадцать попытайся подпрыгнуть, по возможности, а я тебе подсоблю! Георгич, считай!

— Пятнадцать...Двадцать... Пошел!!!

Миха наклонился, ухватил раненого бойца за ноги ниже колен и резко выпрямившись, отправил того в портал. Вспышка.

На грани слышимости, пока что где-то далеко-далеко, но с каждой минутой стремительно приближаясь к месту событий, в сонную тишину весеннего леса добавился назойливый комариный писк авиационных моторов, которые с каждым мгновением крепили, переходя из тональности новорожденного москита в басовитую песню матерого шмеля.

— Мишаня! Шевели булками! Давай второго, как его- Бондаря, закидывай!

— Блин, Георгич, он без сознания, и в ногу ранен! Подсоби!

— Давай!

Георгич с Михой вдвоем приподняли бледного, до сих пор не пришедшего в себя от потери крови рядового и с натугой закинули его в портал. Вспышка.

— Серегу давай таким же макарон! Вот синева!

— Прямо двухсотый!

— Типун тебе на язык! Поднимай давай! Раз-два!

Вспышка.

— Сержант! Еб твою мать! Ты следующий!

— Парни, ступайте, я прикрою!

— От кого ты, debil, нас прикроешь? От авиабомбы? Давай прыгай, пока не поздно!

— Георгич, охолони!

— Хуле, охолони?? Сейчас тут все расхучат к едреной бабушке, пока ты тупишь! Бегом, блядь, марш!

— Георгич, время!

— Да вижу я!!! Сержант, сука, не тупи!

— Я прикрою.

— Пиздец!!! Мишаня, прыгай!

— А ты?

— Я следом! Если получится. С дебилом этим!

Вспышка.

Миха выпал из портала и, не успев сгруппироваться, ткнулся носом в перепрелую смесь тонких веток, лесной травы и перегнивших листьев. По инерции перекатившись в сторону, он сразу попал в крепкие руки приятелей, которые, не давая ему очухаться, споро оттащили его в сторону от воронки.

— А где сержант и Георгич? — нервно спросил Вадим.

— Следом должны стартануть. Сержант там что то затупил по-черному, Георгич его вроде как вразумлять пытается. — не отводя взгляда от места приземления, нервно ответил Миха.

— Парни, смотрите! — крикнул вдруг Леха, показывая пальцем на воронку-портал. Ее края, косвенно обозначающие контуры границы между мирами, озарились тревожным малиновым цветом, а невидимое зеркало портала вдруг проявилось, но не в виде вспышки мгновенного электрического разряда, а чем то, напоминающем неподвижную, с застывшими в стоп-кадре синими искрами пленку мутно-серого цвета, очень похожую по цветовой гамме на экран советского черно-белого телевизора в момент включения.

— Стоять! — Вадим, резко вскинувшись, остановил за плечо дернувшегo было к portalу Миху. — Куда? Смотри, чего там творится! Портал цвет поменял!

— Так там же Георгич остался! Вытаскивать его надо!

— Стой, говорю! — повторил Вадим. — Видишь, какая херня недобрая происходит?

— Ну, вижу! А ты чего, спец по порталам в прошлое стал? По цвету научился отличать одну неведомую херню от другой? — огрызнулся Миха. Скинув руку Вадима с плеча, он разбежался и рыбкой прыгнул в туманное зарево, отчетливо видимое между деревьев. Но, в какой то момент, буквально за наносекунду до того, как Миха должен был пересечь границу между реальностями — туманное зеркало портала сверкнуло вспышкой красного цвета и исчезло. Миха, не ожидающий такой подставы и не успев ничего предпринять, с матюками нырнул плашмя в воронку, больно окаярив руку о гнилое бревно, лежащее на дне воронки.

— Вроткомпоттротилавдушумать! — раздался яростный Михин рык со дна воронки. — Что, бля, за херня?? Где, мать вашу — прошлое?

— Вылазь давай! — подойдя к краю ямы, протянул ему руку Вадим. — Походу- портал закрылся.

— Понял, не дурак! Дурак бы не понял! — схватился Миха за протянутую руку и чертыхаясь, вылез из воронки. — И хули делать будем? Георгич, походу там вместе с сержантом застрял! Как их вытаскивать то будем?

— Ну, сержант-то точно не застрял. — сказал молчавший до этого момента и мрачно наблюдающий за происходящим Леха. — Он то у себя дома — в своем времени. А с Георгичем надо что то решать. Оставить его там нельзя.

— Умный, типа? Понятно что нельзя! И как мы его оттуда вытаскивать будем? Что это вообще за хрень такая- дверь в прошлое? Ты шарить в этом?

— Так! Брейк! Разбежались! — в примирительном жесте поднял руки к небу Вадим. —

Только драк мне тут не хватало! Один в говно пьяный, до сих пор дрыхнет и даже не мычит, второй пропал хер знает где и когда, еще двое тут по фантастической физике письками меряться начинают! Выдохнули, оба! Чапай думать будет!

— Ну давай, Чапай- думай! Только не слишком долго! — выудив из смятой пачки сигарету и закурив, чуть спокойней сказал Миха. — Там самолеты уже в пределах слышимости — помнишь? Минут пять еще, и разнесут все в мелкий салат «Оливье»!

— Не умничай мне тут! Если и пытаешься блеснуть эрудицией — должен знать, что крошат все в мелкий винегрет, а не в оливье!

— Да какая нахер разница! Хоть в селедку под шубой обзови — все равно мелкий фарш на выходе останется! — Фарш, не фарш, а портал закрылся! Ты же морду лица своего где сейчас разодрал? — стал закипать Вадим.

— Где, где? У красном уголке, бля! Мы тут сопли жуем, а там Георгич остался! А там сейчас, сука, люфтваффе налетит, чтоб им дошиком просроченным подавиться! — продолжал бушевать Миха.

— Какие варианты имеем? — охладил ушатом ледяной воды критики разгорающийся костер эмоций Леха.

— Вот что ты за человек, Алексей! — укоризненно покачал головой Вадим. — Вот так точно кинуть говна на вентилятор и не попасть под ответку — это ж талант нужен! У тебя случаем предков в роду родом из Одессы не было?

— Случайно не было. Да если бы и были, смысл сейчас петросянить? Надо репу чесать! Положение у нас сейчас — не пришей к звезде хвост: кореш наш, с кем пол-тонны соли съели, хрен пойми где- машина тут, хозяина нет. Налицо умысел коварный- либо зажмурили из-за тачки, либо хрен знает вообще. Я вам как бывшим мент скажу — сто пятаю можно нам на ровном месте нарисовать.

— А как же нету тела- нету дела?

— Вадим! — поморщился Леха. — ну что ты как маленький то? Сам знаешь, как у нас работают! Дай только хвост прищемить, и понесется душа в рай! По биллингу пробьют — с кем рядом в последний раз телефон Георгича соседствовал, плюс не дай Бог патрончик какой найдут — тут уже три гуся в полный рост могут нарисоваться! До кучи с нами народ тусуется, которого по определению ни в каких базах быть не может! Короче- здравствуй, жопа, новый год!

— Вы как хотите, а я ебану! — забил на все и потянулся к фляжке Миха. — Что там завалят, что тут посадят — один хрен! Хули, бойцы, приуныли? — подмигнул он ничего не понимающим красноармейцам. — Наливай, а то уйду! Да что ж такое то? Шутка это, юмора! Выпьем, говорю, пока руки целы и ноги держат!

— А что вообще происходит, можете объяснить, товарищи?

— Не можем объяснить, товарищ. Сами не в курсах.

— А.?

— Бэ! Чуваки, вы в будущее попали, в наше время! Хули тут объяснять? На дворе две тыщи двадцатый год, война закончилась, мы победили, Гитлер сдох! Че вам еще не хватает?

— А где сержант наш, товарищ Величко?

— А это, братцы, разговор уже серьезный. — насупился Вадим. — Сержант ваш остался в прошлом — в Вашем времени. Но беда еще и в том, что там с ним остался и наш товарищ- Андрей Георгиевич, но самое поганое, парни — обвел всех тяжелым взглядом Вадим. — По нашим сведениям, а они очень достоверны, и нет смысла им не доверять! — вашу располагу

в данный момент, вернее будет сказать — восемьдесят лет назад — ровняют с землей и превращают в лунный ландшафт поганые асы Геринга — гребаное люфтваффе! Налей-ка и мне, Мишань!

— Есть идеи у кого, как Георгича вытаскивать будем? — спросил Леха. — или бухать будете, как Серега наш, и ебись оно все конем?

— Ну что же сразу грубо-то так? Говоришь так, как будто мы бухаем без просыху! Кстати о птичках, а алкаш то наш как там, пришел в себя?

\-Нет еще, но скоро.

— Счастливый человек, хули! В прошлое попал, нажрался синьки, и похую мороз! Мы там гансов мудохали, а он пузыри счастливые пускал. Ведь точно, когда отдуплится- и ведь нихрена не вспомнит!

— Да нах такое счастье! Его бы танк спьяну задавил, а он бы и не понял бы!

— Что то вы парни, шуткуете невместно! — остудил горячие головы Вадим. — Как то странно ведете себя: и во времени в прошлое переместились, и в настоящем бою поучаствовали, и кровушку вражескую всамделишную попроливали, и комрада потеряли, и все ржете, как жеребцы стоялые! Посттравматический синдром на вас так подействовал или синька успела по мозгам ударить?

— Вадюх, не разоряйся, мы все прекрасно понимаем. Сами в шоке!

— Ну что, земля, дверка похоже того — закрылась? — сказал Георгич, с мрачной усмешкой, напоминающей скорей гримасу, наблюдая за тем, как сержант Величко, матерясь в приступе бессильной злобы безуспешно колот штыком винтовки воздух над собой.

— Ты-то чего спокойный такой? У самого ведь тоже улизнуть не получилось!

— Да не психуй ты! Главное раненых успели эвакуировать в место безопасное! Ты о другом мозги свои наморщи! Через пару минут здесь живого места не будет — валить надо в темпе вальса!

— Откуда уверенность такая? Может самолеты мимо пролетят по делам своим, или может вообще- это наши самолеты?

— Дурака выключи, боец, ноги в руки, и побежали! Потом все расскажу, если в живых останемся! — с этими словами Георгич схватил сержанта за рукав ватника и с силой потянул в сторону леса. — Давай, бегом!

Гул самолетов все нарастал, и вот из-за низких облаков, едва не цепляясь за верхушки стройных елей своими неубирающимися шасси, вынырнула четверка «Лаптежников» — Юнкерсов Ju-87. Покружив над полем недавнего боя, стая пикировщиков, видимо, получив приказ от командира по радиосвязи, резко набирая высоту, устремилась вверх. Пикировщик Ju-87 имел некоторое сходство с хищной птицей, а в его контурах просматривалось что-то звериное — воздухозаборник позади и ниже винта напоминал широко разинутую пасть, а неубирающееся стойки шасси с объемными обтекателями напоминали выпущенные когти. Все эти особенности крылатой машины для убийства производили сильный психологический эффект на тех, на кого пикирующий бомбардировщик с диким воем сирен и неумолимой точностью сбрасывал свои гостинцы. Покружив в вышине и похоже убедившись, что на земле нет средств ПВО и вообще чего либо, что может дать серьезный отпор крылатым стервятникам, самолеты, подчиняясь командам опытного командира, завалившись при выходе из смертоносной карусели на правое крыло, резко спикировали к земле, оглашая окрестности раздирающим душу воем механических сирен, от которого стыла кровь в жилах и парализовывало всю волю к сопротивлению. Вопреки расхожему мнению о том, что сирены, издающие этот душераздирающий вой, были изначально придуманы как психологическое оружие с целью навести еще большую панику на врага, и, дескать, их придумал чуть ли не сам Гитлер — все это не особо соответствовало истине. Да, когда на тебя пикирует такая штука и ты знаешь, что на самой высокой ноте этого дьявольского воя от самолета отвалится чугунный подарочек, набитый взрывчаткой, и возможно он летит прямо тебе в темечко — и у самого храброго человека, как минимум, на лбу выступит холодная испарина. Все было гораздо проще. Немцы, изготавливая самолет, думали в первую очередь об экипаже. Когда в начале войны наши зенитчики и асы-пилоты повыбивали много опытных пилотов Люфтваффе, и гитлеровцам пришлось восполнять экипажи вчерашними курсантами, эта сирена была в каком то роде предохранителем и нивелировала недостаток знания пилотирования. В момент пикирования, чем ближе самолет приближался к земле, тем была выше тональность воя, и неопытный пилот мог успеть отвернуть от неминуемой встречи с землей. Так же при достижении определенной высоты на приборной панели загоралась лампочка, летчик активировал сброс бомб, и специальное устройство выводило самолет из пике. Все эти факты, прочитанные когда то в

Интернете, промелькнули в голове у Георгия, пока он большими прыжками преодолевал снежные навалы, умудряясь тащить за рукав матерящегося сержанта.

— Давай, не отставай!

— Да бегу я!

— Быстро, вон за то дерево нам надо! — запыхавшийся Георгий кивнул в сторону огромной ели, неизвестно когда вырванной с корнем ураганом и сейчас лежащей полусгнившей и засыпанной снегом кроной в сторону спешащих к ней людей. Огромный выворотень с корнями и остатками грунта представлял собой неплохое убежище от пуль и осколков, правда сводя на нет все преимущество в случае прямого попадания авиабомбы. Самолеты в вышине стремительно приближались к земле, мерзко завывая своими механическими голосами, и в какой то миг, подчиняясь сигналам альтиметра о достижении критической высоты, поочередно, задрев носы, устремились назад в небо, облегчившись несколькими пятидесятикилограммовыми бомбами.

Мгновение, и на лесной дороге, на которой все еще лениво курились дымки догорающей вражеской бронетехники и валялись трупы убитых гитлеровцев — разверзся филиал ада на земле. Мощная взрывная волна от пары первыми одновременно достигших земли бомб с силой толкнула Георгия и сержанта в спины, придав ускорение на манер пинка великана. Благодаря тому, что бомбы упали в глубокий слежавшийся снег, большинство осколков увязло в нем, однако одна из последующих бомб попала прямоком в кузов обгоревшего транспортера. Раздавшийся следом оглушительный взрыв, многократно усиленный детонацией невзорвавшегося боекомплекта в мгновение ока разметал остатки броневика, превратив его фрагменты в дополнительные убойные элементы дьявольской шрапнели, которые с визгом и воем разлетелись по округе, выкашивая деревья и ветки и наконец, потеряв свою сокрушительную убойную силу, с шипением и паром погружались в почерневший от копоти снег. Упавшие следом оставшиеся бомбы не вызвали таких умопомрачительных эффектов, кроме как взметнувшихся к вершинам фонтанов снега и грязи, лишь последняя, чиркнув боком по щитку танка, высекла наподобие спички о коробок сноп искр и тут же рванула, завалив подбитую бронемашину набок. Все открытое пространство заволкло едким дымом от сгоревшей взрывчатки, к запаху которой добавились нотки раскаленного металла, горелого человеческого мяса и, неожиданно — свежей хвойной смолы от перемолотых злобой сумрачного военного гения в щепки близлежащих елок. Четверка самолетов, из-за дыма внизу потерявшая из виду цели, еще несколько раз спикировала на уже бывшую лесную дорогу, деловито поливая все под собой длинными очередями бортовых пулеметов, да пару раз бабахнули съэкономленные при первой бомбежке авиабомбы. Сделав над лесом круг на прощание и не дождавсь ни одного ответного выстрела с земли, вражеские пилоты, видимо посчитав миссию выполненной — легли на обратный курс, устремившись в серые облака. Через пару минут, когда звук самолетных двигателей исчез где то вдаль, на лес снова опустилась нарушенная бомбардировкой тишина, лишь изредка, где то в догорающем танке щелкал раскалившийся пистолетный патрон да большая ветка, срезанная крупным осколком и висевшая на тонкой полоске коры, вдруг вспомнила про гравитацию и с шумом и треском рухнула на землю.

— Ты там как, живой? — из нерукотворного укрытия приподнялся Георгий, кашляя и яростно отплеываясь.

— Не дождутся фрицы проклятые! — из под корней упавшей ели пошатываясь, медленно выполз на свет Божий полу оглохший от близких взрывов сержант.

— Шутишь? Это хорошо!

— А? Чего говоришь, не слышу! Говори громче!

— Говорю, в роду у тебя евреев не было? — повысил голос Георги́ч.

— А причем тут мои родственники? — сержант, отряхивая с одежды землю. Попытался выпрямиться во весь рос, но его лицо приняло болезненное выражение, и он смачно нецензурно выругался.

— Что с тобой, зацепило? Дай-ка погляжу!

— Да не, вроде цел... Контузило слегка..

— Ну вот, а ты сомневался в моих словах, что ноги уносить надо! — Георги́ч оглядел бывшее поле боя и присвистнул. — А не хреново они тут все перепахали! Ни своих, ни чужих не пожалели!

— Ты что то знаешь?

— Мы же тебе рассказывали, что, все позабыл уже? А, тебя же контузило... — Внимательно взглянув на сержанта и оценив его потрепанный вид, с досадой махнул рукой Георги́ч. — По нашим архивным данным, в марте сорок второго вы остановили отряд фашистов, которые шли на выручку к своим. То ли кто то выжил, то ли еще как карты сложились, но кто-то сообщил немцам о происшествии, и они оперативно прислали звено Люфтвaffe, которое, не разбираясь, покroшило все в труху. Насколько правдивая информация в архиве, утверждать не берусь, но там ясно указано — с нашей, советской стороны живых никого не осталось, одни двухсотые.

— Какие-какие?

— Двухсотые, в смысле погибшие. Этот термин тебе точно не знаком — извини, все время забываю, из какого ты времени. У нас в восьмидесятых годах прошлого века, прости — твоего века, была война в Афганистане, советские солдаты выполняли так называемый «Интернациональный долг» — помощь братскому народу Афганистана. И как на всякой войне- а по другому это не назовешь, были погибшие и раненые. Погибших вывозили на самолетах, запаянных в цинковых гробах. Гроб с телом примерно весил около двухсот килограмм, отсюда и название — «груз 200». Трехсотыми называют раненых, по смыслу- раненый и два сопровождающих его весят примерно триста кило. С тех пор названия прижились, и на войнах, и в книгах и фильмах потери всегда обозначали такими цифровыми аббревиатурами. Так что, сержант, у тебя сегодня в каком-то роде второй день рождения! Поздравляю!

— Спасибо за здоровый сарказм. Ты гляжу- умный, начитанный, городской, похоже... Давай-ка так сделаем — я временно передаю тебе командование, благо все равно подчиненных поблизости не наблюдается, а я контуженный. А от тебя хоть какая то польза имеется. Да хотя бы от знаний твоих! — добавил твердой решимости в голос сержант, видя колебания Георги́ча.

— Хм... Весьма неожиданно!

— Не хмыкай, я не шучу. Только пользы дела для! А со своими воссоединимся, тогда и назад обернемся! Договорились? Хорошо! — оценил он нерешительный кивок собеседника. — Так что делать то будем, товарищ новоиспеченный командир? И это... у тебя выпить есть?

— А ко времени ли пьянствовать?

— Так ты же сам сказал — День рождения. Надо отметить!

— Ну, некая логика в твоих словах присутствует, хоть и говоришь, что контузило.

Короче! Слушай мою команду, сержант! Перво-наперво: осмотреть позиции с целью выявления и сбора трофеев. Если что то непонятное обнаружится, или странное... Короче-то, что не сможешь идентифицировать, ну, блин, опознать — сразу меня зови! Второе: осмотреть и оценить разрушения жилищного фонда! Ну землянка твоя, где ты был расквартирован: посмотреть — не пострадала ли она при бомбежке и пригодна ли для дальнейшего использования по назначению! — поспешил растолковать свой приказ Георгич, видя непонимание в глазах сержанта.

— Есть! Разрешите выполнять, товарищ... А кто ты кстати по званию, как к тебе обращаться?

— Прапорщик.

— Бреешь, поди? Прапорщики у нас были только в Царской армии, их еще в семнадцатом году отменили!

— Опять- двадцать пять! А к твоему сведению — первого января семьдесят второго года это звание в Советской Армии снова вернули!

— Так это когда еще будет? А сейчас как к тебе при бойцах обращаться? Солдаты точно не поймут! Либо за шпиона глупого примут, который толком не разобрался в табели о рангах, а туда же — шпионить полез! Такого возьмут под локоток, отведут в лес, где воздух чище да и шлепнут без суда и следствия по закону военного времени, либо примут за прихвостня белогвардейского старорежимного, с тем же предсказуемым результатом!

— Хм... не подумал. Давай зови меня мичманом, это звание аналогично прапорщику, только морское. Так доступней для разума?

— Вполне! Разрешите выполнять, товарищ мичман?

— Выполняй!

Георгич присел на ствол поваленной ели, той самой, под вывороченными корнями которой они с сержантом укрылись от вражеского авианалета, пошарив по карманам, выудил помятую после последней переделки пачку сигарет и зажигалку, и неторопясь закурил. После недавно произошедшего выброса в кровь адреналина горьковатый сигаретный дым успокаивал, заодно разбавляя своим мягким ароматом резкий удушливый запах недавнего боя, который даже при наличии слабого ветерка не торопился рассеиваться и покидать поляну. Покуривая и краем глаза наблюдая за сержантом, который пошатываясь и прихрамывая после недавней контузии обходил поле брани в поиске трофеев и просто полезных вещей, Георгич задумался, пытаясь по давным- давно вбитой в подкорку мозга привычке все анализировать и раскладывать все по полочкам вычленить главную мысль.

«Так, вроде все идет по старинному сценарию — колонна, атака, бомбежка. Единственно- там все погибли, тут — сержант выжил. Мистика? А то что я тут сижу, а парни там — не мистика? Пройдемся дальше — портал вроде как давно функционирует, пропажи людей еще во времена революции были. Факт? Теоретически да — факт, но не подтвержденный. Далее. Почему портал закрылся? Не предназначен для частого использования? Не факт — в гражданскую целый отряд сразу пролез. Факт? Не уверен — слухи, свидетелей нет. Дальше. В первую ночь, когда мы у костра сидели и парни пьянствовали- что странного было? Правильно — трассеры летали, а звуков пальбы особо не было. Дальше. Серега гильзы находил, от парабеллума свежие. Пальбы не было, а гильзы есть. А Мишаня с Лехой наоборот пальбу очередями слышали, еще при подъезде, днем. Объяснение? Вижу два. Либо кто то еще на нашу сторону провалился, и пуляет там из нарезного автоматического, либо портал существует не в единственном экземпляре.

Возьмем на заметку, как вариант. Блин. Еще один вариант возможен — портал один, но он перемещается. Это хуже. Как и где его искать? Нет ответа! Еще вариант: портал закрылся, но потом откроется в другом месте. Опять плохо. Как его искать? Он же невидимый!»

— Эй, мичман! — отвлек Георгия от мыслей сержант. — Иди подсоби!

— Что такое?

— Да трофеев набрал, один не унесу. Иди — поможешь!

— Да иду. — Новоявленный мичман отбросил догоревший до фильтра окурок и поспешил на помощь. — Ну ни хрена себе, сержант! Ну ты и хомяк! — восхищенно произнес он, глядя на согнувшегося под тяжестью поклажи бойца, на плечах у которого висело несколько автоматов и винтовок, рядом лежало два немецких пулемета и несколько коробок с патронами.

— А это еще что? — кивнул Георгий на несколько ящиков, аккуратным штабелем лежавших неподалеку. Погруженный в свои мысли, он даже и не заметил, как сержант несколько раз подходил, сваливая в кучу затрофейенное добро из грузовиков.

— А это гранаты и запалы к ним. Пойдем, там в грузовике еще несколько таких же осталось, а еще тушенка, сало и несколько бутылок шнапса! Я один все не дотащу, а бросать крестьянская жилка не позволяет!

— Живых там не осталось, в кузове? — кивнул Георгий на грузовик с разорванным в клочья тентом.

— Были. Парочка.

— И где они?

— Да все там же. Только уже не живые.

— Странно. Я выстрелов не слышал.

— А зачем патроны переводить? Я их ножичком пощекотал, и тихо, и патроны съэкономил.

— Да куда нам столько патронов? — изумился Георгий. — Тут на роту с избытком хватит!

— Патронов много не бывает! — отрезал сержант. — хватит болтать, мичман, пойдем — поможешь!

— Ну да, все правильно — запасливый да опасливый два века живет!

— Сам придумал?

— Куда уж мне! — усмехнулся в усы Георгий. — Народная мудрость! Как голова-то, не болит?

— А что такое?

— Ну тебя же вроде контузило? А я тут по карманам порылся, таблетку обезболивающую нашел.

— Нет, спасибо — пока терпимо. Прибереги про запас.

— Хорошо. Куда тащим хабар?

— Чего?

— Находки, говорю! Куда тащим?

— Ты же сам приказ отдал, мичман — в землянку.

— Я приказал проверить ее состояние. Вдруг ее накрыло прямым попаданием?

— Не бойсь, не накрыло. Бомбы все аккурат на дороге легли, а в ту сторону ничего не прилетало.

— Ну — добро, коли так!

— Поменьше болтай, побольше таскай!

— Сержант!

— Аюшки?

— Ты как с командиром разговариваешь?

— Да хорош тебе, мичман! Я тебе полномочия передал не для того, что бы ты тут павлином ходил, перья распушив, а для того что бы головой думал, как моих бойцов назад вернуть, и знаниями твоими помочь Победе нашей! А ящики с припасами таскать- это твоя помощь Победе, пусть и совсем крохотная! Так что не надо к словам придирааться — все-таки общее дело делаем!

— И ведь и не поспоришь!

— И не надо спорить! Тащи давай!

Совместными усилиями сержант и Георгиц за пару часов перетащили в уцелевшую землянку большой запас продуктов, оружия и боеприпасов, превратив ее в битком набитый склад стратегического назначения. Среди трофеев оказалось три ручных единых пулемета МГ- 34, несколько алюминиевых ящиков патронов к ним, десяток пистолетов-пулеметов МП-40, несколько карабинов Маузер 98К (их было больше, но несколько штук было повреждено пулями и осколками, поэтому их побросали в сугробы на обочине, предварительно вытащив из них затворы и забросив подальше в лес), несколько ящиков с патронами разного калибра (винтовочные и пистолетные), три ящика гранат-яиц М-39 и ящик колотушек М-24, к которым в отдельной коробке обнаружились капсули-детонаторы. Так же сержант обнаружил пару пистолетов Люггера Р-08, которые всегда высоко ценились в качестве трофеев, и без колебаний протянул один из них Георгицу.

— Держи! А то какой ты командир да без пистоля! Обойма правда одна, но если интерес есть — пошукай у первого танка. Там командир его валяется, у него я пистоль и одолжил. Поинтересуйся у него насчет обоймы, и может насчет кобуры еще с ним договоришься. — со смешком сказал он.

— Спасибо за подарок! Весьма и весьма! — искренне поблагодарил сержанта Георгиц. — А неплохо мы фрицев обезжирили! Одной провизии сколько! Ты не считал?

— Точный подсчет не вел, но навскидку пара ящиков галет, коробка тушенки, сало в мешке — вес не прикидывал, но добрый кусочек! Шнапса несколько бутылок уцелело — много осколками побило, еще какие то консервы- потом разберемся. Да! Еще куревом разжился — пяток пачек сигарет солдатских и в грузовике коробка небольшая с сигарами на сиденье лежала.

— Живем!

— А то! Как у Христа за пазухой! Только это. — погрузился лицом сержант. — Серегу похоронить бы надо, по-человечески.

— Это который с пулеметом был?

— Да. Рядовой Попков. Геройским парнем был. Если бы не его работа, может и не калякали бы сейчас.

— Да. — вздохнул Георгиц. — обязательно похороним. У тебя лопата какая-никакая найдется?

— Да. БСЛ-ка одна была. Тебе ее дам, а мне малой пехотной сподручней.

— Где хоронить будем? Может, воронку какую углубим?

— Негоже советского воина, геройски погибшего в бою, как собаку- на дороге закапывать. Дорога есть дорога — она для техники, а не для захоронений. Надо место какое-

нибудь повыше найти, где посуше.

— Пошли.

Подойдя к погибшему бойцу, сержант с Георгием обнажили головы. Снег, который после взрывов осыпался с веток деревьев, присыпал бойца, заретушировав страшные раны, отчего тот напоминал какой то изломанный манекен, по нелепой случайности оказавшийся в холодном лесу. Сержант, покосившись на Георгия, украдкой перекрестился и присев перед погибшим, закрыл ему глаза.

— На войне атеистов нет. — ни к кому не обращаясь, негромко проговорил в пространство Георгий.

— Спи спокойно, Серега! Вечная тебе память! Обещаю — мы отомстим за тебя и обязательно победим! — не обратив внимания на слова собеседника, сказал сержант.

— Сержант!

— Чего тебе?

— Посмотри, медальон смертный у него заполнен?

— Скорей всего нет. Это считается приметой плохой. Да и смысл?

— Про приметку эту я знаю. Это как раз и является проблемой большой. Вот похороним его сейчас, буквы на кресте вырежем, к примеру. А крест то деревянный- недолговечный! Либо пожар какой лесной будет- сгорит, либо сгниет через пару лет. И получится у нас Неизвестный солдат.

— И что предлагаешь?

— Надо медальон заполнить, обязательно. В моем времени целое поисковое движение организовалось, даже регулярно сотни человек по весне на Вахты памяти ездят. Ищут без вести пропавших и с почестями их перезахоранивают. Только постоянно одна и та же проблема- чистые медальоны, без информации. Крайне повезет, если на теле ложка или котелок с инициалами накарябанными найдется, а если нет- все, пиши пропало.

— Идея стоящая.

— И еще, как это не вульгарно звучит- обязательно надо к нему в могилу пулемет его разбитый положить.

— А это что еще за бред сивой кобылы?

— Через пол-века холмик могильный осядет, травой зарастет. А большое количество металла сразу металлодетектор засечет, поисковики начнут рыть и Серегу обнаружат, и перезахоронят по-человечески, на Аллее героев.

— Ну ты и продуман, мичман! Не зря я тебя в комсостав определил! А что за Аллее такие?

— Во многих крупных городах на кладбищах места выделяют, где героев войны хоронят. Как раз и тех, что такие как мы — поисковики, находим. Они потом еще и спасибо скажут, если бойца опознают!

— Уговорил. Где хоронить будем?

— А вот местечко пригожее. — кивнул чуть в сторону Георгия. — Пригорок, не низина, грунтовые воды не близко. Я копать начинаю, а ты медальоном займись.

— Добро.

С земляными работами закончили примерно за час — земля на глубине со штык лопаты, на удивление, не промерзла до каменного состояния, и легко подавалась остро заточенным лопатам. Углубившись примерно на метр, Георгий при очередном ударе лопатой задел ей за что то, издавшее глухой металлический звук. Отложив лопату в сторону,

он достал из кармана нож и стал аккуратно прощупывать почву вокруг подозрительного предмета.

— Тьфу ты! Привычка — вторая натура!

— Что случилось?

— Да вот, видишь ли, как привычка въелась! Привыкли, что если что-то железное в раскопе находим, соблюдать технику безопасности! А вдруг ВОП какой окажется? И только сейчас дошло — какой там ВОП, если мы сейчас на войне, земля целая была и ничего туда прилететь и закопаться не могло по определению?

— А что такое ВОП?

— Взрывоопасный предмет.

— А что, попадаютса часто?

— Ты даже не представляешь, насколько часто! И как много людей на них подрывается! И на Вахтах памяти, и просто одиночки-копатели! Минометная мина, к примеру: самая распространенная находка на местах боевых действий. А пока до капсуля не доберешься — не поймешь: просто так обронили и она безопасна или же наоборот — капсуль наколот, вылетела, отказала и стоит на боевом взводе! Лимонки те же, взять к примеру: многие на сувениры домой ташат, предварительно начинку в костре повыжигав. Но это если ты ее без запала нашел, с заглушкой транспортировочной! А много придурков пытается запал выкрутить, и бац! Мгновенный подрыв.

— Это еще почему?

— Восемьдесят лет в земле: сырость, перепады температур. Начинка разлагается на химические элементы, которые уже не так стабильны, как с завода. Детонатор латунный вступает в реакцию с начинкой своей, и вырастают из него в тело взрывчатки маленькие кристаллики, очень чувствительные к механическому воздействию. Чуть провернешь запал по резьбе, кристаллик ломается — и тью-тью. Никакой задержки, никаких трех-четырех секунд!

— Весело там у вас!

— Да не то слово! Обхохочешься!

— Ладно, не разглагольствуй! Выкапывай давай, что там у тебя зазвенело!

— Точно, что-то я разболтался, о деле забыл! — Георгиц с размаху вонзил штык лопаты в землю и с силой подковырнул.

— Нечто железное, длинное и ржавое! — орудуя лопатой, комментировал он. — С первой попытки не поддается, попробуем с другого бока. — Да ебать — копать!

— Что там? — присел на корточки возле ямы сержант.

— Похоже на саблю! Подгнила хорошо, но профиль угадывается. Длинною чуть меньше метра, с защитой ладони и боковым наростом. Польская, что ли? А ведь похожа! Этими местами поляки любили шастать в набеги, сотни лет назад. Никогда бы не подумал, что найду такое, да еще при таких обстоятельствах!

— Дай-ка к истории прикоснуться! — протянул руку сержант. Приняв из рук Георгица саблю, он острием лопаты аккуратно соскоблил землю и ржавчину с клинка, присмотрелся и вынес вердикт:

— Да, любопытненько! На казачью шашку похожа, у бати моего была такая, только здесь кончик острый. Ладно. — вздохнул он, передавая находку Георгицу. — Завязываем с археологией, мы здесь по другому поводу!

— Твоя правда! — повертев в руках саблю, Георгиц с некоторым сожалением бросил ее

на дно открытой ямы. — Пусть лежит, где лежала!

Выстелив дно ямы свежесрубленными еловыми ветками, сержант с помощью Георгича аккуратно опустил на них тело бойца, перед этим не забыв изъять у того из смертного медальона второй бумажный вкладыш для отчетности. Сверху тело накрыли плащ-палаткой убитого, которую сержант предусмотрительно принес вместе с лопатами. Поверх плащ-палатки, не бросая, а аккуратно, проявив уважение к погибшему солдату, положили израненный пулемет, и только после этого, не забывая поглядывать по сторонам- взяли за лопаты.

Закидав свежую могилу землей и насыпав сверху холмик, сержант с Георгичем молча присели на корточки с краю, думая каждый о своем. Лесные обитатели, еще не пришедшие в себя после яростной какофонии недавнего боя, настороженно молчали, разлетевшись и разбежавшись по дальним закоулкам леса, лишь где то дятел, верный принципу — «война войной, а обед по расписанию» совершенно не обращая внимания ни на что, продолжал долбить дерево с упорством «того самого соседа с перфоратором».

— Мичман, куревом не богат? — прервал затянувшееся тоскливое молчание сержант.

— Угощайся! — протянул ему в ответ помятую пачку с зажигалкой внутри Георгич.

Закурив, сержант благодарно кивнул и вернул сигареты хозяину.

— Что дальше то делать то будем?

— У меня приказ: держать дорогу до прихода основных сил. Двое у меня ушли в роту, один геройски пал в бою, остальные незнамо куда провалились вместе с твоими через эту хрень светящуюся. Короче, я один, а приказ выполнять надо. Поможешь мне?

— А куда деваться? Портал закрылся, надеюсь конечно, что не навсегда. Форму какую —нибудь лишнюю найдешь мне? А то я в «горке» своей, мало того что не по сезону одет, так еще всех шокировать буду.

— Найдем. Я тут чего подумал. — попыхивая сигаретой, продолжил сержант. — Перед тем, как нас сюда передислоцировали, у меня боец один пропал. Что с ним и как это произошло — не понятно. Может, миной разорвало, может немцы утащили..

— Как это — непонятно?

— А вот так. Немцы нас вечером- уже темнело, из минометов обстреляли, плотно так. Устроили массиванный обстрел.

— Не пойму, куда ты клонишь.

— Сейчас все объясню. Раненых в тыл отправили, пополнение дали, и направили нас сюда. А один боец без вести пропал — тела его не нашли. А у нас какие требования по персональному учету потерь? Без вести пропавшие в течении пятнадцати дней учитываются как временно выбывшие. После добавляются в списки безвозвратных потерь, а уж после сорока пяти дней направляется извещение родственникам, при их наличии.

— Я читал об этом. Но все равно не пойму, куда ты клонишь?

— Звали его Егоров, ефрейтор Виктор Егоров. И он очень на тебя похож. Только без усов. Вот если усы сбреешь — вообще вылитый будешь! Я тебя когда увидел, решил, что ты-как минимум брат его родной. А самое главное. — добравшись до главного и усиливая эффект от своих слов, сержант поднял указательный палец и со значением закончил фразу. — Пятнадцать дней еще не прошли и его документы все еще у меня!

— Да ну нах! — не сдержал эмоций Георгич. — Как ты меня ловко в звании понизил!

— Да что ты за человек то такой, мичман! — обиделся сержант. — Сам то понимаешь свое положение? Свалился хрен знает откуда, форма не пойми какая, в списках никаких нет,

документов никаких тоже нет! Ладно я, и мои бойцы своими глазами ваш портал видели, а другие? Ты же как минимум подозрительный тип, в прифронтовой полосе! Никто и разбираться не будет, решат что казачок засланный и шлепнут по законам военного времени и все! Понимаю, что ты не в своем времени оказался, но вернуться назад по щучьему велению сейчас же не получится! Хер его знает, когда ваш портал откроется и откроется ли вообще! А так какое то время ты можешь здесь побыть, внимания ни чьего не привлекая! Опять же — ты мужик геройский, в бою тебя рассмотрел! Был бы из моего отделения-глядишь, и к награде предоставили бы! Что думаешь?

— Пойдем в землянку, бойца помянем. Да заодно и документы покажешь, ефрейтора твоего.

— Вот это дело! — повеселел сержант и поднялся на ноги. — Пошли. Только аккуратно. Война еще не закончилась и врагов никто не отменял.

Ночь наступает в лесу совсем не так, как например в городе или поле. Городской житель, особенно в городах-миллионниках; с молочных зубов привыкший к в любое время дня и ночи горящим фарами автомобилей и никогда не гаснущей рекламе, и вечно уткнувшийся в свой смартфон, может и не сразу осознать, что солнышко уже давно ушло на покой. В поле всегда наблюдается прямо противоположная картина — солнце лениво опускается все ниже и ниже к земле, медленно и величественно погружается, как Титаник в воды Атлантики, за горизонт, но все равно еще долго подсвечивает небо закатным заревом, не разрешая ночи сразу вступить в свои права. Вечер в лесу — прямая противоположность вечеру в поле. Как бы последние лучи света не пытались задержаться на играющей буйными красками зелени, как бы не перекрашивали в червонное золото стволы благородных сосен — великанов; — с каждой минутой ночь все стремительнее возвращала свои утром отданные без боя позиции, одерживая очередную ежевечернюю победу в бесконечной войне света и тьмы. Точно такая же ситуация проходила в данный момент на некоей поляне в лесу, в центре которой весело потрескивая, горел приличных размеров костер, а в нескольких шагах от него лежала по-хозяйски припасенная приличных размеров гряда свежеперепиленного в поленья сухостоя. Вокруг костра, на некотором отдалении от него, стояло три автомобиля, отражая хромированными деталями и стеклами отблески огня, да под прикрытием их металлических туш приютилось четыре туристических палатки-купола, разных размеров и расцветок.

У костра — кто сидя на поленьях, кто на туристических табуретах, а кто и вовсе на сырой земле, поджав под себя ноги по-турецки, расположилась разношерстная компания; одетая довольно разнообразно с точки зрения моды и эпох: на одних были туристические «горки» и разгрузочные жилеты, другие щеголяли в советских гимнастерках времен Великой отечественной войны. Посторонний наблюдатель, случись ему оказаться поблизости, подивился бы еще и факту наличия и разнообразия огнестрельного оружия, лежащего поблизости на туристическом коврик. К счастью, постороннему наблюдателю не откуда было взяться в вечернем лесу, иначе бы он долго удивлялся отличному состоянию и сохранности оружия, произведенного по меньшей мере чуть меньше века назад. Судя по косвенным признакам, как то вытоптанная трава, засохшая до состояния камня грязь на протекторах шин внедорожников и несколько битком набитых мешков мусора — компания облюбовала это место явно не два часа назад. Более внимательный наблюдатель мог бы опознать в содержимом одного из мусорных пакетов пустые водочные и коньячные бутылки, а так же множество смятых пивных жестянок. Початая упаковка пива лежала под одним из автомобилей, видимо закинутая туда еще днем, для предохранения от нагрева на солнце, да пара целых бутылок более крепкого алкоголя, из тех — что были на виду; смиренно дожидались своей участи, стояли в шаговой доступности от стола, прислоненные к колесу Уаза. Сбоку, чуть в стороне от костра, стоял небольшой раскладной мангал, на котором на решетке для гриля высокий человек в очках и в потертом камуфляже жарил сочные, истекающие жиром колбаски. Рядом, на самодельном фанерном ящике с приделанной сбоку ручкой для переноски и окрашенным в защитный цвет, являющимся транспортировочным контейнером для двухкомфорочной походной газовой плиты и бережно застеленным пустым полиэтиленовым пакетом с логотипом известного алкомаркета, дожидался своей очереди на гриль аккуратными кусками порезанный черный хлеб, уже немного зачерствевший, но от

этого не потерявший аппетитного вида и аромата. Человек снял с мангала решетку, внимательно поглядел на тлеющие угли и для полноты тактильного восприятия температуры медленно провел над ними ладонью. Жар, видимо не произвел на человека должного впечатления, поэтому он, переложив решетку в левую руку, взял в правую укороченную совковую лопату и подошел к основному костру.

— Лех, поддержи-ка жареху. — Обратился он к одному из компании и передал тому решетку с уже слегка подрумянившимися колбасками.

— Чего задумал, Вадим?

— Углей маловато, до утра жарить будем. Думаю из костра угольков набрать, и туда подсыпать.

— Правильно мыслишь! А то народу полно, все голодные, вторую партию надо уже жарить, а ты с первой все никак не справишься! — влез в разговор неугомонный Пашка.

— Че, умный самый? Взял бы да помог!

— А вот и помогу! Серега, наливай! Поможем Вадику — он жарит, мы пьем!

— Вот вы ироды! Из-за вашей синьки, конкретно из-за Серegiной мы чуть не погибли, и Георгича потеряли!

— Тьфу-тьфу-тьфу! Сплюнь, не каркай!

— Я не каркаю, а говорю как есть! Как Георгича назад вытаскивать будем? А парней как домой в их время возвращать будем?

— Зато смотри какой хабар подняли!

— Серег, чья бы корова мычала! И чего ты с этим хабаром делать будешь? На стену повесишь? Или на девятое Мая салютстроишь? Надо думать, как кореша нашего спасать, и парней домой переправлять! А то думается мне, дождемся мы на свою голову «эффекта бабочки»!

— Слышь, Вадюх! — влез в разговор молчавший до сих пор Миха. — Мне кажется, что насчет «эффекта бабочки» ты прав, мы его дождались, и он уже начал проявляться.

— С чего такие мысли? — заинтересовался Леха.

— Да вот гоняю в голове мыслишки всякие, и выходят одни нестыковки.

— Например?

— Что там Костян в архивах вычитал? Немцы взяли проводника, он повел их через болота, но успел сообщить нашим. Наши устроили засаду, покрошили всех, кто то из гансов выжил — вызвал авиацию. Так?

— Ну, допустим.

— А где проводник был? Его кто-нибудь видел?

— Хрен знает, может он в кузове сидел с солдатами?

— Ага, и оттуда дорогу показывал? Каким образом, интересно? Проводник по уму должен сидеть в машине, желательно в голове колонны, что бы дорогу показывать, типа — «лево-право, право-лево»!

— Так первым же танк шел, может он в нем сидел?

— Хрен знает. Все это как то очень за уши притянуто. Замнем пока для ясности. Далее. Мне кажется, бойцы не были предупреждены о приближающихся врагах, они просто дежурили. Иначе, мне кажется, они заранее бы подготовили засаду по всем правилам — типа как мы сделали — отсечь хвост и голову и уничтожить середину.

— Так это легко проверить! Парни! — обратился Пашка к бойцам, которые несмотря на теплый вечер, упорно не желали расставаться со своими ватниками, и сбившись в кучку,

жались поближе к костру. — Вам сержант ваш какую задачу ставил, когда на дежурство отправлял?

— Да ничего особенного. — за всех ответил Юрка Бондарь. Он уже немного освоился в непривычном поначалу для него мире, и сейчас, греясь у пламени костра, блаженно потягивал из банки пиво, ностальгируя по полузабытым мирным довоенным денькам. — Отправил в секрет, велел сидеть тихо, не курить — типа табачный дух в лесу на много верст разносится. Следить за обстановкой, ежели что- не медля ему докладывать.

— Ни о какой засаде речи не было. — выступил со своим словом рядовой Коновалов. — Все как всегда: лежать, наблюдать, своего присутствия не выдавать, если что — докладывать.

— И третье. — задумчиво проговорил Миха, механически принимая из рук Пашки протянутую им стопку с коньяком. — Меня очень интересует, кто вызвал самолеты и почему они прилетели так быстро? По архивной информации было, что кто-то из недобитков уцелел, пришел в себя, вызвал пикировщиков. Кто выжил, где прятался, как вызвал? Техника была вся побита — ракеты в те времена по размеру на много отличались от наших — в карман не положишь и в лес с ней не убежишь. Сигнальные ракеты? Не было их, я — во всяком случае, не видел. Были ракеты?

— Нет.

— Не было.

— Не видал.

— И кстати, о Костяне, верней о его собеседнике по форуму.

— А что с ним не так?

— Давайте выпьем тогда уж, что ли.

— За Победу!

— Парни, не только за Победу — это само собой святое, но и за возвращение вас домой и нашего Георгия к нам. За то, что бы получилось!

— Точняк, давай!

— Парни! — выдохнув и поморщившись от выпитого (в отличии от Михи, Вадим коньяк не жаловал и всегда предпочитал беленькую). — Если вдруг поссать кто пойдет или просто за дровами — ходите мимо портала да поглядывайте, вдруг он снова включится!

— А как мы пойдем? Нырять в него вниз головой, как Серега наш?

— Нахрена? Мимо идешь — ветку кинь, назад ползешь — шишку!

— А все таки интересно, почему он вдруг ни с того ни с сего схлопнулся?

— Заболел, хуле! — попытался спьяну неудачно пошутить Серега, но увидев, что его перл не нашел отклика среди окружающих, с целью отвлечения внимания от своей скромной персоны изобразил руками некие пассы, «а-ля отгоняю комаров от центра вселенной в сторону околицы», но увидев удвоенное непонимание в лицах окружающих, окончательно стусевался и потянулся к бутылке.

— Короче, уважаемые! Что мы имеем на данный момент? — Вадим заметил движение Сереги, оценил его стремления и, мгновенно сориентировавшись в ситуации, протянул последнему свою опустевшую стопку для обновления. — А мы имеем следующее: некий портал в прошлое, благодаря которому мы попали в эпицентр боевых действий, в отголосках которых мы планировали поковыряться, используя современные электронные средства поиска.

— Эко тебя нахлобучило, Вадим! — усмехнулся высокопарным фразам Леха.

— Хорошо ржать, я еще не закончил! Подозрительно то, что мы попали именно туда, куда мы собирались и где планировали покопать. Странное совпадение, не находите ли?

— Что есть, то есть. — буркнул Миха.

— Вторая странность в том, что некий внук некоего ганса узнал точное место, и передал нам его через Костяна, грубо говоря — прямо в клювик вложил.

— Вадюх, я что-то не вкурил. Ты что, на Костяна гонишь? — взвился Пашка.

— Остынь, пиздострадалец. Никто ни на кого не гонит!

— А чего ты тогда жути нагоняешь?

— Успокойся! Я пока просто размышляю. И поверь, если я захочу жути нагнать — ты первый эту жусть почувствуешь! Мишань, а ты что думаешь?

— Я думаю, что надо поужинать, допить бухлишко, и лечь баиньки. Сегодня день очень тяжелым выдался, не дай бог завтра такая же шляпа навалится. И нам еще парней надо на ночлег разместить, и о раненых позаботиться. Обезбола вколоть, анальгина там, или что у нас в аптечках найдется, повязки заменить. Дел хренова туча, а вы собачитесь! А завтра на свежую голову. Хорошо, на свежеопохмеленную голову. — поправился он, заметив ехидные ухмылки Пашки и Сереги. — Завтра встанем, и на свежую башку порешаем. У нас по плану еще три дня похода — предлагаю их провести с пользой. Мы же на коп приехали? Вот давайте и покопаем завтра с утрачка! А там, глядишь, или портал откроется и Георгича вызволим, или хрен его знает! Утро вечера мудреней! Наливай, Серега!

— Поддерживаю! — присоединился к товарищу Леха.

Ночь выдалась весьма и весьма тяжкая — постоянно в дальних зарослях от стоянки копарей что-то ухало, пыхтело и раз за разом пыталось пересечь некую запретную черту, но, похоже в последний момент одумывалось- либо, оценив своим куцым потусторонним умишком численное превосходство и огневой бой (нет- нет, не заряженные серебряными пулями оружие, а общее количество заряженных обычным свинцом винтовок), позорно ретировалось назад в непроглядную мглу, оглашая окрестности жутким воем, умудряясь в удивительной пропорции смешивать ненависть к всему живому и разочарование от своего бессилия. На ближних подступах к поляне, которая была огорожена импровизированной изгородью из автомобилей, некие сущности тоже исполняли свой неорганизованный концерт, пытаясь нагнать жути на мирно похрапывающих людей — представителей двух последующих по отношению друг к другу эпох: хрустели сухими ветками, злобно пыхтели и отражали искорки затухающего костра своими оловянными глазами — плоскими.

Миха, сладко потянувшись на импровизированной кровати, представляющей собой разложенные передние сиденья внедорожника, своими плавными изгибами переходящими в задний диван изобретливо застеленные надувным матрасом, а поверх него старым пледом, открыл глаза, непонимающе уставившись в темноту салона автомобиля.

— Да что за херобота унылая, сука, спать не дает? — мрачно поцедил он сквозь зубы. — Какая сука спать не дает? — еще раз выругавшись, он сфокусировал пьяный взгляд на передней части автомобильного салона, где в предрассветных сумерках с трудом угадывались очертания руля. Выпрямившись и непроизвольно скривившись от резко пронзившей от непривычных нагрузок спину боль, он нащупал торчащий в замке ключ зажигания, повернул его вправо по часовой стрелке до включения россыпи лампочек на приборной панели, но не запуская двигатель, и вернул его в исходное положение. После этого нащупал на водительской двери блок клавиш управления стеклоподъемниками, активированный коротким импульсом включения зажигания, нащупал кнопку опускания

стекла передней левой двери и резко нажал на нее. Предрассветная свежесть ворвалась в салон автомобиля, резко вытеснив влагу ночного перегара и заставив Мишу непроизвольно поежиться.

— Кому там, бля, спокойно не спится? — громко спросил он в открытое окно, в тоже время вытаскивая из дверного кармана верный травмат. — Ходи сюда, поговорим! — высказал он свое недовольство в темноту, одновременно передегивая затвор «Макарыча».

Выждав пару-тройку секунд и не услышав внятного ответа на свои потуги, Миша глубоко вздохнул, отчего лобовое стекло покрылось туманом. Еще раз чертыхнувшись, он завел двигатель автомобиля, выждав положенное инструкцией пиканье самодиагностики японского внедорожника перед запуском стартера, после чего включил печку, направив поток воздуха на лобовое стекло. Глядя, как постепенно исчезает на внутренней стороне ветрового стекла туманная дымка перегара и постепенно все четче и четче фокусируется окружающий ландшафт, видимая часть которого пока состояла из резко очерченной границы черных деревьев и крайне медленно начинающего подсвечивать небо яркими оттенками розового новорожденным рассветом, Миша включил ближний свет фар. И замер соляным столпом, боясь пошевелиться. Прямо перед мордой джипа, буквально в десятке метров от силового бампера, стояли силуэты двух человек, одетых во что то, весьма напоминающее форму бойцов Красной Армии времен минувшей войны. Мелкие детали экипировки, как то подсумки и пуговицы — читались довольно отчетливо, но лица как будто закрывал какой — то туман. Смотришь чуть вбок — черты лиц вроде читаются, устремляешь взгляд прямо — лица мгновенно подергиваются дымкой и мгновенно скрываются в некоей размытости, как будто нарисованные графитным карандашом, не до конца затертым некачественной одноразовой стеркой. Но, тем не менее, силуэты призрачных фигур — а призрачных потому, что Миша, хоть и с трудом, но видел сквозь них контуры растущих на другом конце поляны деревьев, силуэты напоминали оставшихся в другом времени сержанта Величко и Георгица. Боясь шелхнуть, Миша до рези в глазах наблюдал, как призраки, жестикулируя и беззвучно общаясь меж собой, двумя разнокалиберными лопатами закапывали некую яму, очень напоминающую могилу.

— Твою же ж мать! — дернулся Миша, выходя из оцепенения, и случайно нажал на клаксон. Длинный сигнал пневмогудка эхом заметался между деревьев, отражаясь от машин и палаток, пронесся взрывной волной по поляне, будя уснувших в ветвях птиц, и умчался в глубину леса, постепенно затихая вдали.

Миг — и наваждение пропало, призраки, не прекращая работать лопатами, медленно стали растворяться в свете галогеновых фар.

В ответ на сигнал Мишиного внедорожника из палаток раздалось недовольное бурчание, в Уазике зажегся тусклый свет, а в джипе Георгица, на эту ночь ставшем пристанищем измотанных путников, раздалось сонное недовольное кряхтение.

— Что за несанкционированная побудка, Мишань? — из Уазика, приоткрыв дверь, зевая и потягиваясь, высунулся заспанный Вадим.

— Че там? Спяну гудок во сне задел? — из-за откинутого клапана палатки замаячила опухшая Серегина морда.

— Кто бы еще про пьянство говорил! — беззлобно парировал Миша, постепенно приходя в себя и вылезая из машины. — Парни, я походу сейчас Георгица нашего видел, вместе с сержантом вашим. — кивнул он маячившим за спиной Сереги в глубине палатки бойцам. — Правда, в виде хрономиража.

— И как он там — живой? — в разговор влез неунывающий Пашка. Он уже успел найти целую пивную бутылку, открыл и жадно глотал из нее, стремительно возвращая себе оптимизм и хорошее настроение.

— Ага — привет тебе передавал! Спрашивал, как там Пашка с Серегой, все ли у них хорошо, хватает ли им водки?

— Да ладно?

— Прохладно!

— Че было то, Мишань? — озабоченно спросил Вадим. В отличие остальных, он выглядел намного бодрее, и в планах его было как бы побыстрее разобраться в возникшей непонятной ситуации. В глазах остальных членов отряда, за исключением бойцов из прошлого, данная ситуация читалась как «новый повод выпить».

— Да говорю же! Замерз, проснулся, решил печку включить, что бы согреться. Звуки какие то слышал непонятные. Включаю фары, что бы посмотреть, и медленно выпадаю в осадок — прямо передо мной — вон там. — указал направление Миха. — Двое с лопатами ковыряются, похожи очень на Георгича и сержанта, но только сквозь них все видно. Типа призраков!

— Это они шумели?

— Да нет, вроде не они. Звука лопат и голосов я точно не слышал, так, пыхтение какое то. Да вроде даже и не с их стороны. Не могу точно описать.

— А дальше что было? — спросил Леха.

— А дальше я дернулся и случайно сигнал задел. Они тут же стали таять, как дым в воздухе от костра рассеивается. Самое интересное, исчезают медленно в воздухе, а копать не перестают. А как совсем исчезли — тут и вы все проснулись.

— Копали или закапывали? — уточнил Вадим.

— Похоже, закапывали. — задумался, вспоминая подробности Миха. — Там яма такая была возле них — видно было по отвалам земли. Так вот, они вроде как лопатами куски земли загребали и в яму скидывали. Как будто хоронили кого то. Да, и еще! У одного малая лопатка была, а у другого — обычная.

— А у кого какая?

— Ну уж извините, парни, не рассмотрел всех подробностей! Это же все произошло в течении каких то нескольких секунд!

— Ладно, все ясно, что нихрена не ясно. В каком конкретно месте это было?

— Вон, видишь — березка тоненькая стоит, а чуть правее хрень какая-то с обломанной веткой?

— Ну да.

— Так вот примерно где — то между ними.

— А почему примерно?

— По отношению к ориентирам точно между ними, а по расстоянию к нам плюс-минус пара метров. Они же призрачные были!

— Ладно, все ясно, что нихрена не ясно. В каком конкретно месте это было?

— Ясенько. — Вадим рассеянно пошарил в карманах комбеза в поисках сигарет, и найдя искомое, немедленно закурил. Затянувшись и рассеянно выдохнув дым, он сказал:

— Это ж-ж-ж, как говорил Винни-пух, я думаю — неспроста. Хрономиражи, насколько мне память еще не изменяет — всегда появляются на том же самом месте, где это событие происходило когда — то на самом деле. По факту мы имеем что? Георгич и сержант

Величко, если Мишаня не обознался — что то закапывают. Ты не обознался ведь?

— Какого хрена? С кем я их перепутаю? Кто тут еще другой может лазить? — возмутился Миха.

— Допустим. Значит, если это действительно они, и что-то закапывают, то вопрос: что именно. Ясен пень, что не мусор после похода. Скорее всего — хоронят кого — то. Вопрос — кого. Немцев вроде незачем, в сентиментальности особой наш Георгич никогда особо замечен не был. Парни! — обратился Вадим к бойцам, кучкующимся изнутри палатки возле распахнутого входа. — Ваш сержант к сентиментальности склонен был?

— Как это? — раздался изнутри палатки чей то голос, в предрассветном полумраке Вадим не разглядел чей именно.

— Я говорю, к лирике он шибко расположен был? Ну типа там лютики- цветочки, радуга — дуга, каждая букашка — создание Божье, не убивайте комаров без причины?

— Наш сержант до такого бы никогда не скатился бы! — твердо, с надрывом в голосе ответили из палатки, и Вадим даже разглядел кто — Юрка Бондарь, уставший, шокированный, но благодаря стальному стержню советского духа внутри- твердо стоящий на своем, и за свою правоту готовый перегрызть глотку любому оппоненту.

— Да я и не сомневался в твоём сержанте ни на минуту! — успокоил его Вадим. — Пролетарии всех стран, религия- опиум и так далее. Все ясно. А кого из вашего отделения здесь не хватает, кроме сержанта?

— Сереги Попкова. Он за пулеметом остался.

— Картина проясняется. Скорей всего его там и накрыло, потому что я помню, как резко пулемет наш захлебнулся после фашистской ответки.

— Ты думаешь, что... — начал было Леха, и осекся.

— Думаю, что да. Прошное, каким то образом показало нам кусок документальной хроники, где сержант с нашим Георгичем хоронят геройски павшего в бою пулеметчика. Пашка!

— Чего?

— Ты куда это собрался?

— Чего разорался? Отлить хотел сбегать. Свежее пиво хорошо на старые дрожжи упало, вот и захотел.

— Ясно. Пойдешь мимо портала — глянь, не включился ли он.

— А как?

— Как- как! Не беси меня! Шишку какую-нибудь брось в него, вот и проверишь!

— Прикалываешься? Где я тебе в темноте еще шишки искать тут буду?

— Бля! — не сдержался Вадим. — Да какую —нибудь хрень в него закинь! Хоть палку какую или ветку под ногами найди! Сверкнет — сразу понятно станет!

— Да ясно! Чего на весь лес разорался- то?

— Паша! — еле сдерживая эмоции и стараясь не взорваться, нарочито строгим голосом медленно проговорил Вадим. — Не беси меня!

— Все. Принял. Конец связи.

— Вот и беги, пока ветер без сучков!

— Как ты с ним строго, товарищ Вадим! — проводив взглядом кривляющегося Пашку, заметил из палатки рядовой Бондарь.

— А иначе нельзя! — отрезал Вадим. — Чуть слабинку дашь — совсем нюх потеряют и на шею сядут! Короче. На чем мы остановились? Судя по всему, наши коллеги, если не врет

древнее телевидение — хоронили павшего товарища. Зная Георгича, мону предположить, что, как минимум смертный медальон бойца был заполнен по всем правилам.

— Мы их никогда не заполняем! Плохая примета! — раздался новый голос из темноты палатки. — Бывалые бойцы сказывали — как только свои данные запишешь на этой бумажке — тут тебя костлявая сразу и призовет к себе. Будто ты ей свои анкетные данные предоставляешь!

— Вот, наглядный пример — что с людьми отсутствие Интернета делает! — Вроде тихонько под нос себе пробормотал Миха. Вроде как бы и тихо, но люди соответствующей эпохи услышали и шутку оценили, прыснув под нос и получив в ответ залп непонимающих взглядов.

— Предлагаю расставить точки над Ё и проверить правоту доводов Вадима. — высказался молчавший доселе и обдумывающий что-то свое Леха.

— Каким образом? — встрял в разговор доселе удачно прикидывающийся ветошью Серега. Большое количество выпитого, и не менее продолжительный по длительности сон весьма благотворно повлияли на него, вернув способность хоть и не рационально, но мыслить.

— Опа! Немой заговорил! Серега! Ты как?

— Не дождетесь! — ответил главный виновник и зачинщик всей этой истории. — Лех, что придумал? Колись давай!

— Как солнышко встанет, позавтракаем и копнем в том месте, что Мишаня указал. О, Пахан! — обратился он к возвращающемуся из зарослей Пашке. — Как посикал, удачно? Не в штаны?

— Хорош стебаться, тебе не идет!

— Портал как там? Не включился? — напомнил о задании Вадим.

— Яма эта что ль? Не, ничего там не сверкает.

— А ты проверял? Надеюсь, не туда отлил?

— Да что я, на всю голову ку-ку? Сучок какой-то нашел и запулил туда.

— И каков результат?

— Пол-кило нихрана.

— А что так мало?

— Так на сколько палок кинул, настолько и выхлопа получил.

— Что-то, товарищи, я вас совсем не понимаю. — сказал слушающий эту словесную баталию рядовой Юрка Бондарь. — Вроде свои советские люди, а разговоры промеж вас, как у иностранцев. Босяки на привозе между собой понятнее разговаривают.

— А это, дружище. — хихикнул Серега. — Называется слэнг.

— Слэнг? Это по-каковски будет?

— По- распиздяйски! — рубанул Вадим. — Парни, вы заметили, как мы свой язык засрали? Сами то на нем говорим, не замечаем, а люди из прошлого сразу просекли!

— Когда это ты в филологи перекарасился? — поддел его Миха. — Даже свой высококультурный спитч и то успел словом «просекли» обфаршмачить!

— А сам то! Тоже мне, Пушкин, бля!

— Стоп- стопэ! Брейк! — вмешался Пашка. Он уже успел ополовинить вторую бутылку холодного пива, и сейчас сидел, раздираемый желанием что-либо кому-либо рассказать, доказать свою правоту и самоутвердиться.

— Давайте не будем умничать перед лицом наших уважаемых предков! — Вадим с

Михой удивленно переглянулись, Леха покачал головой, а Серега от удивления открыл рот. — Меряться писюнами можно и дома, бухая по видеосвязи и попердывая в любимый диван, а здесь перед нами стоит глобальная задача — вернуть нашего друга в наше время и парней в ихнее.

— Пахан, в рот тебе кило тротила и фитиль покороче! — пораженный до глубины души Серега пожирал глазами своего недавнего собутыльника. — Кто тебя укусил? Вампир с аллергией на алкоголь? Ты сейчас сам то понял, что сказал при всем честном народе?

— Серег, не загоняйся! — усмехнулся в ответ Пашка. — Как я правильно понял, надо расчехлить приборы и копнуть в том месте, где Мишаня укажет. Верно, Лех?

— Все верно, Пашка. А что с тобой приключилось? Как ты за пару минут из Пашки-распиздя в Пашку- продумана перевоплотился? Открой секрет пацанам?

— Да нет тут никакого секрета. Вы, походу забыли: я по знаку зодиака — Близнец. Могу надеть личину и распиздя, и умника!

— Сейчас, похоже, исторический момент! — саркастически прокомментировал услышанное Вадим. — На наших глазах у нашего друга Павла сквозь наглухо прикипевшую личину балбеса начала прорасти личина адекватно воспринимающего окружающий мир комрада — копаря! Предлагаю выпить за столь стремительный скачок эволюции отдельно взятого индивидуума и нашим возлиянием ускорить закрепление данной новорожденной сущности в нашем презренном мире!

— Это ты мощно задвинул! Внушает! — одобрительно кивнул Миха. — Лех, Серег! Налейте парням, надо отметить пик Пашкиной эволюции, а потом и раскопками займемся!

— Дебилы вы все! — огорченно скривился Пашка и приложился к пивной банке.

Глава 12

Время до завтрака пролетело быстро и весело — народ угорал и прикалывался над Пашкой, Серега как обычно вступил в героическое сражение с содержимым водочной бутылки, и, ожидаемо проиграл бой, красноармейцы, немного пообвыкнув в чуждом для них времени, занимались рутинными делами по хозяйству. Кто-то, вооружившись туристическим топориком, сноровисто натаскал сухого валежника для костра, кто-то, кривясь от боли, чистил картошку.

— Парни, а вы не забыли, что у нас отпуск заканчивается? — обратился к приятелям Миха. — Завтра вечером край как надо собирать манатки и стартовать.

— Какие предложения? — спросил Вадим. — Георгича мы назад не вернули, портал до сих пор закрыт, бойцы из прошлого с нами — с ними чего делать будем?

— Связь здесь, кстати не ловит — ни один из операторов. Домой и на работу хрен позвонишь и за свой счет не отпросишься. — добавил Леха. — Что делать будем?

— Можно, как вариант, написать СМС-ки, каждый в своем телефоне — нужным адресатам, а потом отдать мобильники гонцу на машине. Он прокатится до места, где сеть ловит — сообщения и отправятся. Может даже чуть задержаться — что бы ответы получить, а потом назад, в лагерь.

— Ничего так, идея! — согласился Вадим.

— А еще, в порядке бреда, если у нас получится еще на пару дней отпроситься. — продолжил Миха. — предлагаю Кольку с Сашкой выдернуть. У них Патриот заряженный, плюс экипировка по максимуму.

— Да хрен они поедут. — возразил Леха. — У них, бизнесменов я имею ввиду, сейчас самая битва в борьбе за прибавочную стоимость. Нахрена им наши покопушки? Они деньги делают.

— А мы им видосы с поля боя скинем, дабы заинтересовать, и фотки хабара в наших руках, что бы они не решили, что мы все с интернета скачали.

— Кстати, вариант! — одобрил Миха. — Надо только попросить, что бы они с собой квадрокоптер приволокли с запасом батареек, генератор и антенну спутниковую.

— Антенна то за каким хреном нам нужна?

— Нам то не нужна, а им в самый раз будет. Вспомните, они на любом копе постоянно носятся в поисках сети — у них вся работа на интернет завязана!

— А, тогда да. Машина у них достаточно вместительная, если вдвоем поедут, без детей — все нужные ништяки привезут, и еще место свободное останется. Так что, парни, давайте список пишите, что из шмурдяка нам необходимо, и будем жребий кидать, кому ехать.

— Водяру не забудьте написать! — сказал вдруг Пашка, выныривая из-за кустов.

— Твою же ж мать, Пахан! Сколько бухать то можно?

— Мули, не нервируйте меня! Я отдыхаю.

— Ага, Серега вон тоже отдыхает! Все время отдыхает, сладко попердывая!

— Чего ты разорался? Не я же пержу? — обиделся Пашка, принимая недовольный вид.

— Ага, не хватало, что бы еще и ты пердел!

— Парни, хорош! — остановил собеседников Леха. — Мы напишем парням, что бы водку привезли, но попросим, что бы ее пробили отдельным чеком, и ты — Пахан, его единолично оплатишь. Идет?

— А с хрена ли лысого я один должен оплачивать? Бухать все будут, а платить — я?

— Нет. Твою водку никто не тронет. Привезут лично тебе. Но ты и оплатишь. Так пойдет?

— Что за дискриминация? — возопил Пашка. Такой подставы от приятелей он вынести был не в силах.

— Никакой дискриминации. У нас дел по горло, а ты вместо помощи решил нажраться и валяться под кустом, как Серега.

— А почему ему водку по отдельному чеку не возят? Что за несправедливость такая? — продолжал возмущаться оскорбленный в лучших чувствах Пашка.

— А он и не просит добавки. Все, закрыли тему. Иди портал проверь и дровишек принеси.

Посмотрев вслед ломанувшемуся в заросли пылающему праведным гневом Пашке, Вадим, недолго подумав, добавил.

— И еще, парни. Сообщения, которые будут с фотками и видеосами, нужно отправлять «одноразовыми».

— Как это?

— Есть такая фишка в мессенджере — сообщение открываешь один раз, а при повторном открытии оно исчезает.

— А если скриншот экрана сделать? Оно же сохранится в галерее как фото?

— А ты попробуй скриншот видео сделать.

— Да, верняк. А к чему такие сложности?

— А что б ты спросил. Время сейчас, знаешь ли такое — лучше лишний раз не отвечать! За один гнилой патрон сейчас в легкую нахлобучат, а мы тут на видео с новенькими боевыми стволами, как Рэмбы недоделанные по лесам скачем! — как неразумному, терпеливо объяснил Вадим. — Так что лучше перебздеть, и чувствовать себя спокойно, чем тупануть и волноваться.

— Да понятно все. Чего ты с нами как с маленькими общаешься?

— А чего, большие что ли шибко? Вы то с Лехой понятно еще — голова вам нужна не только что бы есть в нее и шапку носить. А эти наши два друга — хрен да подпруга? Пашка еще хоть дрова таскает, а от Сереги в данном походе какая польза была? Кроме как бухать беспробудно и спать в кустах — другой движухи я от него не наблюдаю.

— Да ладно тебе, Вадюх! — вступился за упомянутого выше персонажа Леха. — Мы с Серым давно на коп ездим, никогда от него проблем не возникало. Ты же с ним в компании тоже был, помнишь позапрошлый год, весной?

— Конечно помню, как не помнить? Когда Мишаня уже в машине спать завалился, расстелил матрас, заполз в спальник, а Серега как обычно нажрался до фиолетовых соплей и пытался к нему в грязных сапогах в салон залезть переночевать? Мишань, помнишь?

— Блин, такое не забудешь. На каждом сапоге по пять кило глины, я говорю ему — «оставь их на улице под машиной, и босиком залезай!», а он уперся рогом и говорит — «я так спать буду!»

— А потом этот балбес всем полночи жаловался, что его в машину не пускают! — продолжил Вадим. — И в итоге спал сидя у костра в походном кресле, но так и остался стоять на своем — сапоги не снял.

— Короче, к чему этот разговор? Сами же его взяли собой на коп, а теперь гоните на него! — нахмурился Леха.

— Никто на него конкретно не гонит. — ответил ему Вадим. — Просто ситуация у нас сейчас явно неоднозначная: пропал человек, вместо него появились какие-то новые люди, документов у них нет, ни в каких базах не числятся, плюс гора стволов с патронами и куча всякой взрывчатой херни. И если Серега наш где-нибудь об этом по пьяни ляпнет, а он обязательно ляпнет — к бабке не ходи, а кто-нибудь вдруг поверит и не дай Бог захочет проверить — могут быть очень большие проблемы у всех присутствующих.

— Ну и какие варианты? — спросил Леха. Приятеля то он защищал, но разложенный по полочкам Вадимом расклад ему очень не понравился. Серегу он знал очень давно, чуть ли не со школы, но и страсть последнего к зеленому змию наблюдал тоже постоянно. А там хрен его знает, что у пьяного на языке и в какой момент образуется, как в той поговорке говорится. — Что, предлагаешь завалить его и тут прикопать, или в портал закинуть, если он вдруг, когда —нибудь откроется? Так нам только головняка всем прибавится — был один потеряшка, а станет двое!

— Никто никого валить, а тем более закидывать в прошлое не собирается! Есть вариант один. Обойдемся, так сказать — малой кровью!

— Что ты такого толкового придумал? — полюбопытствовал Миха. — Как ты хочешь Серегу убедить языком не трепать? Закодировать что ли? Тут как минимум ему тот кузнец понадобится, из анекдота.

— Почти угадал, но с точностью до наоборот.

— В смысле?

— Просто не будем ему мешать бухать — не просыхая, а потом он и сам и решит, что все это ему привиделось. И даже лишний раз ему подливайте, что бы в кондиции находился постоянно. Ради такого случая готов ему три литра за свой счет заказать.

— Жестко, но толково. — Согласился с таким вариантом Леха. — Может, оно и к лучшему. Его можно, получается только на простой однодневный коп брать, там, монетки какие-нибудь пособирать, или по чермету. Где без палева. А по войне с нами, походу, ему делать больше нечего. Хороший план, Вадюх. Так сказать самый гуманный. Можно даже потом для правдоподобия ему в мешок гильз копанных накидать или ржавую рубашку от гранаты, типа он сам накопал. Но есть только одно «Но». План сработает, если мы бойцов и Георгича по местам вернем. Без этого ничего не получится. От слова «совсем».

— Да, это самое слабое место моего плана. — согласился Вадим. — Значит, будем искать выход из сложившейся ситуации. Как, не знаю, но искать будем.

— Пойдемте уж позавтракаем горячим, и копать пойдем. Зря, что ли перлись в даль такую? — предложил Миха, почуяв запах жареной картошки с тушенкой, доносящийся от костра.

После плотного завтрака, а по меркам гостей из прошлого — царского, состоящего из жареной картошки с грибами, собранными в экологически чистом районе — а именно в десятке метров от лагеря, и щедро сдобренной качественной тушенкой. Так же рукотворная «поляна» ломилась от других блюд — куриные яйца, сваренные вкрутую, разрезанные вдоль и приправленные капелькой майонеза с щепоткой мелко порезанного зеленого лука радовали глаз яркими оттенками желтого и зеленого, краковская колбаса насаженная на прутики, словно заправский шашлык, слегка подрумяненная над утренним костром, издавала умопомрачительный запах и истекала прозрачным жиром, лежа в большой одноразовой пластиковой тарелке. Рядышком стояли вскрытые острым ножом консервные банки с килькой в томатном соусе и кабачковой икрой, по соседству с ними расположилась

фанерная походная разделочная доска с тонко нарезанными кусками белого и черного относительно свежего хлеба. Отдельным штрихом этого продуктового натюрморта были две пластиковые миски, одна с конфетами, другая с печеньем.

Так вот, после такого плотного завтрака, а с точки зрения непосвященного человека — и вовсе какого то фестиваля чревоугодия, парни сделали себе кофе в пластиковых стаканчиках, для защиты от ожогов используя неэкономно сразу два — вставив один в один, и плеснув кипятка из весело булькающего на портативной газовой плите чайника и долив молоком из заранее припасенного к завтраку пакета. При этом не забыли и бойцов, которые не очень понимая священнодействия с парой стаканов и смешивания кипятка с молоком, вкус походного кофе несомненно оценили весьма и весьма положительно.

— Ну, вот мы поели — можно и поспать! — довольно потянулся в сытой истоме Пашка, закуривая сигарету.

— Какой нахрен спать! — возмутился Вадим. — Всю ночь и так дрых, как сурок, и опять туда же? Копать сейчас будешь, как экскаватор!

— Какой копать? А отдохнуть после сытного завтрака, чтоб жирок завязался? Успеем еще накопаться, давайте отдохнем лучше! Или бухнем! Блин. — Покосился он на валяющегося в тени под Уазиком Серегу. — Этот, похоже, вышел из чата. Кто же мне компанию составит? Парни, будете? — Потряс запечатанной бутылкой водки Пашка, обращаясь к красноармейцам, сидящим отдельной кучкой возле костра. Те отрицательно покачали головами, а боец Винокуров назидательно произнес, озвучивая всеобщее мнение:

— Товарищ, ну кто же с утра горькую то пьет? Так и до алкоголизма скатиться недолго!

— Кто бы говорил, человек из прошлого! Я вообще сюда отдыхать приехал! Знаешь, как я на работе своей устаю? Тебе и не снилось!

— Паша! — резко одернул его Вадим. — Быстро дурака выключил и от ребят отстал!

— А я чего? Я и не пристаю ни к кому. Вон, хотел им выпить предложить. У меня и тост есть! За Победу, вот! Ну что, бойцы, за Победу тяпните со мной?

— Пахан! — Приподнялся с пенька Миха, отвлекшись от сборки металлоискателя. — Тебе внятно сказали — отвали от парней! Хочешь нажраться как свинья — вали в лес, кабанам наливай!

— А че ты быкуешь? Я вроде нормально, никого не заставляю, а ты тут на меня с наездом каким-то?

— Так, ша! Успокоился быстро! — не выдержав, рявкнул Вадим. — Небе ясно сказали — хочешь бухать — иди подальше от нас. Задолбал уже с синькой своей! А будешь быковать — спеленаем, и будешь до вечера в теньке зажигать! Усек?

— Да усек я, усек! Что за народ! Вчера вместе пили, а сегодня орут на меня как резаные! Нахрен мне такая компания, не поеду с ними больше никуда. — Пробормотал вполголоса Пашка, собирая со стола колбасу и хлеб. Завернув снесь в полиэтиленовый пакет, он убрал его в боковой карман потертой «горки», быстрым движением скрутил водочную пробку и выдохнув в сторону, приложился к бутылочному горлышку.

— Чего ты там бубнишь под нос? — спросил Леха, наблюдая за Пашкой. В нем боролись противоречивые чувства — вроде как Пашка и надежный товарищ, и балагур и душа компании, особенно на выездах, но как напьется — тушите свет. Слегка выпить для настроения — это одно, но пить который день и с самого раннего утра уже трясти бутылкой и искать собутыльников, такого Леха, как и всякий нормальный человек — категорически не воспринимал.

— Чо — Чо. Ничо. — Раскрасневшийся Пашка выдохнул в сторону и занюхал рукавом. — Говорю, закусь сейчас зацеплю со стола и пойду с природой уединяться! А пиво никто не видел? Подгоните бутылочку на запивку!

— А тебе не поплохеет? С утра водку пивом запивать? — удивился Миха.

— А ты не переживай за меня! Я же не натошак! И вообще! Злые вы — уйду я от вас!

— Давай — давай! Только не далеко! И рацию возьми на всякий пожарный, что бы как Серого не искать по всему лесу! — напутствовал Вадим стремительно доходящего до кондиции Пашку.

— Не ссы! Не потеряюсь! Сами не заблудитесь!

— Мимо портала пойдешь, глянь как там он!

— Если не забуду!

— Вот же пиздец ходячий! — выругался ему вслед Вадим. — Вот чего с людьми алкашка делает в неумеренных количествах! А ведь нормальный парень, когда не пьет!

— Алкоголь в малых дозах полезен в любых количествах! — вспомнил старую шутку Миха.

— Ага. Ты это еще и Сереге расскажи! — кивнул Вадим на сопящего и пускающего соплю вышеупомянутого товарища.

— Так ты сам сказал — ему бухла не жалеть! Все по плану — движемся к цели согласно разработанному и утвержденному в высших эшелонах плану!

— Похоже, в план сейчас добавится корректировка — второй собутыльник.

— Это ты о Пахане? Не, не прокатит. — покачал головой Миха. — Этого я знаю — будет бухать, пока бухло не кончится. С копыт не упадет, и ничего не забудет.

— Хотя да. Пашка не пиздабол. Это Серега — душа нараспашку, все всем расскажет, а Пашка, если что не так — рогом упрется, и хрен чего кому расскажет.

— Ну что, все готовы? — Спросил Леха, поднимаясь. — Пойдемте покопаем!

— Так: прибор, пин, лопата... Я готов. — ответил Миха. — Вадюх, а ты чего без прибора?

— А зачем? Вы два своих взяли, куда я с третьим полезу? Только жопами толкаться. Я если что — копать буду. Бойцы! — обратился он к красноармейцам. — Вы как, с нами прогуляетесь или тут посидите?

— Да мы, наверное, тут останемся. Слишком много впечатлений, еще в себя не пришли. Но если в чем то вдруг наша помощь понадобится — вы сразу зовите!

— Не вопрос — отдыхайте! Мишань, веди — показывай!

— Да чего показывать, вон это место! — Миха включил металлодетектор, привычно произвел отстройку от грунта и помех, и стал водить катушкой над тем местом, где совсем недавно в предрассветных сумерках «Георгич» с «сержантом» закапывали что то. Искать пришлось не долго — буквально через пару взмахов над поверхностью, прибор зафиксировал что-то, издав глухой, но четкий звуковой сигнал.

— Парни! — Обратился он в пол-голоса к приятелям. — А мы не боимся в лагере оставлять чужих людей, пусть даже из прошлого?

— Все ты ссышь! — Хохотнул Вадим. — Что они у тебя, джип угонят, или тушенку сожрут с голодухи? Ключи от машин я с собой прибрал, а тушенка — да хер бы с ней!

— А ничего, что у них стволы?

— Да пох! Эти стволы только сейчас на стену вешать!

— Как это?

— Да я ночью из них бойки повыкручивал, на всякий случай! После таких приключений не то чтобы от собственной тени шарахаться будешь, но как минимум перебздишь заранее все возможные ситуации. Тем более пару гансовских пестиков с полными магазинами я с собой прихватил. Будет если что нашим пращурам сюрпрайз неожиданный, если они лапками своими винтовки схватят и попробуют затворами побаловаться!

— Ну ты голова, Вадюха! — уважительно прокомментировал этот монолог Леха. — Уважуха тебе, от души!

Миха, уважительно покосившись на приятеля, вернулся к начатому делу — поводит катушкой несколько раз, локализуя место поиска, потом, повернувшись боком и отойдя на шаг, прозвонил подозрительное место под другим ракурсом.

— Ну что там? — Нетерпеливо спросил Вадим.

— Десять — двенадцать. Сигнал четкий. Лех, попробуй своим.

— Хорошо.

Леха проделал те же манипуляции, обойдя место сигнала по кругу, всякий раз медленно вода катушкой низко над землей.

— Ну что?

— Так же. Большой объект из чернины, примерно на пару штыков глубины. И это не несколько мелких железяк, навроде осколков или гильз — сигнал резко обрывается, когда за границу выходишь. Скорей всего — либо мина, либо винтовка может быть. Что то длинное — лежит вот так. — Показал он рукой. — Щупом надо проверить. Вадим, ты щуп взял?

— Нет, но сейчас принесу. — Вадим привстал с корточек, оперевшись о лопату, и бодро зашагал к своей машине. Буквально через минуту он вернулся, держа в руках полутораметровый металлический штырь, заостренный на одном конце и имеющий на другом ручку, сделанную из куска белой полипропиленовой трубы, и насаженной перпендикулярно оси щупа с помощью гаек.

— Дай-ка! — Леха еще раз поводит металлодетектором в режиме «пина» над целью, фиксируя центр, после этого, отложил прибор в сторону и не отрывая взгляда от одному ему известной точки на земле, взял переданный ему щуп и аккуратно воткнул его в землю. Все затаили дыхание. Углубив щуп примерно на метр в землю, Леха вытащил его и воткнул рядом от предыдущего места сантиметрах в пяти. На этот раз, не пройдя и сантиметров тридцати, щуп во что то уперся. Удовлетворенно кивнув сам себе, Леха продолжил манипуляции. Раз за разом втыкая щуп в мягкую податливую землю, он, установив точные габариты находки, передал Щуп Вадиму и надев тряпичные перчатки, взялся за лопату. Аккуратно подрезав дерн по периметру, Леха вывернул его в сторону и принялся копать, ссыпая землю со штыка лопаты в одно место, в метре от раскопа.

— Давай я покопаю! — Предложил Вадим. — А ты покури пока!

— Давай, только аккуратно- не долби! С этой стороны глубина примерно штык-полтора, а здесь — поглубже будет. Копай там где глубже, что бы потом, когда расширять будешь, земля не сыпалась и не завалила.

— Хорошо!

«— Эй, алкоголики, как там у вас дела в лагере?» — неожиданно проснулась рация в кармане у Вадима.

— Тьфу ты, черт! — от неожиданности он чуть не подпрыгнул. — Пашка, дебил, как всегда ему спьяну поболтать приспичило не во время!

— Не отвлекайся — копай, я отвечу! — Миха достал из кармана свою рацию, и нажал

на кнопку. Дождавшись писка, сигнализирующего о включении, он вдавил, удерживая клавишу передачи и сказал: — В лагере все хорошо. Проверь портал. Прием.

— Хорошо. — проскрипела рация голосом Пашки в ответ. — Без меня все не выпейте! А то перед палаткой насру! Ха-ха-ха!

— Вот же ж дебил! — в сердцах сплюнул Вадим. — и как мы с ним раньше на коп катались? Ведь нормальный же комрад был?

— Синька-чмо! — подтвердил Леха. — С Серым мы тоже раньше постоянно гоняли, а сейчас — сам посмотри! Ужрался в говно и спит под кустом. В этом и заключается весь его коп!

— А смысл от такого времяпровождения? — спросил Миха.

— Спроси чего полегче! Может, супруга задолбала в доску, может просто тихо шифером шурша, крыша едет не спеша! Но точно скажу, раньше он таким не был! Вадим, не отвлекайся! Копай давай!

— Как скажешь! — лопата в руках Вадима обо что то глухо звякнула. — Мишань! — обратился он к последнему. — Ну-ка глянь, наткнулся на что-то!

— Ну-ка, ну-ка! — Миха склонился над ямой, доставая и активируя пинпойнтер. Поводив им над землей и добившись четкого сигнала, он уверенно произнес, показывая пальцем.

— Так, Вадюх! Вот здесь. — обозначил он направление. — Какая то хрень, большая и объемная, скорее всего из чернины. Лех, потыкай еще разок щупом!

— Хорошо! Короче — вот здесь и здесь, — Поковырявшись в земле стальным прутом, сделал выводы Леха. — Что-то есть. Вадюх, копай давай, только без фанатизма. А то выкопаем авиабомбу с того налета неразорвавшуюся, и будет нам всем последний миг счастья!

— Тьфу на тебя еще раз! — не замедлил с ответом Вадим, энергично орудуя лопатой. — Опа, нухуя! Парни, походу пулемет нарыл! Зацените! Вот эта трубка с раструбом мне до боли напоминает ДП-27, как у бойцов был перед боем!

— Да ну нах! — начал было Миха и умолк, пораженный. — Вадюх, копай дальше, только осторожно! Если это действительно пулемет, сто процентов, тут же мы и его хозяина найдем!

— Думаешь?

— На все сто не уверен, но где-то на девяносто девять с хвостиком — уж точно!

И на ту же кучу процентов я уверен, что это тот самый пулемет!

— С чего такая уверенность?

— Так вспомните! — закатил глаза к небу Миха. — Тут место то глухое! Здесь отродясь стычек не было, только бой с той колонной! И мы сами воочию убедились, и Костян опять же все архивы перерыл. Тут только красные с белыми век назад бодались, но тогда, извините, ДП-27 в природе не существовало!

— А вдруг он так же провалился в портал? — усмехнулся Леха. — Нашли красные пулемет, и ка-ак причесали из него белых!

— Ага, и с Чапаевым вместе похоронили!

— Тихо! — остановил расшумевшихся комрадов Вадим. — Походу, Мишаня прав — кости пошли.

— Да ну нах! Копай аккуратно!

— Блин, Леха! Я всегда аккуратно копаю! Главное, что бы смертный медальон

заполненный сохранился! Мишань!

— Аюшки?

— Не в падлу, сгоняй до нашей стоянки, спроси у парней, кто за пулеметчика у них был, и кого не хватает. Мне кажется, что Мишаня каким то невероятным хером видел кусок прошлого, где наш Андрей Георгиевич с сержантом... как его?

— Величко. — подсказал Леха.

— Да, с сержантом Величко, после того как мы сюда переместились и портал закрылся, хоронили павшего бойца.

— Добро. — Миха поднялся и устремился в сторону лагеря.

— Что думаешь? — проводив взглядом Миху, повернулся лицом к Вадиму Леха.

— Бля. Не поверишь. Не знаю что и сказать. Рассказать кому- не поверят, скажут — синькой траванулись! Но вот это же все. — обвел рукой вокруг себя Вадим. — Это же, блядь, взаправду? И это! — кивнул он на торчащий из раскопа пламегаситель «Дегтярева». — Это же мне, бля, не приключило? И бой этот гребаный! Сука! Да я в Чечне был, ни разу в живого человека не стрелял! А тут, сука, как в игре компьютерной! А Мишаня как танк завалил??? Хули он такой спокойный то??

— Спокойствие, только спокойствие, Вадим Николаевич! Успокойся! Мишаня сам похоже не осознал, чего исполнил. В шоке еще, скорее всего! А ты лучше оставь пока лопатку в стороне, да коньячку хряпни! И воина погибшего помянешь, и нервы поправишь!

— Да пиздец, Леха! Какое нахуй нервы поправить! Я как вспомню вопли эти гансовские, да как херобота эта бронированная из хобота своего стального по нам поливала! Это пипец, в натуре!

Леха посмотрел на Вадима, вздохнул и вытащил из кармана небольшую металлическую фляжку с коньяком. Пошарив в другом кармане, он выудил на свет Божий две маленьких стопки из нержавейки и помятый «Сникерс». Разлив содержимое сосуда по стаканчикам, он протянул один из них Вадиму, и со словами — «здравы будем, Славяне!», опрокинул емкость в рот. Выдохнув, и развернув шоколадку, отломил половинку — кинул в рот, другую вместе со стопкой протянул Вадиму.

— Давай, Николаич, вьеби! Тебе сейчас крайне необходимо! То, что доктор прописал!

— А Мишка? — спросил Вадим, принимая из рук собеседника алкоголь.

— А мы не все выпили, ему еще осталось!

— А, тогда хорошо! Будем живы! — сказал Вадим, опрокидывая тару в рот.

Через короткое время лицо его порозовело, глаза увлажнились, и с криком — «Быть добру!», он схватил отброшенную лопату и спрыгнул в раскоп.

— Парни! — из-за куста беззвучно вынырнул Миха. — Пулеметчиком был боец Сергей Попков — за ним был закреплен Дегтярь. Красноармеец Винокуров говорит — накрыло его из танка. Похоронить не успели. — Все ясно. Похоже мы его нашли. — затягиваясь сигаретой и пристально наблюдая за действиями Вадима, сказал Леха.

— Если вдруг это он — что делать будем?

— Как обычно. Пулемет в школьный музей — никто не докопается, что он когда-нибудь выстрелит. Видите — какой ствол кривой? Почистим слегка щеткой по металлу да из баллончике краской дунем — пусть детишки историю изучают. Точку в навигатор забьем, крест поставим, а если смертный медальон обнаружится — через Вадика в военкомат передадим. Пусть они родных оповещают — их работа.

— А вы что тут, бухали, что ли? — указал Миха на лежащую в траве фляжку и две

стопки. — Без меня? Вот собаки страшные!

— Да Вадику пришлось нервы подлечить слегонца. У него похоже шок закончился, начал истерить.

— Это кто это начал истерить? — грозно раздалось из раскопа.

— Я, что ли? А кто «вопли гансовские» вспомнил? Тебе не пох, что они там перед смертью орали?

— Ну все же... Живые люди..

— Забей! — Жестко припечатал Миха, наливая себе в стопку из поднятой фляжки. — Абстрагируйся! Их, пидарасов, сюда никто не звал, и они сдохли восемьдесят лет назад! Забей, мы на копе!

— На копе, говоришь? А как же наши гости? — кивнул в сторону лагеря Леха.

— И ты тоже забей! — припечатал Миха, опрокидывая стопарик. — С ними разберемся — они живые. Адохлых гансов вспоминать — так себе удовольствие. Даже если и мы их завалили: во-первых. — Стал он загибать пальцы. — Недоказуемо. Нет тела — нет дела. Не так ли, Вадим?

— Истину глаголешь. — Мрачно подтвердил тот, сделав передышку в раскопках и перекуривая.

— Во вторых. Кто к нам с мечом придет, того вместе с этим мечом тут же и прикопают. Не так ли, comrades? — обвел приятелей взглядом Миха.

— Так.

— Тогда забейте болт и наслаждайтесь отдыхом! Гансы сдохли почти век назад — хули о них думать? Зато, надеюсь, благодаря нашему вмешательству — кого то из наших не успели убить.

— Эффект бабочки, хуле! — глубокомысленно процедил Вадим, вылезая из раскопа и наклоняясь за пустой стопкой.

— Начисляй по братски!

— А ты думал, в сказку попал? — подмигнул тот, разливая коньяк.

Раскопки затянулись на несколько часов — слой за слоем копатели осторожно снимали пласты земли, раскрывая подробности трагедии почти вековой давности. Завязанный в узел пулемет, наскоро отчистив от налипшей земли специально привезенной Лехой и принесенной им из машины щеткой с металлической щетиной из модного китайского набора, отложили в сторону, всецело сосредоточившись на останках бойца. Кости аккуратно доставали и складывали на расстеленном большом черном полиэтиленовом пакете. Мелочь — как то пуговицы, ременную пряжку, замята гильза от противотанкового ружья, перочинный ножик и пару монет и несколько ржавых патронов — складывали отдельно, в картонную коробку от сухого пайка. Нашелся и смертный медальон — черная бакелитовая капсула с откручивающейся крышкой. Его открывать в полевых условиях не стали, благоразумно решив оставить это дело до более подходящего времени. Несколько раз подходили красноармейцы, молча какое то время стояли поблизости, наблюдая за происходящим, и тайком смахнув скупую слезу — безмолвно отходили назад в лагерь.

— Эй, колдыри! — захрипела вдруг рация Пашкиным голосом. — Где вы там, бухаете?

— Бля, началось! — Выругался себе под нос Миха и сплюнул в сторону.

— Ну где вы там? — продолжала надрываться рация.

— Да ответь те же ему кто-нибудь! А то сейчас задолбает воплями своими! — В сердцах рывкнул Вадим, аккуратно совком подрезая очередной слой грунта.

— Мы на раскопе. — Сняв заляпанную в земле перчатку и нажимая кнопку вызова, буркнул в рацию Леха.

— А где на раскопе? Лес большой — копать — не перекопать!

— Полсотни метров от лагеря. Направление — куда Мишанина машина мордой повернута. Не отвлекай! Конец связи!

Минут через десять со стороны лесной базы раздался топот и хруст веток, как будто сквозь чашу ломился ошалевший от гормонов в брачный период молодой лось. Парни переглянулись, и Леха, так и не успевший надеть грязную перчатку, быстро вытащил из кармана и передернул затвор трофейного пистолета.

— Да Пахан это ломится, больше некому. — Флегматично заметил Вадим, не отвлекаясь от работы. — Не завали дурака случайно, а лучше ствол прибири — увидит, дохлого заebet, что бы ему подарили!

— Ага, щаз! Разбежался! Такая корова нужна самому!

Кусты захрустели совсем близко, и из них вылез помятый Пашка, весь в грязи и со свежими царапинами на лице. Темные пятна на его комбинезоне явственно говорили, что он падал, причем неоднократно, особо не заморачиваясь с местом приземления. Но при всем при этом на лице его сияла пьяная бесшабашная улыбка, а в правой руке он держал почти целую бутылку водки, к которой немедленно приложился, едва увидел своих товарищей.

— Опа! Нашлись!

— А мы и не потерялись! А ты чего такой весь помятый? Медведицу закадрить пытался, а она тебя послала?

— Сам дурак, и уши у тебя холодные! Я блиндаж нашел, не выбитый! Там только крыша провалилась! Я туда залез, правда весь перепачкался. Там можно хорошо поковыряться! А у вас тут что? Бойца поднимаете? Наш или немец? Ух ты! А это что? Дегтярев? Круто! А мне

не отдадите? Я его помою и на стенку в бане повешу!

— Началось в колхозе утро! — Закатил глаза к небу Леха.

— Чего сразу началось то? Зажал, что ли? Себе, что ль хотел забрать? Нахрен он тебе нужен? Смотри — весь мятый, живого места нет!

— Это не Лехин пулемет, а вот его! — Кивнул на кости Вадим, неодобрительно поглядывая на шатающегося и еле стоящего на ногах Пашку.

— Кого, его? — не понял тот.

— Рядового Попкова.

— Бойца, что ли? А откуда вы его имя знаете? Капсулу что ли вскрыли?

— Нет, пока не открывали. Предчувствие. — ответил за всех Миха.

— Да ладно! Врете вы все.

— Что врем? — взорвался Леха. — Вон его вещи, в коробке, вон медальон — видишь, не вскрытый? И вообще, Пахан! Задолбал! Мы видишь, работаем, а ты с утра уже какую по счету бутылку херачишь?

— А чего ты разорался? Я на отдыхе!

— И снова здрасте! — на этот раз уже Миха закатил глаза к небу. — Паш, хорош уже! Эта фраза уже оскомину набила, мы ее слышим уже в сотый раз за эти дни. Что ты, что Серега — постоянно одно и то же. У каждого отдых свой — мы, видишь, время с пользой проводим — бойцов ищем, а вы только синьку жрете на пару и на нас бочки катите!

— Паша. — Влез в разговор Вадим, перебив уже начинавшего заводиться комрада. — Ты своему слову хозяин? Или как бывает: мужик слово дал, потом мужик подумал, и назад его забрал?

— Это ты к чему? Конечно — хозяин! А! — хитро прищурился он на парней, пьяно покачиваясь. — Вы меня на понт хотите взять! Чтобы я с бухлом завязал! Такого слова не дам!

— Да причем тут понты? — поморщился Вадим, оглянувшись на ничего не понимающих Леху и Миху и тайком им подмигивая. — Вот если мы с тобой, например, поспорим, и ты вдруг проиграешь — как себя поведешь? В этом случае слово свое будешь держать?

— Конечно! А на что спорим?

— А давай так! Если ты проиграешь — на копе пить будешь только чай или кофе, и никакой алкашки! А если я проиграю — ящик водки приличной тебе ставлю и больше не докапываюсь к твоему поведению на копе.

— Хм, прикольно. А предмет спора? В смысле, о чем спорить будем?

— Предмет спора? Я назову, как звали этого бойца. Медальон ты видел — мы его вскрыть не успели, личные вещи — Леха тебе правильно сказал — лежат в коробке от сухпайка. Можешь все пересмотреть — инициалов нигде никаких нет! Ну что, готов?

— А давай!

— Хорошо. По моему мнению — хозяина пулемета звали Сергей Попков.

— Стой, подожди! — Пашка аккуратно поставил бутылку на землю и бросился к пулемету. — Обмануть меня хотел? Ты сказал — «хозяин пулемета»! Значит, на пулемете имя есть!

— Смотри, изучай! Я подожду! — ехидно улыбнулся Вадим. — Только не затягивай! У нас еще работы полно, а на тебе что-нибудь из еды сварганить на толпу голодных мужиков, и о портале не забывай! Его еще раз проверить надобно.

— Где то, чую, вы меня обманываете!

— Ну ты же хочешь нахалюву ящик водки заполучить? Или очкуешь?

— А откуда вы имя узнали?

— А мы еще не узнали. Мы только предполагаем.

— Че то, чую я, подвох тут какой то есть! — продолжал сомневаться Пашка.

— Никакого подвоха — все по честному. Мы предполагаем, что бойца звали именно так. Жмем руки — Леха или Миха разбивают. После этого вскрываем медальон и смотрим, что там написано. Если он чистый — никто никому ничего не должен. Если мы угадываем имя — ты больше не пьешь. Хочешь — кодируйся, хочешь — силу воли включай — но пьяным мы тебя на копе больше не увидим. Если там другое имя — ящик водки с меня, в самые кратчайшие сроки. Идет?

— Чего ты на меня давишь? Я им блиндаж нашем нетронутый, а они бухло зажали!

— Паша, не увиливай! — строго сказал Вадим. — Ты меня знаешь — могу и лопатой переобать, чтоб твое нытье не слушать! Готов спорить?

— Обложили, демоны! А, давай! — с видом идущего на эшафот мученика горестно махнул рукой Пашка. — Держи кардан!

— Лех, разбей! — Сказал Вадим, крепко пожимая протянутую руку.

— Секундочку! Мишань, зафиксируй для истории сей великий прецедент!

— Уже! — Снимая происходящее на камеру мобильного, довольно осклабился тот. — И не подкопаешься, все по чесноку — чин-чинарем!

— Что вы творите, ироды? — взвыл Пашка, потирая «разбитую» Лехой руку. — Сговорились, поди давно?

— Ага, весь коп только и мечтали, как тебя с синькой разлучить! Готов проиграть?

— Ты давай не умничай, а медальон вскрывай!

— Пахан! Ты же старый копатель! Знаешь, поди, что это дело не секунд и даже не минут!

— Конечно, знаю! Давай, начинай! А я пока рюмочку опрокину, пока за упокой души еще неизвестного солдата!

— Пахан, не ерничай! Все там будем!

— Молчу, молчу! — пробормотал Пашка, торопливо наливая в смятый стаканчик водку из бутылки и быстро опрокидывая ее в рот. — Лучше умереть, и чувствовать себя спокойно, чем жить и волноваться!

— Вот-вот! — откликнулся на старую цитату Миха. — Все прям о тебе: пока живой — волнуешься, где бы бухла подрезать, а сдохнешь — не дай Бог, конечно, — пох на все будет! Зришь в корень, Комрад!

— Слышь, ты! Святой ты наш человек! Нарываешься!

— Ша! — Осадил начавшего заводиться Пашку Вадим. — Ну-ка, выдохни!

— А чего он...

— Да мне похую! Оба получите! Давай — ка, лучше рысью сгонцайдо лагеря, там в Уазке моем под водительским сиденьем в аптечке шприцы лежат- принеси пару штук! Иголки нужны, что бы вкладыш бумажный из медальона раскатать!

— А че я сразу то? Молодого нашел?

— Так в твоих интересах же это, в первую очередь! Кто из нас кровно заинтересован в адекватной расшифровке имени этого бойца? Или сдаешься? Могу считать, при свидетелях, что я спор выиграл?

— Уболтал, речистый!

— И доску разделочную принеси — в грузовом отсеке где-то была, и воды фляжку! Сейчас будем аккуратно медальон вскрывать. Если там имя присутствует — спор наш выходит — дело второстепенное, главное — бойца опознаем!

— Не загадывай! — осадил размечтавшегося Вадима Миха. — Тьфу — тьфу — тьфу!

— Да не переживай, перестраховщик! Чувствую — перевернулся на нашей улице Камаз со шоколадками! Давайте покурим что ли, пока друг наш ситный нужный хабар принесет.

— Эко ты заговорил! «Друг ситный»! Атмосфера портала, помноженная на выпитое, на тебя так подействовала? — усмехнулся Леха.

— Да походу не только на меня одного! Сдается мне, это явление — заразное!

— Чей — то? — деланно испугался Миха.

— А как сейчас Леха вопрос поставил? С какого слова начал? «Эко»!

— Блин! В натуре у лягушки....

— Хвост зеленый! А я о чем говорю! Хрень какая то происходит! Надо нам как то Георгича срочно вытаскивать, бойцов назад возвращать и бегом домой валить, с хабаром, пока совсем мозги не зацвели!

— А мы чего тут, по — твоему, по грибы пришли, с ночевкой?

— Отставить прения, парни! Вон Пахан бежит, спотыкается!

— Главное, чтоб не упал и нос не расквасил! Паша!

— Чего?

— Все принес, ничего не забыл?

— Да ты задолбал, Вадюха, придираешься! Фляжка с водой, как просил, два шприца, доска разделочная, пузырь водяры мой!

— Куртка кожаная, портсигар серебряный, магнитофон импортный..

— Че?

— «Че» по китайски жопа! Давай, клади все сюда, сейчас момент истины настанет!

Вадим взял из рук прибывшего принесенный им набор «Юного археолога», положил разделочную доску на землю, открутив крышку фляжки, щедро окропил доску водой. После этого аккуратно, на мгновение затаив дыхание, резким движением, но аккуратно, соблюдая все меры предосторожности, открутил колпачок со смертного медальона. Все присутствующие замерли, внимательно наблюдая за происходящим. Вадим, мельком покосившись на присутствующих, легонько постучав краем открытого медальона о доску, добился того, что бы из него показался край свернутой в трубочку бумажки.

— Ну что там? — не вытерпел неугомонный Пашка.

— Тихо! Не лезь под руку! — шикнул на него Вадим, предельно осторожно, не прилагая усилий потихоньку вытаскивая бумажный сверток из контейнера.

Наконец ему это удалось, и откинув в сторону ненужный контейнер, он аккуратно положил бумажную трубочку на смоченную водой доску.

— Мишань, подсоби!

— Ок! — Миха быстро достал из подсумка швейцарский нож- мультитул, вытащил из него пластиковую зубочистку и пинцет и прижал ими краешек восьмидесятилетней бумажной ленты. Вадим, убедившись, что все идет по плану, взял в каждую руку по иголке от одноразовых шприцов, принесенных Пашкой, зубами снял с них защитные колпачки и аккуратно вставил иглы в центр бумажной трубочки по бокам.

— Лех, лей давай.

Леха без лишних слов схватил лежащую рядом фляжку и стал тонкой стружкой лить воду на доску, в то время как Вадим пытался раскрутить бумажную полоску, удерживаемую за краешек Михой, при помощи вставленных в центр и выполняющих роль осей иголок. Потихоньку- потихоньку, но старая свернутая в трубочку бумажка стала подаваться, и вот уже стали появляться буквы, пока не представляющие особой ценности, так как были отпечатаны типографским способом, но все же дающие надежду на хороший сохран документа и возможность лицезреть оригинальный автограф хозяина медальона.

— Ну что там? — Возможный выигрыш в споре так волновал Пашку, что он приплясывая рт нетерпения на месте, не знал уже за что и схватиться. То пытался затянуться неприкуренной сигаретой, к его вящему стыду к тому же засунутой в рот противоположной стороной, то, не проконтролировав налитое и резко выдохнув, как перед дозой медицинского спирта — опрокинул себе в рот стакан Колы, после чего, не вкусив желаемого эффекта- принюхался к остаткам содержимого белого пластикового стаканчика и смачно выругался. Но, буквально через мгновение, забыв о сиюминутных мелких невзгодах и предвкушая громадный выигрышный алкогольный куш, и ЗВАНИЕ ПОБЕДИТЕЛЯ В СПОР хотя бы на короткое время и в пределах одной компании, снова, забывшись, полез своим любопытным носом к импровизированной «камералке» — да не проклянут автора настоящие археологи за использование когда то услышанных из их уст профессиональных жаргонизмов. Вадим, не отвлекаясь от процесса, да в принципе и при всем желании не имевшего такой возможности, лишь вздохнул излобно покосился на Пашку. Леха, перехватив его взгляд и правильно истолковав — решил взять инициативу в свои руки.

— Паш!

— Аюшки?

— Отсоси у заюшки!

— Чего ты тут выполняешь? Типа, трезвый пьяному не товарищ?

— Пахан! Мозг не выноси! Все и так на нервах! Сейчас бумажку расшифруем, мимо тебя она никак не пройдет! Отмоем- позовем!

— Ты чего, меня гонишь что ли? А не прихуела ли твоя личность?

— Не прихуела! — Рывкнул Вадим. — Паша. Пиздуй в лагерь, бойцам кашу сваргань с тушняком, или дошик запарь!

— Так кашу или дошик? Ты определись, Вадюха, а то хрен твои желания расшифровке предаются!

— А нех их пытаться расшифровать! Делай, что старшие говорят! А то сейчас народными средствами отрезвлю и закодирую!

— Я понял! Ты меня наебать хочешь и бухло не проставлять!

— Пахан! — Тут уж не вытерпел и психанул Миха. — Бля, в натуре — извини за мой французский — сходи, пожалуйста, с воинами-гостями нашими тусанись, или на крайняк до портала пробздись — проверь, как он там!

— А чего ты меня гонишь? — Сжал кулаки Пашка. — Обмануть хотите?

— Паша! — Взревел Вадим, — Вот только блядь, ради тебя, нахер, специально вкладыш из медальона смертного перерисуем! Вот только, бля, ради тебя!! Вот, сука, нам заняться больше, блядь, нечем, как тебя наебать! Сходи, сучара, по хорошему прощу! К парням в лагерь, а вкладыш мы тебе покажем! Не переживай и мозги не еби нам!

— А че ты...

— Паша! — Миха демонстративно передернул затвор трофейного пистолета. —

Послушай, что старшие говорят!

— А хули ты меня пукалкой своей резиновой- пугать меня надумал? Мне похую!

— Паш! — Выдернул из-за спины Сайгу и демонстративно загнал в ствол патрон Леха — Не доводи до греха!

— Вы чего, оборзели?

— Потанцуем? — Подмигнул Лехе Миха и выстрелил в землю перед Пашкиными ногами. Тот подпрыгнул от неожиданности, но, взяв себя в руки, попытался броситься на стрелка и отнять оружие. Но Леха, предугадав этот финт, сместив ствол пониже, высадил двойной заряд, благодаря полуавтоматическим свойствам родственника «Калаша», заставив Пашку невероятным пируэтом отпрыгнуть на метр назад.

На шум подтянулись красноармейцы, недоумевающе косясь на стрелков и на матерящегося Пашку.

— Парни! Все под контролем! Все живы- здоровы, жертв и разрушений нет!

— Ага! — поддакнул Миха. — Произошла самопроизвольная детонация капсюлей охотничьих патронов! Паш, сгоняй — ка лучше до портала — проверь, как он там поживает! И посмотри, что там делает Серега? А то что то давно его живым не наблюдаем!

— Пахан, так надо! — продолжая держать в руках ружье, ненавязчиво смотрящее стволом в сторону собеседника, продолжил диалог Леха. — Наебывать тебя никто не собирается — время и место не те, но ты все таки послушайся Вадика — пробзись по округе!

— Добро! Будь по вашему! — злобно ощерился Пашка на вооруженных комрадов. — Я, конечно, тихий и беспомощный — под прицелом двух дебилов...

— Павлик, ну в натуре же задолбал! Никто тебя дитятку несчастную не обижает! Просто попросили реально_ не мельтеши и под руку не лезь! Результат по-любасу всем сообщим!

— А чего вы, как дебилы — стрельбу устроили? Сказать не судьба было?

— А ты понял бы слова?

— А вот как спросили-бы!

— Сам то понял сейчас, чего сказал?

— Паша! — не выдержав творящейся суеты, рывкнул Вадим. — Ноги в руки- и к порталу! Проверить! Результат сообщить по радиии! По возвращении — принести охапку дров! Как понял?

— А че ты...

— Выполнять, бля! Бегом, нах!!

Пашка, постепенно начиная догонять, что дело если еще не пахнет керосином, то дизтопливом уже отчетливо начинает пованивать, отбросив понты и решив оставить священное правдорубство до более лучших времен, потихоньку, бочком- бочком, согласно ранее согласованному с самим собой плану отступления потихоньку ретировался по направлению к порталу, не забывая вполголоса материться и костерить почем зря своих товарищей. Те, впрочем, привыкшие к подобным выкрутасам, не обращая не малейшего внимания на отступающего комрада, сгрудились вокруг Вадима, с почти суеверным почтением наблюдая за священнодействиями последнего.

— Как, говорите, имя бойца этого было? — вдруг ни с того ни с сего осипшим голосом спросил Вадим.

— Рядовой Сергей, фамилия Попков вроде. А что? У Пашки праздник нарисовался среди недели? — спросил Леха.

— Мишань — читай. Там вроде буквы разборчивы. — Попросил Вадим и потянулся в карман за сигаретами.

— Давай. — Миха склонился над размокшей бумажкой, и сощурил один глаз для лучшей фокусировки, взгляделся в выцветшие от времени буквы. — Фамилия нечитабельна, так... Имя — Анд... й, вроде Андрей... Плохо видно, буквы расплылись от сырости... Блин, походу проспорил ты, Вадюха..

— Дальше читай!

— Отчество — Г... евич, звание — ...ман. Что за херня?

— Дальше!

— Год рождения — последние две цифры только вижу — толи восемь-семь то ли три-семь. Республика — ..ФСР. Что это?

— Скорей всего — РСФСР. — подсказал Леха. — Дальше давай!

— Город — ..оскв... Москва, похоже.

— Вы чего, не вкурили? — вскрикнул Вадим.

— Чего? То, что ты Пахану ящик конины проспорил?

— Ты совсем по пояс деревянный или притворяешься? Эта бумажка — смертный медальон нашего Георгия!

— Да ну нах!

— В смысле?

— Сами смотрите! Фамилия — да Бог с ней! Имя — Андрей! Отчество- Георгиевич!

— Ну конечно малость за уши притянута, но да, малость похоже. — согласился Миха. Леха кивком молча подтвердил свое согласие с товарищем.

— Дальше! Возраст! Георгию нашему сколько?

— Ну хрен знает. Пятьдесят пять- шестьдесят? — предположил Леха. — Я особо как то по возрасту его и не спрашивал. А что?

— Следи за рукой! Блин, это я образно! — заметив недоумение на лицах приятелей, поспешил объяснить Вадим. Тридцать седьмой год рождения не подходит — в нашем времени ему под девяносто где-то было бы, а в том — всего пять лет. А вот восемьдесят семь как раз — если одна тысяча восемьсот в начале поставить. В сорок втором — в войну, я имею в виду, ему как раз получается пятьдесят пять лет.

— Бля! — не выдержал Миха. Следом и Леха грязно выругался, вложив в краткие, но емкие выражения весь спектр накопившихся в душе моральной усталости и негативных эмоций.

— Так это что, получается. — глядя на разложенные кости, продолжил Миха. — это наш Георгия? А откуда тогда пулемет? Это что, приколы такие?

— Монетки, которые выкопали — внимательно посмотрите. — предложил Леха. — Какой они эпохи? Тамошние или тутошние?

— Тамошние, к сожалению. Или к радости. Хрен поймешь сейчас, чему радоваться или плакать. — сказал Миха, перебирая металлические кругляши. — Вот эта — двадцать копеек — медяшка. Сквозь окислы вижу силуэт щита. А вот эта. — потер он монетку о ткань своей горки. — Три копейки, тридцать пятого. А это что за хрень? — Он взял в руки и стал внимательно разглядывать гильзу от ПТРД.

— А что с ней не так? Гильза как гильза — капсуль наколот!

— А ты глянь внимательно, как ее сплющило! Как будто специально молотком по ней били — что бы в ней что то сохранить.

— Сохранить, говоришь? А ну ка дай — ка сюда, посмотреть! — протянул руку Вадим. Взяв гильзу, повертел ее в руках, взгляделся во что то, плюнул на нее и стал яростно тереть о ткань рукава.

— Хм, какая интересная хрень на бочине у нее выцарапана, чем то острым, как будто гвоздем. Читаю: Т, четыре два ноль, М К семь пять ноль, R U S... Ничего не напоминает?

— Да в рот мне кило печени! Это же номер джипа Георгича! Вон он стоит на поляне — хозяина ждет! Можно сравнить, если кто не верит! Походу это послание от него!

— Точняк, от Георгича!

Внезапно где то рядом за кустами раздался хлесткий выстрел, заставивший всех непроизвольно пригнуться, и в тот же момент обе рации — одна в кармане Мишаниной горки, вторая у Лехи на поясе, синхронно, настроенные на один канал — сквозь резкий треск помех заверещали Пашкиным голосом- «Портал открылся!»

Больше книг на сайте - Knigoed.net